СМЕНА

Издается с 1924 г.

10’ 2007

Илья АВЕРБУХ:
Ничего не надо доказывать окружающим!

Султанна ФРАНЦУЗОВА
У женственности нет национальности

Пушкин и Дантесы
Примирение без прощения

Евгения КРЮКОВА Внешность – не заслуга

Тема «Смены» ГМО: риск или панацея?

Просто люди: **Грязевлечение**

Открой новое чудо России!

Дорогие читатели!

Проект «Семь чудес России», стартовавший в прошлом номере, набирает обороты.

Красноярские столбы, остров Петрова, озеро Баскунчак и мыс Столбчатый на острове Кунашир — очередные номинанты на звание «Чудо природы». Читайте о них на страницах этого выпуска, удивляйтесь, восхищайтесь, не забывайте голосовать в поддержку наиболее впечатлившего вас нерукотворного чуда на сайте www.smena-id.ru и присылать свои работы в редакцию по адресу: **127994, Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, 19, стр. 2** (*с пометкой «В редакцию журнала «Смена», проект «Семь чудес России»*).

На конверте не забудьте указать Ф. И. О., почтовый адрес с индексом.

По электронной почте: **jurnal@smena-id.ru**

Лучшие станут победителями и получат **денежный приз в размере 20 тысяч рублей и годовую подписку на журнал «Смена».** Все авторы присланных, но не ставших победителями работ, также получат в подарок годовую подписку на журнал «Смена».

Напоминаем условия конкурса

В проекте представлена 1 номинация — «Чудо природы».

Чудо природы — это уникальный край, заповедная территория или явление природы. Оно — духовный оплот России, жемчужина вдохновения. Не исключено, что жемчужина забытая и ей грозит исчезновение.

Чтобы принять участие в проекте, необходимо прислать в редакцию журнала «Смена» до 10 ноября 2007 года информативные, емкие и интересные сведения об уникальном крае, заповедной территории или явлении природы, которое, по вашему мнению, заслуживает звания «Чуда России», сопроводив фотографиями чудесное явление и собственной фотографией.

Критерии отбора работ

Уникальный край, заповедная территория или явление природы, претендент на звание «Чудо природы» — должен располагаться на территории России.

Объем материала, посвященного одному заявленному вами «Чуду природы», должен составлять 1600 машинописных знаков с пробелами (*т.е. 1/2 листа формата А4, кегль — 12, гарнитура — Times New Roman, междустрочный интервал —1*), либо 1 лист формата А4 рукописного текста.

Сведения должны сопровождаться фотографией края и собственной фотографией (для последующей публикации авторов, чьи работы стали победителями в итоговом голосовании).

Жюри конкурса

Представители Министерства природных ресурсов РФ.

Дмитрий Михайлович Амунц, заместитель министра культуры и массовых коммуникаций.

Михаил Григорьевич Кизилов, главный редактор журнала «Смена».

Присланные работы будут оцениваться жюри и публиковаться в сентябрьском, октябрьском и ноябрьском номерах журнала «Смена», а также на сайте журнала «Смена» **www.smena-id.ru**.

В ноябре жюри, приняв во внимание результаты народного голосования, подведет итоги и выберет СЕМЬ победителей в номинации «Чудо природы».

В декабрьском номере журнала «Смена» и на сайте **www.smena-id.ru** будет опубликован список победителей.

Ждем ваших писем!

СМЕНА
10'2007

№ 1716
издается с января 1924 года

Генеральный директор:
Юрий Мухтаров

Главный редактор:
Михаил Кизилов

Директор по новым проектам
ИД «Журнал «Смена»:
Нина Чугунова

Отдел журналистики:
Нина Чугунова, редактор
Евгений Стецко, фоторедактор
Надежда Болгова, Мария Жукова,
Сона Тамамян, Мария Курочкина

Литературный отдел:
Тамара Чичина, редактор
Светлана Подорванова

Оформление, верстка,
предпечатная подготовка:
дизайнПресс

Корректор: Марина Силакова

Использованы фотографии:
ИТАР-ТАСС

Реклама: adv@smena-id.ru
Тел. (495) 257-3337

Распространение: Елена Тамаева
E-mail: sales@smena-id.ru
Тел. (495) 257-3137

Главный бухгалтер:
Надежда Молчанова

Администрация: Людмила Калинина,
Вячеслав Мелихов

Редакция: 127994, Москва,
Бумажный пр-д, 19, стр. 2.
www.smena-id.ru
E-mail: jurnal@smena-id.ru
Тел. (495) 612-1507, факс 250-5928.

Печать: ООО «ИД «Медиа-Пресса».
127137, Москва, ул. Правды, д. 24.
Тираж – 87 000 экз. Зак. № 72280.

Учредитель – ООО «Издательский
дом журнала «Смена»

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской Федерации
по печати (Рег. № 014832).

Подписные индексы:
каталог «Роспечати» 70820
каталог «Объединенный» 88998
каталог «Почта России» 99406

© ООО «Издательский
дом журнала «Смена»

XX век явил человечеству множество потрясений.

Особенно для России!

Человечество тоже не осталось в долгу.

И особенно — Россия!

Но одно событие, и для современников и, бесспорно, для потомков, есть и будет самым знаковым!

50 лет тому назад, 4 октября 1957 года, люди преодолели силу земного притяжения, оповестив об этом мир лирическим звуковым сигналом: «Бип-бип, бип-бип». Советская ракета вывела на орбиту первый искусственный спутник Земли.

А через пятнадцать лет после этого мне довелось неоднократно наблюдать запуск ракет с подводных лодок. Зрелище — потрясающее!

Особенно запомнились осенние стрельбы.

Холодно, ветрено, идет плотный дождь.

И вдруг из воды выскакивают, одна за другой, как тот известный персонаж из табакерки, огромные сигары. На мгновение зависают в воздухе — и с нарастающим ревом уходят вверх. На кораблях обеспечения обстановка, как в финале спектакля «Идиот» в театре Георгия Товстоногова с участием великих Евгения Лебедева, Иннокентия Смоктуновского и Татьяны Дорониной, — ТИШИНА. Долгая тишина. И только потом — эмоции и восторг.

А минутой позже унылую серость плотного дождя неожиданно прорывают два солнечных столба. Солнце, которого мы не видели уже неделю, кажется особенно ярким и даже чуточку веселым.

Только через несколько минут тучи снова прячут его.

И — снова ТИШИНА!

Сколько подобных запусков за 50 лет-то сделано и сколько еще будет?

А ведь так лирично начиналось: «Бип-бип!»

Михаил Кизилов

РАПОРТ «СМЕНЫ»

4. Лицо с обложки. Илья Авербух

14. Хлеб едимый. ГМО: риск или панацея?

22. Постоянство разума.
Николай Коляда:
«Провинция тоскует
и любуется Киркоровым»

26. Игры взрослых.
«Нелегкая» российская атлетика

90. Путеводитель
с Эвклидом Кюрдзидисом

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

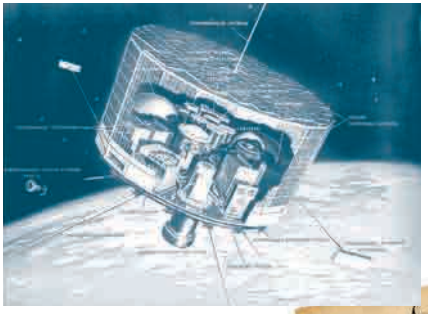
30. Фотопроект «Просто люди».
Грязевлечение

46. Практика относительности.
Не он ведет, за ним идут

52. Взгляд непостороннего.
По-соседски

МИРА ЗДАНИЕ

Семь чудес России.
128 Ленские Столбы
142 Озеро Байкал
166 Чегемское ущелье
192 Озеро Морской Глаз



56. Развитие темы. «Кто владеет космосом — тот владеет миром»

64. Смена представлений.

66. Свобода от известного. Пушкин и Дантес. Пророчество судеб, диалог цивилизаций

76. Странные вещи. Светящиеся

ПЛАНЕТА UNLIMITED

80. Город и другие. Меняющие представление. Загадка SF

УСТРОЙСТВО ПРИШЕЛЬЦЕВ

88. Диалог. Бегущие в будущее

ВЕЧЕРНЕЕ ЧТЕНИЕ

92. Детектив. Навсегда

130. Наши публикации. Александр Малышкин. Комнаты

138. Суть вещей. Да здравствует мыло душистое!

144. Творец и женщина, другая. «Питомец муз, волшебник милый»

154. Конкурс. Вторая поездка

168. Издалека. Верный слуга престола

180. Частное мнение. Евгения Крюкова: «Мне не бывает скучно наедине с собой!»

186. Кроссворды

РАПОРТ «СМЕНЫ»

ЛИЦО С ОБЛОЖКИ

Даже в пору, когда они, танцоры на льду Ирина Лобачева и Илья Авербух, были на вершине славы: чемпионы мира, призеры Олимпийских игр! — Илья в свободное время рад был заниматься чем угодно: то у него футбол в голове, то теннис, то телепроекты, как «Форт Боярд»... Ирина и Илья долго не объявляли об уходе из большого спорта, пытаясь понять, чем они будут заниматься и насколько сильно их потянет обратно.

Илья АВЕРБУХ:

«Мы не набираем в проект молодых фабрикантов, которые готовы грызть землю, чтобы чего-то добиться. У нас участвуют состоявшиеся личности. Им ничего не надо доказывать окружающим. Им самим должно быть интересно».

■ Наверное, мы слишком устали от спорта... И когда вместе с Ириной приняли решение о завершении спортивной карьеры, ждали ребенка, я думал над тем, что мы будем делать с этой свободой и чем будем заниматься.

Многие фигуристы вашего уровня, завершив спортивную карьеру, переходят в профессионалы.

■ Когда мы были еще действующими спортсменами и довольно долго жили и тренировались в США, мы упустили момент, когда следовало бы завести агента, который занимался бы продвижением бренда «Лобачева-Авербух». А потом... Лукавить в этом вопросе не имеет смысла: предложения, которые поступали, были не настолько интересными, чтобы сравнивать их с ценой моей свободы. Ведь это все равно был диктат продюсеров и режиссеров, нацеленный на коммерческий успех всего предприятия.

Неужели ваша жизнь в большом спорте была настолько подчинена диктату?

■ Свободы в моей спортивной жизни вообще не было! Даже этот вид спорта — фигурное катание, которому я посвятил основную часть прожитых лет, был выбран родителями, а не мною. Потом я попал под диктатуру тренера, обстоятельств и условий. Немногие решения были в моей власти.

Фигурное катание, особенно танцы, являет собой счастливое сочетание спорта с его диктатурой правил – и творчества, дающего свободу самовыражения...

■ Согласен: фигурное катание — один из немногих видов спорта, в котором можно реализовать себя творчески. Хотя в первую очередь — это спорт, а в нем все, даже творчество, подчинено достижению наивысших результатов. Это можно сравнить с коммерческим кино, когда режиссеру, может, и не очень нравится его снимать, но он знает, что это будут смотреть, и картина будет иметь кассовые сборы. Но цепями меня никогда не сковывали! Давали возможность что-то придумывать. Хотя диктат спортивных условностей меня все равно тяготил. Может быть, именно из-за этого я достаточно рано, в 28 лет, оставил спорт.

Чем вы занялись «на свободе»?

■ Я наметил для себя несколько направлений, которые казались мне интересными. Стал пробовать себя, побывав в роли телеведущего, спортивного комментатора, поработал на радио, снялся в кино... Ирина увлеклась тренерской работой. А я, в итоге, решил сделать свое ледовое шоу, создав собственную компанию «Ледовая симфония». И за четыре года мы серьезно преуспели. В нашем творческом багаже только в этом году — телепроект «Звезды на льду», восемь гала-концертов в Москве, включая шоу на Красной площади, шоу Татьяны Тарасовой, «Россия ждет Олимпиаду», большие туры по стране и за рубежом...

Ваш телепроект «Звезды на льду» вывел вас на новые творческие высоты.

■ Когда я взялся за проект «Звезды на льду», я получил свободу, которой в спорте у меня никогда не было. И это вдохновляло меня. Конечно, я понимал, что об абсолютной свободе даже мечтать сложно. Но я счастлив от того, что в рамках этого телепроекта на Первом у меня не было никакой подотчетности в творчестве. Я делал то, что хотел и считал нужным. Такую работу могу смело назвать подарком судьбы.

РОССИЯ
RUSSIA

В полном разгаре «Ледниковый период», и в новом проекте немало изменений...

■ Принцип остался тем же — известные фигуристы в паре со звездами театра, кино и телевидения. А формат программы, естественно, изменен — совершенно неожиданные участники: Чулпан Хаматова, Сергей Маковецкий, Алексей Макаров, Анастасия Волочкова... Жаль, что из политиков так никто пока и не решился принять участие в танцах на льду.

На этот раз был сумасшедший кастинг?

■ Желающих участвовать было хоть отбавляй. Но для нас важнее было не то, как человек катается на коньках, а что у него за плечами в творческом и личностном плане. А кататься мы научим!

С личностями – сложно.

■ В особенности было сложно в самом начале, в первом проекте: люди до конца не понимали, куда их втянули. Но никто из них не устраивал «звездных закидонов», все много трудились и добивались результатов именно потому, что они — личности. Я рад, что первым проектом мы добились главного — устроили праздник для зрителей. И хотя все видели, что в шоу складывались пары, отношения, вокруг них велись разные разговоры, мы не делали «шоу для прессы». Для нас важно было показать людям, что в любом возрасте можно попытаться открыть для себя что-то новое, например, научиться кататься на коньках. А еще сделать каждый из номеров максимально интересным, самодостаточным, чтобы он был такой же актерской работой, как и спортивной.
Поэтому в новом проекте доверия мне гораздо больше, хотя тоже требуется немалая психологическая работа, чтобы удержать всех их, занятых своими творческими делами, в проекте, чтобы у них не опускались руки, когда что-то не получается, и зажигались глаза от желания попробовать что-то еще. Мы ведь набираем в проект не молодых фабрикантов, которые готовы грызть землю, чтобы чего-то добиться. У нас участвуют состоявшиеся личности, которым уже не нужно ничего доказывать окружающим, им просто должно быть интересно это делать.

Ирина часто говорила в интервью, что в вашем дуэте, как в спортивном, так и в семейном, вы – мотор...

■ Такой с детства. Мне нужно постоянно куда-то двигаться, что-то делать, путешествовать... Мне нужна постоянная смена впечатлений, декораций, актеров... Мне нужны ежедневные победы, которые меня вдохновляют. Я постоянно чем-то зажигаюсь. И не боюсь что-то начинать, быть в чем-то первооткрывателем. Именно поэтому я подговорил Ирину участвовать в съемках программы «Форт Боярд»... Я — авантюрный человек, но не сорвиголова. Я никогда не горел желанием броситься вниз головой с «тарзанки» или выпрыгнуть из самолета с парашютом. Хотя мне нравится себя испытывать. Одним из таких испытаний было участие в проекте «Форт Боярд»: там были не только состязания на силу и выносливость, но и тараканы, и мыши, и прочие неприятные вещи...

В вашей семье правит дух свободы?

■ Есть свод правил, которые мы с удовольствием выполняем. И у нас у каждого есть определенная степень свободы. Семья — это сложный живой организм, в котором постоянно происходят какие-то изменения.

Вы сказали, что в вашей детской жизни все было подчинено результату, как его понимали родители, они же и делали за вас выбор. А теперь у вас растет сын...

■ Конечно, любому родителю хочется защитить ребенка от ошибок, но не значит ли это пытаться заставить ребенка пройти свой собственный, только самим тобой отредактированный, подправленный, путь, исполнить не его, а твою несбывшуюся мечту? Поэтому мы с Ириной — достаточно мягкие родители, и никаких жестких рамок Мартину, нашему сыну, не выставляем. Мне иногда хочется проявить власть, но я притормаживаю себя, понимая, что нужно стараться находить золотую середину, не перегибая ни в одну, ни в другую сторону. Конечно, с одной стороны, ребенку хочется попробовать все, с другой — ему тяжело заставлять себя трудиться. И в этой ситуации, давая возможность свободы выбора, нужно прибегать и к определенному диктату. Иначе через несколько лет, повзрослев, твой ребенок скажет тебе, что его сверстники вон чего добились, а ему такой возможности не дали, не научили, не заставили... Но не нужно впадать и в самодурство, придумывая, что чадо должно стать суперчемпионом, даже несмотря на то, что у него для этого нет данных. В этом случае начинается издевательство над ребенком и его психикой.

Вы будете отдавать сына в фигурное катание?

■ Мы будем пробовать разные виды спорта. А выбор — за ним. Я уверен, что ребенку нужен спорт. Не обязательно спорт высших достижений, но заниматься спортом хотя бы ради преодоления себя и своих слабостей нужно. Все-таки спорт серьезно организовывает, мобилизует человека, дает ему дополнительные силы. И я могу судить по тем людям, которые приходят ко мне в проект: так или иначе, все они соприкасались со спортом в детстве или юности достаточно серьезно. И это тоже оказало влияние на развитие их личности.

Все-таки: спорт, а в нем суровая дисциплина и беспрестанная тяга к победе, – охраняют творчество, берегут свободу? И без них человек не справится.

■ Каждый из нас, думаю, рожден для какой-то миссии, возносящей его над другими: кто-то — быстрее всех бегать, кто-то — придумывать лучше других... И если в тебе заложено творчество, как ты его ни закапывай в себе — оно все равно рано или поздно прорвется. Если тебе дано выдержать все тяжелые физические нагрузки — ты их выдержишь... И родителям нужно лишь следить за этим балансом, чтобы помочь ребенку раскрыться именно в том, к чему он больше предрасположен. И если родители видят, что ребенок слишком глубоко увяз в спорте, надо пытаться создать вокруг него еще один мир, чтобы он имел возможность развиваться еще и интеллектуально, а не только физически. И наоборот, если ребенок слишком погружен в интеллектуальную деятельность, нужно вытаскивать его на спортивные тренировки, чтобы дать ему возможность развивать свои силы и здоровье. Разумный диктат правил в свободе самовыражения — это лучший путь к гармонии.

Интервью записала Татьяна Секридова

СИЯ

День Ильи Авербуха и хореографа Елены Масленниковой заканчивается тогда, когда у других он начинается.

Мария Жукова

ГМО: риск *или* панацея?

В конце октября состоится конференция о биологической безопасности ГМ-продуктов. Благодарим заместителя директора Института физиологии растений им. К.А.Тимирязева РАН **Владимира Цыдендамбаева** за предоставление материалов новейших исследований, определивших тематику конференции, а также за интервью для «Смены».

Пока основной тезис таков: сегодня не существует технологий, позволяющих получить ГМО, которые были бы безопасными для человека при использовании содержащих их продуктов в пищу.

В конце прошлого века американские биологи и генетики разработали методику генетической модификации живых организмов. Если растению в его генетический «набор» внедрить новый ген, оно обретет новые свойства. Так появились помидоры, устойчивые к транспортировке, табак, устойчивый к пестицидам, ГМ-соя, кукуруза, рис, картофель... Поначалу трансгенам обрадовались: им не важны климатические и другие условия, они неуязвимы для вредителей. Но вскоре обнаружилось: употребление продуктов с содержанием ГМО совпало с резким увеличением числа аллергиков и людей, страдающих ожирением. Разгорелись бурные дискуссии, от ГМ-культур стали отказываться целые страны...

Первые разрешения на коммерциализацию ГМО и продажу полученных из них продуктов были получены в США в 1995 г., а уже в 1999-2000 гг. вспыхнула дискуссия о пищевых рисках этого вида новой пищи.

А. Пуштаи (Исследовательский институт Рауэтт, Великобритания), исследуя крыс, которые 9 месяцев питались трансгенным картофелем, модифицированным лектином подснежника, выявил негативные изменения состояния слизистой оболочки кишечника, частичную атрофию печени и изменение одной из желез внутренней секреции, а также изменения относительного веса внутренних органов, по сравнению с контрольными крысами, питавшимися нетрансформированным картофелем.

Эта дискуссия не могла остаться не замеченной широкой общественностью, и с тех пор последняя не оставляет тему ГМ-пищи своим вниманием. Тем более, что все новые и новые результаты, подтверждающие, что риски использования ГМО являются не только потенциальными, появляются регулярно.

– Владимир Дылыкович, в чем же плюсы и минусы трансгенных продуктов и каково значение отмены моратория на них?

– Методы генной инженерии, используемые при создании ГМО, позволяют преодолевать один из наиболее мощных запретов эволюции – запрет на обмен генетической информацией между далеко отстоящими в эволюционном плане видами. Сложность технологии получения ГМ-организмов сочетается с ее фантастиче-

Генетически модифицированные (трансгенные) организмы получают с помощью генной инженерии, которая позволяет переносить отдельные гены из любого живого организма в любой другой живой организм. В природе подобный путь передачи генетической информации запрещен. Цель получения ГМО – улучшение полезных характеристик исходного организма-донора (например, повышение устойчивости растения к гербицидам, насекомым и т.п. для снижения себестоимости продуктов.)

ским несовершенством, что и является причиной наличия биологических рисков при коммерческом выращивании ГМО и использовании ГМ-продуктов.

«Плюсы» ГМО — легкость и научная предсказуемость приобретения заданных свойств новыми сортами. Большинство таких ГМ-разновидностей получили в результате «улучшения» устойчивости к какому-то гербициду (например, раундапу), или к природному вредителю данного вида растения (например, к колорадскому жуку у ГМ-картофеля).

Что касается «минусов», то в результате акта трансформации эти сорта получили «в нагрузку» и другие свойства. Например, устойчивый к колорадскому жуку картофель приобрел повышенную чувствительность к другому вредителю — фитофторе, что и заставляет перерабатывать урожай в течение первых месяцев после его сбора, т.к., в противном случае, фитофтора его уничтожит.

И таких отрицательных особенностей у ГМ-растений набирается довольно много.

Урожай устойчивого к колорадскому жуку картофеля практически весь сгнивает через 3-4 месяца хранения. Иными словами, некоторые экономические «дивиденды» (8–12%, а не 40%, как сообщают СМИ), которые дает защита картофеля от колорадского жука, с избытком перекрываются потерями от гниения генетически модифицированных клубней в процессе зимнего хранения.

– Бытует мнение, что ГМО – это пища для населения бедных стран, где отсутствует контроль за безопасностью на пищевом рынке.

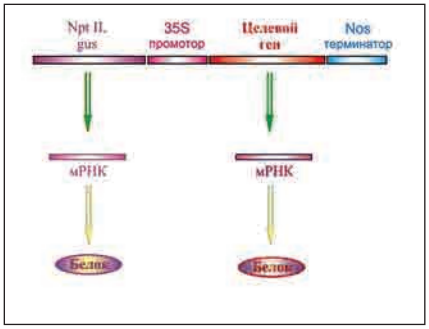
– Это действительно так. Такие страны не имеют ни развитого сельского хозяйства, ни науки, которая могла бы обеспечить их сельское хозяйство отечественны-

Причины биологических рисков ГМО:

1) Непредсказуемость встраивания чужеродного фрагмента ДНК (например, ДНК бактерии, человека или рыбы) в геном организма-донора (растения). Это – один из основных недостатков генно-инженерной технологии. В настоящее в ремя и сследователь н е у меет «вставлять» чужеродный фрагмент ДНК в данное конкретное место генома хозяина. Ситуация усугубляется еще и тем, что механизмы функционирования г енетического а ппарата высших организмов изучены пока далеко не достаточно.

2) Плейотропный эффект встроенного гена.

3) Нарушение стабильности генома и изменение его функционирования вследствие самого факта переноса чужеродной информации в виде фрагмента ДНК.



Генная конструкции для трансформации растений. Npt II, hpt и gus – так называемые «репортерные гены», 35S – промотор вирусного происхождения (источник – вирус мозаики цветной капусты), Nos – терминатор, целевой ген – ген, ради внедрения которого и создана генная конструкция, например, ген, кодирующий Bt-токсин.

В Мексике практически не осталось нетрансгенной кукурузы!

ми сортами того или иного растения и стать основой для осуществления контроля за безопасностью как импортируемой пищевой продукции, так и продукции, произведенной в стране.

– И вместе с тем, например, многие африканские страны отказываются от гуманитарной помощи, в которой есть трансгенные продукты...

— Если к свирепствующим в Африке малярии, сонной болезни, вирусам СПИДа и другим заболеваниям добавить еще и потенциальные пищевые риски ГМО, то это только усугубит ситуацию. Негативные эффекты для человека при долговременном употреблении ГМ-продуктов практически невозможно предсказать. Но главная причина отказа африканских стран от «ГМ-помощи» — экономическая. Причину голода многие африканцы видят как раз в агрессивном внедрении чуждых западных технологий в традиционное земледелие. Кто даст гарантию, что новое американское предложение в виде ГМО не окажется еще более губительным? Ведь известно, что некоторые сорта трансгенных сортов уже не прижились в Африке, оставив уповавших на них людей в худшем положении, чем они были до этого.

Из выступления на встрече африканских фермеров с канадским фермером Перси Шмайзером, известным по судебному процессу с компанией «Монсанто», апрель 2006 г.: «В Африке достаточно большой семенной фонд, способный прокормить растущее население этого континента. ГМО же, вслед за «зеленой революцией», вгонят нас в очередную зависимость от транснациональных корпораций. Что это как не рабство?»

– Как бы вы сформулировали свою позицию: вы против производства генетически модифицированных растений?

Даже самые распространенные в настоящее время коммерческие сорта (например, соя фирмы «Монсанто», устойчивая к гербициду раундапу) не сохраняют генетическую стабильность после трансформации исходного растения, а, значит, являются потенциально опасными для человека и среды его обитания.

4) Нарушение стабильности встроенного в геном чужеродного фрагмента ДНК.

5) Наличие во встраиваемом фрагменте ДНК (генетической конструкции) различного «технологического мусора», например, генов устойчивости к антибиотикам, которые также могут привести к нежелательным и непредсказуемым последствиям.

6) Аллергические эффекты чужеродного белка.

7) Токсические эффекты чужеродного белка.

Прошли государственную регистрацию и разрешены для реализации населению и использованию в пищевой промышленности в Российской Федерации:

Соя – линия 40-3-2, устойчивая к глифосату, линии А 2704-12 и А 5547-127, устойчивые к глюфосинату аммония.

Картофель – сорта Рассет Бербанк Ньюлиф *(Russet Burbank Newleaf)*, Супериор Ньюлиф *(Superior Newleaf)* и «Елизавета 2904/1 kgs», устойчивые к колорадскому жуку.

Кукуруза – линии GA 21 и NK-603, устойчивые к глифосату, MON 810, устойчивая к стеблевому мотыльку, MON 863, устойчивая к вредителям (Diabrotica spp.) и Т-25, устойчивая к глюфосинату аммония.

Сахарная свекла – 2 линии, устойчивые к пестицидам.

Рис – линия LL 62.

Столичные власти во главе с мэром Лужковым приняли закон о полном запрете использования ГМО в детском питании.

– До тех пор, пока не будут получены и доведены до общественности **исчерпывающие** и **достоверные** доказательства безопасности того или иного ГМО, их выпуск в не контролируемые производителем условия является преждевременным. Обязанность по получению таких доказательств, в соответствии с Международной конвенцией по устойчивому развитию и окружающей среде (принятой мировым сообществом в 1992 г. в Рио-де-Жанейро и подписанной Россией), лежит на производителе.

– Наше законодательство в достаточной мере регулирует генно-инженерную деятельность?

– В России в настоящий момент создана и функционирует законодательная и нормативно-методическая база, регулирующая производство в стране, ввоз из-за рубежа и оборот пищевой продукции, полученной из генетически-модифицированных источников (ГМИ). До 16.04.2004 г. существовала созданная в 1997 г. Межведомственная комиссия по проблемам генно-инженерной деятельности. В 2004 году эта комиссия была упразднена постановлением правительства, и на сегодняшний день не существует государственного органа, регулирующего генно-инженерную деятельность. С моей точки зрения, законодательная база недостаточна. Россия пока не присоединилась к Картахенскому протоколу, регулирующему трансграничный перенос ГМО, не принят закон о биологической безопасности, недостаточно национальных стандартов для определения и идентификации ГМО в продуктах питания и кормах.

Ни в одном (!) из заключений НИИ питания РАМН, на основании которых были зарегистрированы и получили разрешение для реализации населению в целях использования в пищу «…14 видов пищевой продукции растительного происхождения, полученных с применением трансгенных технологий…» нет ни одного слова о проведении (не говоря уже о результатах) исследования на безопасность.

– С 1 июля 2007 года вступило в силу постановление столичной мэрии, рекомендующее производителям продуктов питания, не использующим ГМО, уведомлять об этом потребителя специальной наклейкой. Между тем, говорят, что получение права на маркировку и затраты на нее – целая история…

– Не знаю деталей, но по существующим расценкам стоимость анализа при проведении мониторинга ГМ-

Самым последним свидетельством существования опасных медико-биологических рисков, привносимых ГМ-продуктами, стали исследования группы ученых, проводивших независимую проверку представленных данных по безопасности ГМ-кукурузы MON863 американской компании «Монсанто». Продукт оказался токсичным для печени и почек! На коммерческой основе эта кукуруза выращивается в США и Канаде с 2003 г. Ее одобрили для импорта и использования в продуктах питания в таких странах, как Япония, Корея, Тайвань, Филиппины и Мексика. После длительных дебатов в Европе кукуруза MON 863 получила одобрение Европейской Комиссии для использования в качестве корма для животных в 2005 г. и для людей – в 2006 г. В России же трансгенная кукуруза MON863 была одобрена к использованию еще в 2003 году.

продукции на рынке за счет средств московского бюджета составляет 1900 руб. и около 3000 руб. для «коммерческих анализов». Но следует иметь в виду, что анализируется не каждая пачка пельменей или батон колбасы, а некоторое число образцов из партии продукции. Это число определяется в соответствии с действующим ГОСТом и достаточно невелико, в то время как размер партии измеряется тоннами, а иногда (например, для зерна) и тысячами тонн.

– Одними из основных оппонентов биотехнологов в России стали производители сельхозхимии. Нет ли здесь противоречия?

— Никакого противоречия нет. Тех, кого вы называете «биотехнологами», следует называть «производители и продавцы ГМО», т.к. они просто производят и продают продукцию, изначально полученную с применением биотехнологии, и не более того. Их «оппоненты» в ряде случаев могут оказаться их конкурентами. Производители семян ГМ-растений являются одновременно и производителями гербицидов, к которым устойчивы эти ГМ-растения. В частности, производителем как ГМ-сои, устойчивой к раундапу, так и самого раундапа является фирма «Монсанто». Выращивание фермерами этой трансгенной сои неизбежно приведет к покупке ими же и раундапа у той же фирмы.

– Есть ли гарантия, что продукты, которые могут оказаться у нас на столе, будут произведены с соблюдением всех возможных технологических процессов?

— Какой-то гарантией может служить только сертификация продукции и проверки товаров в магазинах, а также ответственность производителя, экспортера, продавца. Речь должна идти не о технологии получения трансгенных продуктов, а о технологии получения трансгенных растений, что является коммерческой тайной фирмы-производителя, а нарушается она или нет, можно узнать только по последствиям таких нарушений. Вспомним скандал вокруг детского питания Humana, один из ингредиентов которого (ГМ «суперсоя», не содержавшая витамина B1, в норме присутствующего в обычной сое) привел к смерти нескольких младенцев в Израиле в конце 2003 г.

– Сторонники ГМО утверждают, что генная инженерия спасет растущее население Земли от голода...

— ГМ-пища — не панацея от голода. ГМ-растения только снижают затраты производителя на получение и сохранение урожая. Мне не известны исследования,

Продукция этих фирм содержит трансгенные компоненты:

Kellogg's *(Келлогс)* – производит готовые завтраки, в том числе кукурузные хлопья.

Nestle *(Нестле)* – производит шоколад, кофе, кофейные напитки, детское питание.

Unilever *(Юнилевер)* – производит детское питание, майонезы, соусы и т.д.

Heinz Foods *(Хайнц Фудс)* – производит кетчупы, соусы.

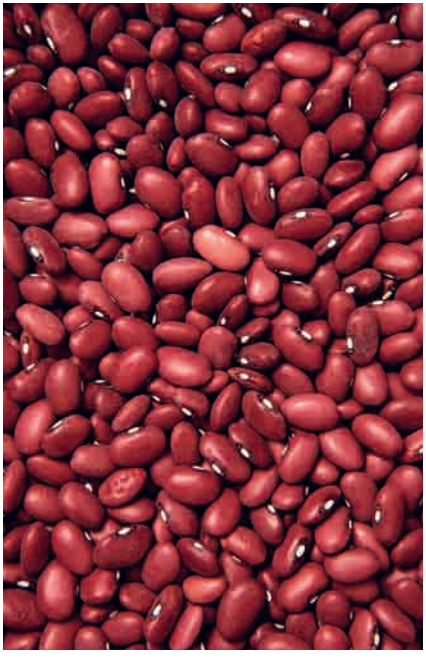
Hershey's *(Хершис)* – производит шоколад, безалкогольные напитки.

Coca-Cola *(Кока-Кола)* – производит газированные напитки.

Danon *(Данон)* – производит йогурты, кефир, творог, детское питание.

Cadbury *(Кэдбери)* – производит шоколад, какао.

По данным Центра государственного санитарно-эпидемиологического надзора



которые доказывали бы повышенную продуктивность ГМ-растений по сравнению с сортами традиционной селекции. Из 88 сортов ГМ-растений, зарегистрированных в списке американского Агентства FDA (Food and Drag Agency), только 3 сорта ГМ-сои в результате трансформации приобрели высокое содержание олеиновой кислоты в масле и 2 сорта мускатной дыни модифицированы для замедления созревания, благодаря снижению синтеза этилена. Все остальные 83 сорта имеют либо устойчивость к гербициду, либо к какому-то вредителю.

– Опасны ли ГМ-продукты для развития сельского хозяйства?

— Если речь идет о крупномасштабном производстве ГМ-растений — опасны. Биотехнологических компаний-производителей семян совсем немного, и это — либо транснациональные корпорации типа «Монсанто» и «Байера», либо их дочерние фирмы: можно считать, что производство семенного материала является их монопольным владением. Что же касается производителей собственно урожая, то именно фермеры, купившие у «Монсанто» и ей подобных фирм семена, и сталкиваются уже не с потенциальными, а с реальными рисками. Прежде всего, это — снижение сортового разнообразия сельскохозяйственных культур вследствие массового применения ГМО, полученных из ограниченного набора родительских сортов. Монопольное владение семенными и химическими корпорациями приводит фермера или даже целое государство — покупателя ГМ-семян — к сверхзависимости от производителя посевного материала. Тем более что фирма продает семена на условиях, по которым покупатель не может оставлять часть урожая для посева их на следующий год. В противном случае, он нарушит патентное право и будет подвергнут судебному преследованию.

В 2004 г. «Монсанто» изобличила 500 фермеров в незаконном использовании запатентованных компанией семян. Однако неизвестно, действительно ли фермеры высадили семена, не заплатив, или эти семена принесло на поля ветром, или произошло переопыление, как в случае с органическим рапсом, выращиваемым Перси Шмайзером. Заподозрив, что на соседнем поле выращивают ГМ-рапс, он проверил свои посевы и обнаружил трансгенные растения. Однако потребовать возмещения ему вреда как производителю органиче-

Недавно доктор Terje Traavik из Норвегии сообщил о результатах исследования влияния ГМ-зерновых культур на здоровье человека. Он утверждает, что фермеры на Филиппинах, живущие в областях, где растет ГМ-кукуруза, встретились с необычной болезнью, которая может быть реакцией на токсин в пыльце этого растения. Им получены данные на крысах, что вирус мозаики цветной капусты, который используется в зерновых ГМ-растениях для включения чужого гена в геном растения, найден в клетках тканей некоторых подопытных животных. Ранее считалось, что такое принципиально невозможно.

В августе этого года глава «Роспотребнадзора» Геннадий Онищенко подписал постановление, согласно которому с 1 сентября все продукты, содержащие более 0,9% ГМО, должны иметь специальную маркировку.

Из ста человек только двадцать три готовы питаться трансгенными продуктами.

ского рапса Шмайзер не успел, так как «Монсанто» сама подала на него в суд и обернула дело в свою пользу, а фермер вынужден был выплатить многотысячный штраф.

Кроме того, при более широком распространении ГМ-культур все труднее будет предотвратить заражение обычных сортов ГМ-разновидностями. Загрязнение традиционных сортов растений трансгенными формами представляет колоссальную угрозу для сельского хозяйства.

– Некоторые противники ГМ-продуктов уже почуяли выгоду. Власти округа Мендосино (Калифорния) запретили выращивать модифицированные зерновые и скот и заявили, что это сделает местную продукцию более конкурентоспособной.

— В последние годы в Европе, Азии и даже в Америке распространение получили так называемые «Зоны, свободные от ГМО». Такой зоной объявил себя штат Аляска, в Канаде в середине августа этого года — остров Ванкувер. В провинции Саскачуан (Канада) организация фермеров обратилась в суд на компании «Монсанто» и «Авентис» с исками, требуя возместить убытки фермерам, пострадавшим от засорения своего урожая трансгенами, поскольку засорение урожая генетически чистого рапса семенами ГМ-сортов закрыло для фермеров традиционные рынки.

– Каковы результаты опробирования ГМ-продуктов?

— Сравнительный анализ частоты заболеваний, связанных с качеством продуктов питания, был проведен в США и Скандинавских странах. Население этих стран имеет достаточно высокий уровень жизни, близкую продуктовую корзину, сопоставимые медицинские услуги. Оказалось, что за несколько последних лет в США частота пищевых заболеваний была в 3-5 раз выше, чем в странах Скандинавии. Единственным существенным отличием в качестве питания является активное употребление в пищу ГМ-продуктов населением США и их практическое отсутствие в рационе народов Скандинавии. В России, по данным отечественных аллергологов, до «нашествия» импортных ГМ-продуктов уровень аллергических заболеваний был в 5-7 раз ниже, чем в США, однако за последние годы, когда в страну потоком хлынула трансгенная пища, эта разница практически нивелировалась.

«Смена» продолжит наблюдение за развитием темы.

Николай КОЛЯДА:

«Провинция тоскует и любуется Киркоровым»

«Русский театр превратился в дурную блестящую фальшивку. Режиссеры оторвались от жизни общества и свели функцию сцены к тупой развлекухе», — заявляет всемирно известный драматург Николай Коляда. Пьесы одного из самых успешных современных драматургов идут в крупнейших театрах более двух десятков стран, включая Америку, Австралию и всю Европу. Его признали создателем новой драматургической школы. Автор таких пьес, как «Мурлин Мурло», «Рогатка», «Мы едем, едем, едем...», «Персидская сирень», «Уйди-уйди» и др. продолжает жить и работать в Екатеринбурге. Там он пишет пьесы, руководит частным «Коляда-театром», редактирует литературный журнал и преподает в театральном институте.

– Сегодня все чаще говорят о застое в театре, о том что он превратился в один из самых скоропортящихся видов искусств. Что вы думаете по этому поводу?

– Я согласен, что театр застаивается и тухнет. Недавно один умный человек сказал мне: «Изменить ситуацию в театральном искусстве, задать новое направление может только драматургия». И вроде бы появляется достаточно много нового материала, но перелома не происходит. Режиссеры пытаются открывать современные пьесы старым ключом, чего делать нельзя. Я на пальцах могу пересчитать случаи, когда меня что-то удивило или восхитило в театре. Обычно вижу, как тетки и дядьки с актерским образованием приклеиваются к парикам и начинают что-то изображать на сцене. Театр превратился в фальшивое действие, которое не тревожит, не вызывает ни ненависти, ни радости, никаких других сильных чувств. Я не говорю, что в своем театре делаю нечто гениальное, революционное. Но я хотя бы пытаюсь в этом грязном сыром подвале быть альтернативой академическому театральному искусству – напыщенному, бутафорскому, с коньяком в буфете и ложью на сцене. Прийдя в театр, публика видит на сцене дурной российский гламур – с песнями, танцами, перьями. Видит артистов в «мертвых» костюмах из дорогих отглаженных тканей. Люди два часа сидят смотрят на странную непонятную жизнь, а потом выходят на улицу и идут по разбитым, загаженным тротуарам, видят кругом грязь, бардак, бесчисленное количество бездомных и нищих. Каждый день я подъезжаю к помойке, чтобы выбросить мусор, и наблюдаю по пять-десять бомжей. На них все махнули рукой, никого они не волнуют. А ведь это – несчастные люди, которым надо как-то помочь. Думаю, очень многим режиссерам и актерам не помешало бы провести ночь с бомжами, пообедать с ними из одного мусорного бака.

«Хватит ублажать и облизывать зрителя! Пора его будить!..»

– Может быть, публика сегодня и не ждет от театра серьезных разговоров? Функции театра изменились, и это – нормально...

– Мне кажется, зритель как раз готов и ждет, чтобы хотя бы в театре с ним поговорили о чем-то серьезном – о смысле жизни, о том, откуда мы, куда идем... Режиссеры и директоры подавляющего большинства театров вбили себе в голову, что публику нужно ублажать, успокаивать. Функция театра свелась к тупой развлекухе. Молодежь, которая приходит в драматургию, пытается писать о том, что они видят вокруг, о том, что их искренне волнует, но российская сцена не принимает их материал. Им говорят: «Этого не надо, вдруг зритель испугается. Эту тему тоже поднимать нельзя, она – журналистская, а не театральная». Я считаю, все что жизненное, наболевшее, оно все может быть нужным и приемлемым на сцене. Театр должен вызывать сильные чувства.

Дефицит колбасы и образования

– Герои ваших пьес – простые люди, которые живут , любят , решают свои проблемы сейчас. А кто из них, по-вашим ощущениям, наиболее точно характеризует сегодняшнее время?

– (Задумывается) Лев Толстой говорил, Наташа Ростова – это я. Гюстав Флобер называл себя прототипом мадам Бовари... Наверное, некрасиво и высокомерно с моей стороны проводить такие параллели, но все герои моих пьес – это я сам. Герой нашего времени – я. Езжу на раздолбанной восьмерке, живу в провинции, занимаюсь любимым делом, стара-

юсь жить по совести. Наверняка, я способен на мелкую подлость, раз уж работаю в театре, где без этого – никак, но никогда не опущусь до подлости. Я сказал сам себе: все, что делаешь в жизни, нужно делать по любви. А любовь – это не красивые слова, а поступки. Любишь артиста – дай ему хорошую роль, возможность заработать. И не надо ждать благодарности.

Я с любовью и радостью занимаюсь театром, журналом, своими студентами. Особых денег мне это не приносит, но убежден, они – не главное в жизни. Мне чуть ли не каждый день звонят с просьбами написать сценарий какого-нибудь сериала, обещают тысячи долларов. Но я отказываюсь. Ну, не интересно мне этим заниматься. Я сам выбрал такую жизнь и счастлив, что она у меня есть.

– Героиня вашей известной пьесы «Мурлин Мурло» – одинокая, несчастная провинциальная женщина, каких в стране – многие тысячи. За 17 лет, которые прошли с момента написания пьесы, жизнь этой провинциалки как-то изменилась?

– Полгода назад мне позвонила Галина Борисовна Волчек с предложением: «Колян! Сергей Гармаш предложил гениальную идею – написать пьесу о том, что случилось с Мурлин Мурло за все эти годы. За работу!» Я положил трубку и задумался. При всей моей любви к Волчек понял, что писать продолжения не буду. В жизни Ольги Мурлин Мурло за 17 лет ничего не изменилось. Более того, таких Ольг в стране стало еще больше. Сидят они несчастные в городе Задрюпинске, жуют жвачку, любуются Филиппом Киркоровым в телевизоре. Да, они необразованные, немного отупевшие, но при этом замечательные в душе люди, одинокие, ищущие любви. По сути, это наша несчастная страна, которая пила и пьет, потому что у нее нет цели.

Театр превратился в фальшивое действие, которое не тревожит, не вызывает ни ненависти, ни радости, никаких других сильных чувств.

Подтверждением моих рассуждений может служить хотя бы то, что эту пьесу продолжают ставить во многих странах, и то, что на сцене «Современника» она уже 16 лет идет при полных аншлагах. Я смотрел зарубежные постановки своих пьес и всегда радовался, что в них нет русской атрибутики – лаптей, самоваров и т. д.. Они рассказывают со сцены про себя, про свои проблемы. Маша с Уралмаша и Мари из трущоб Бразилии чувствуют одинаково. Ни немцам, ни американцам, ни австралийцам не интересно, как мы живем в России. Они хотят увидеть про себя.

– Зачастую создается ощущение, что вы очень пессимистично смотрите на мир. Неужели совсем не видите положительных тенденций, например, в провинции?

– Я стараюсь реально смотреть на вещи. В любом случае, в моих пьесах больше оптимизма. Чеховское «все равно надо жить, дядя Ваня. Мы увидим небо в алмазах» – должно быть в драматургии обязательно. А насчет положительных тенденций, то вы отъедьте 50 километров от Екатеринбурга, например, в деревню Бутка, где Ельцин родился, посмотрите, как люди живут, и все поймете. Это же – катастрофа! Но народ привык. Он так жил и 10, и 20, и 50 лет назад. Прошло 33 года, как я уехал из своей деревни в Кустанайской области, а там как не было света зимой, так его и нет, как были дефицитом помидоры, колбаса, так и остаются.

Жизнь провинции я знаю от и до. Мне не нужно долго разговаривать с какой-нибудь бабушкой, чтобы понять, чем и как она живет. Достаточно ей сказать несколько фраз, и я понимаю, как у нее мебель расставлена, где у нее тапочки стоят, какие сериалы она смотрит, с кем она обсуждает развод Пугачевой и Киркорова.

Культура задыхается от чиновников

– Валерий Гергиев в одном из своих интервью говорил о том, что возрождение страны должно начинаться с поднятия культуры в провинции. Вы согласны?

– Гергиев абсолютно прав. Если разобраться, то все беды в России часто идут от недостатка культуры, образованности общества. Говорят, по статистике, на каждые 70 тысяч населения должен приходиться один театр, потому что только тогда можно говорить о его какой-то воспитательной роли. У нас в Екатеринбурге – 2 млн. жителей, а театров раз, два и обчелся.

Для развития культуры наплодили кучу чиновников, но они, по-моему, только тормозят процесс. Перекладывают бумажки, пишут отписки. У них нет живого общения с людьми. Они живут какой-то своей жизнью: то у них командировка в Лондон, то совещание в Египте, то очередной отпуск. Добиться внятного диалога невозможно. К сожалению, от всех этих свиноежиков во власти зависит жизнь театров, простых граждан. Какой бы спорной личностью ни была Екатерина Фурцева, но она разбиралась в своей теме, она была способна принимать решения, не боялась брать на себя ответственность. Например, меня уже два года пытаются выгнать из подвала, где расположен «Коляда-театр». Много шума, много судов, но ничего не меняется. Я не понимаю, почему, скажем, губернатор не может ударить кулаком по столу и сказать: «Дайте вы этому сумасшедшему Коляде какой-нибудь подвал, и пусть работает».

Сейчас умных хозяйственников в культуре просто нет. Люди не понимают и не чувствуют на что тратить бюджетные деньги в первую очередь. Вот, например, недавно у нас в городе управление культуры проводило фестиваль «Французская весна». Были вбуханы бешеные деньги. Простите, но я не понимаю, кому и зачем это было нужно. В культурном секторе города огромное количество проблем. Зачем швыряться деньгами, когда их не хватает!?

Режиссеры и директоры подавляющего большинства театров вбили себе в голову, что публику нужно ублажать, успокаивать. Функция театра свелась к тупой развлекухе.

– Культура по-прежнему выживает за счет государственных средств. А что должно произойти в стране, чтобы большие бизнесмены стали инвестировать деньги в искусство?

– Государство должно создать условия, при которых олигархам стало бы выгодно вкладываться в культуру. Насколько я знаю, в Германии, например, если человек дает деньги на театральный проект, ему снижают налоги в два или три раза. Бизнесменам это выгодно. А просто так денег никто не даст, тем более в нашей стране. Если верить той же сухой статистике, в театр в России ходит 3% населения, хотя я думаю, эта цифра – еще меньше. Миллионы людей в стране ни разу в жизни не были в театре. Театр потерял уважение, значимость. Даже среди интеллигенции сегодня есть те, кто не понимает, зачем и кому нужна театральная сцена. Что уж говорить о наших «образованных» бизнесменах, которые прошли через Матросскую тишину...

– Ваши пьесы идут по всему миру. Для вас важно, что пишет о ваших работах западная пресса?

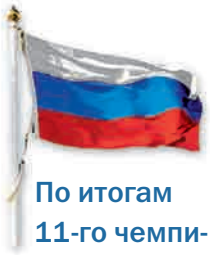
– Когда про меня впервые написала газета «Нью-Йорк Таймс», Роман Виктюк сказал мне: «Теперь можешь спокойно умирать. Ты уже – в историии мирового театра». С тех пор «Таймс» и другие западные издания про меня писали неоднократно, но меня это уже не особо волнует. По большому счету, мне плевать на западную прессу. Для меня важнее, что напишут в журнале «Смена», а «Нью-Йорк Таймс» у нас никто не читает и не выписывает.

Сергей Грачев, Екатеринбург – Москва.
Фотография Алексея Савичева

«НЕлегкая» российская атлетика

Алексей Кузнецов

Чемпионат мира по легкой атлетике, который завершился в Осаке в начале сентября, стал для сборной России весьма показательным явлением. И дело даже не в том, что команда заняла в неофициальном командном зачете 3-е место – это для сегодняшней России как раз вполне прилично. А в том, что проиграла в этом зачете команде... Кении! А главное, – что еще до начала состязаний российская сборная угодила в ситуацию, которой мировая легкая атлетика еще не знала.



По итогам 11-го чемпионата мира, сборная США завоевала 14 золотых, 4 серебряных и 8 бронзовых медалей. У Кении – 5 золотых, 3 серебряных и 5 бронзовых, у России – 4 золотых, 9 серебряных и 3 бронзовых.

Началось все с того, что российским метательницам молота Татьяне Лысенко и Екатерине Хороших были предъявлены обвинения в употреблении допинга. Правда, средство, которое было обнаружено в их допинг-пробах, формально не входило в официальный список запрещенных препаратов Всемирного антидопингового агентства. Однако в мировой практике широко известны случаи, когда спортсменов наказывают, как говорится, «по подобию». Именно так и случилось с российскими лыжницами на зимней Олимпиаде в Солт-Лейк Сити 2002 года: в числе прочего, они попались на новом препарате, который еще не успел войти в число запрещенных, но был аналогичным по принципу действия, и при этом оказывал более сильное влияние на организм спортсмена. Любопытно, раз уж мы вспомнили историю, что началась такая практика еще с летней Олимпиады в Атланте 1996 года. Там три российских спортсмена были уличены в применении печально знаменитого бромантана — средства, которое разрабатывалось для советской армии, скрытно использовалось в «ограниченном контингенте» советских войск в Афганистане, но... не входило в список запрещенных препаратов Международного олимпийского комитета. Российские атлеты были формально оправданы, однако тот случай стал одним из оснований для появления правила наказания за допинг «по подобию».

Оставим сейчас в стороне обсуждение справедливости этого принципа. Сейчас важнее другое: способ защиты, избранный Лысенко, Хороших и их тренером Николаем Белобородовым. Они во всеуслышание объявили о том, что средство это оказалось в том препарате, который порекомендовал, чуть ли не продал им главный тренер сборной России, государственный тренер по легкой атлетике Валерий Куличенко.

Скандал действительно получился невероятный. В самом деле: Куличенко — человек заслуженный, руководит легкоатлетической сборной России довольно долго — десять лет. И до сих пор к его работе особых претензий не было ни у кого.

Разумеется, такой скандал накануне чемпионата мира не мог пройти незамеченным. Мгновенно было собрано заседание бюро президиума Всероссийской федерации легкой атлетики (ВФЛА), в повестке дня которого значился только один вопрос — является ли Куличенко «допинг-пушером» в руководимой им команде? Выяснить это сразу, конечно, не представлялось возможным, поэтому было принято компромиссное решение — отстранить Куличенко от руководства командой до выяснения всех обстоятельств дела. Разумеется, в Осаку Куличенко не поехал. Более того, почти до самого выезда команды на последний сбор во Владивосток главного тренера у нее все еще не было. Вы скажете, ну, и ничего страшного — ведь у каждого спортсмена есть свой личный тренер. Может быть, но обстановка нервозности, волнений по поводу прихода «новой метлы» перед самыми стартами в команде была, и, как знать, не обошлось ли это в конечном счете для сборной России потерей нескольких «верных» медалей? К тому же на Россию вновь пала тень нечестной борьбы — а успешно выступать под таким прессом удается далеко не каждому...

В общем, так все и получилось. По итогам 11-го чемпионата мира, первое место в общекомандном зачете заняла сборная США — 14 золотых, 4 серебряных и 8 бронзовых медалей. У Кении — 5 золотых, 3 серебря-

ных и 5 бронзовых, у России — 4 золотых, 9 серебряных и 3 бронзовых.

Плановые, так сказать, победы одержали Елена Исинбаева в прыжках с шестом и Татьяна Лебедева в прыжках в длину. Тут нет ничего удивительного — обе спортсменки уже несколько лет лидируют в своих видах в мировой легкой атлетике, равных им практически нет, и единственная тут проблема — как им остаться в лидерах еще минимум год, то есть — до Пекинской Олимпиады-2008. Думается, что эта задача вполне решаема, обе спортсменки находятся в расцвете формы и мастерства, вопрос лишь в том, что при отсутствии серьезной конкуренции в мире у них могут возникнуть проблемы с повышением результатов. Но если соперницы позволяют им выигрывать без очередного мирового рекорда — что ж, медаль от этого менее ценной не становится. Так что, есть все основания надеяться на то, что в Пекине достижения Осаки повторятся.

Еще в двух видах ситуация сходная. В беге на 300 м с препятствиями выиграла Екатерина Волкова, а второй была Татьяна Петрова. «Дубль» получился у России и в спортивной ходьбе на 20 км — золото у Ольги Каниськиной, серебро — у Татьяны Шемякиной, молодых воспитанниц знаменитого тренера из Саранска Виктора Чегина. На этой же дистанции сошла с трассы чемпионка мира 2005 года Олимпиада Иванова — так что, тут также можно спокойно ждать пекинских медалей.

Далее следует вспомнить громогласные заявления ВФЛА накануне стартов в Осаке. Перед сборной была поставлена задача — завоевать в Осаке 6-8 золотых наград и побороться с американской сборной за первое общекомандное место. Кто, спрашивается, тянет за язык всевозможных российских спортивных руководителей, которые каждый раз перед крупными турнирами торжественно клянутся, что достижения будут гигантскими? О какой такой борьбе с американской сборной сейчас может идти речь, если в США никогда не подсчитывают будущие медали и не делят шкуру неубитого медведя, а спокойно и планомерно готовят по 5-6 конкурентов на одно место в сборной? Отчего многие российские атлеты готовятся к стартам за рубежом, а Елена Исинбаева тренируется с Виталием Петровым — специалистом, вырастившим в свое время гениального Сергея Бубку? Не оттого ли, что российская школа легкой атлетики постепенно приходит в упадок, а достижения основаны на отчаянной работе энтузиастов вроде Чегина, у которых одна просьба к ВФЛА: не помогаете — так хотя бы не мешайте!

Самое интересное в этой истории заключается в том, что вину на неудачное выступление сборной России ВФЛА возложила на того же Куличенко, который, напомню, в Осаке не был и командой не руководил. Вместо него главой сборной был Валентин Маслаков, тренер спринтеров и личный наставник одного из лидеров российской команды Юлии Носовой-Печенкиной. Кому же отвечать за худший результат за последние 10 лет? Куличенко все дружно обвинили в том, что последний двухнедельный сбор во Владивостоке (то есть там, где и время, и климат близки к условиям в Осаке) был проведен в плохих условиях. Однако Куличенко во Владивостоке не был, хотя отчаянно туда просился. И уж точно не его вина, что спортсмены приехали в Приморье на неделю позже, соответственно, и акклиматизационный, и тренировочный циклы были нарушены. Это — «достижение» ВФЛА. И Ку-

16 наград российские спортсмены выиграли в 11 видах программы, причем 9 медалей – вообще в 4-х видах. А ведь на чемпионате мира разыгрывались комплекты наград в 47 видах!

личенко напомнил, что в свое время сборные СССР по легкой атлетике, великолепно выступившие и на Олимпиаде в Сеуле-88, и чемпионате мира-91 в Токио, тоже проходили акклиматизацию во Владивостоке.

Думаю, нет сейчас смысла обвинять во всех бедах одного человека или одну группу спортсменов, как это уже начали делать по отношению к Куличенко, а также и к российским спринтерам и метателям, провалившимся в Осаке почти по полной программе. Не важно также и то, кто же будет возглавлять сборную России — Куличенко, Маслаков или кто-то еще. Спортсмены, кстати, написали коллективное письмо в Росспорт, где выразили поддержку Куличенко. Под письмом подписались около 50 членов сборной, в том числе такие асы, как олимпийские чемпионы Юрий Борзаковский и Елена Слесаренко. Означает ли это, что сборную России ждет еще и раскол — неужели допингового скандала было недостаточно?

В конце концов, россияне все же завоевали в Осаке 9 серебряных медалей — больше, чем кто-то еще, а ведь серебро — очень приличный результат. Но для определения реального положения вещей следовало бы после Осаки посчитать количество видов спорта, в которых были завоеваны российские медали. Это сделал вице-президент ВФЛА Вадим Зеличенок. Он обратил внимание на то, что 16 наград российские спортсмены выиграли в 11 видах программы, причем 9 медалей — вообще в 4-х видах. А ведь на чемпионате мира разыгрывались комплекты наград в 47 видах!

«Конечно, это очень красиво, когда получают две медали из трех или занимают весь пьедестал почета — как получилось в Осаке в прыжках в длину у женщин. Но лично я бы предпочел, чтобы это же количество медалей было «разбросано» по разным видам», — сказал Зеличенок, подразумевая очевидную неравномерность развития легкой атлетики в России. А это, в свою очередь, говорит о внутренних проблемах в организации, о том, что работа ВФЛА поставлена некачественно. И чем больше пропасть между удачными и неудачными для России видами легкой атлетики, тем очевиднее кризис, который явственно надвигается на легкоатлетическую сборную страны.

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

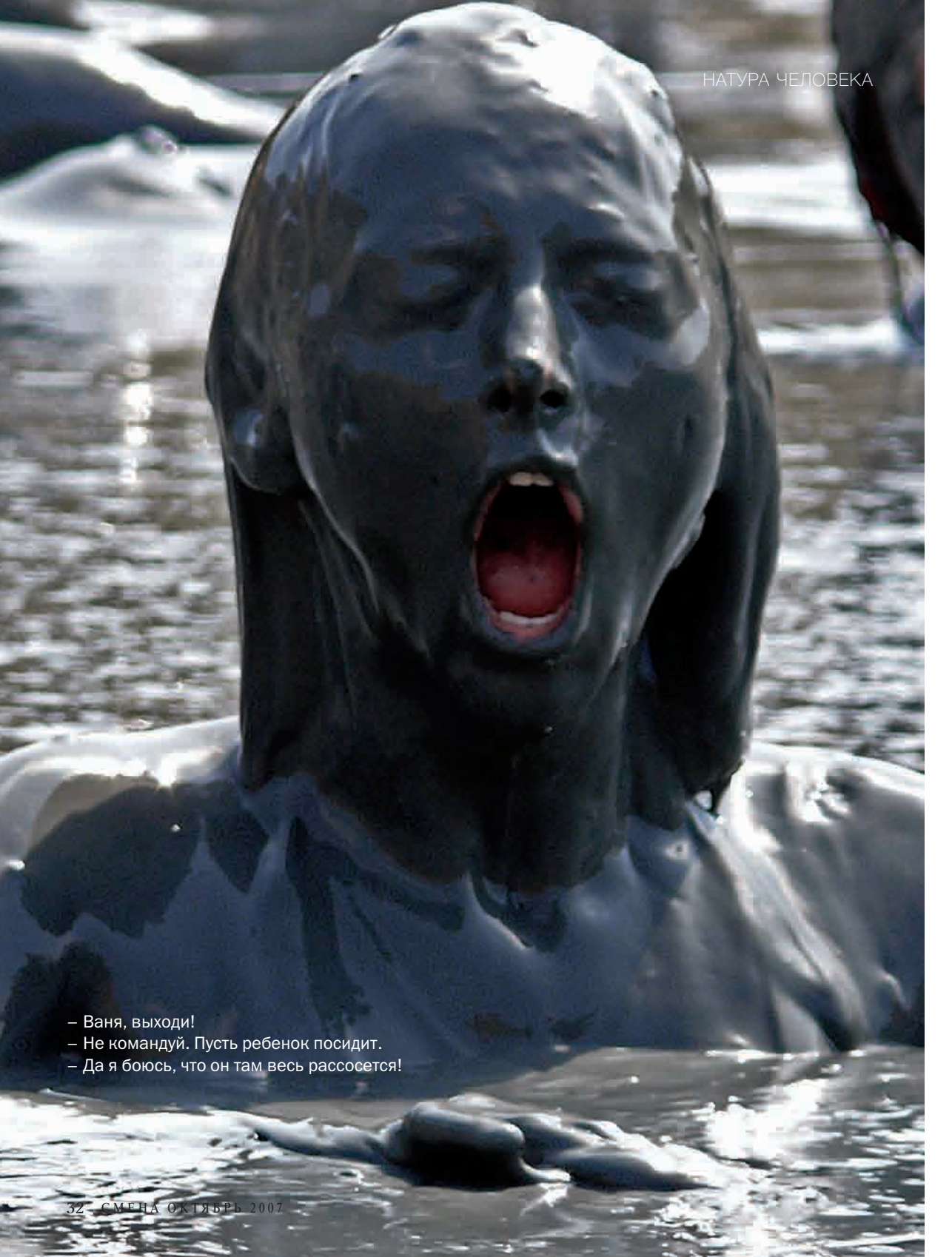
ФОТОПРОЕКТ «ПРОСТО ЛЮДИ»

Всенародное лечебное купание.
Полуостров Тамань, Краснодарский край.
Поселок «За Родину». Август 2007 г.

Авторский проект Евгения Стецко.

ГрязеВлечение

Тамань – земля вулканов, но мирных: кратеры одних, как этот, залиты вулканической взвесью, другие прячутся в море. Время от времени проснется: выплюнул столб свинцовой жижи, да и утих.
От этого Азов сер, как русский февральский ощетинившийся волк.
Так было всегда, а до этого – тысячи лет.



– Ваня, выходи!
– Не командуй. Пусть ребенок посидит.
– Да я боюсь, что он там весь рассосется!

– Вы не с Геленджика?
– Нет.
– А мне все равно. Не посторожите вещи, вы же в грязюку не лезете?
– Ладно.
– Тут видеокамера.
– Да не беспокойтесь.
– Я не в том же смысле, что вы! Я вижу, что вы хорошая. Вот и подумала, что с Геленджика!

– Вы нас не сфотографируете?
– Как лучше?
– Так, чтоб побольше лягушек захватить в кадр.

Сотруднику, счищающему грязь с деревянного настила:
– Мужчина, от чего же она все-таки лечит?
– От чего вам надо?
– Ну, это список!
– Тогда вы выберите себе болезнь, и на ней сосредоточьтесь. Пройдет.

Выскочив на берег:
– Вова, а такой ты меня любишь?

– Меня кто-то там за ногу схватил!
– Здесь водятся змеи.
Вчера мальчик видел. Тоненькая.
– ДА-ВЫ-ЧТО…

Контролер Вячеслав:
– А еще тут такое до меня было: женщину пришлось вытаскивать лебедкой! Ослабла. Грязи не ней налипло несколько килограммов, и сама под двести. И еще скользко. Подогнали технику.

Полуостров Тамань, Краснодарский край. Поселок называется «За Родину». Рядом – Азов: живое, непокладистое море. Между поселком и морем, как в огромном котелке, – в кратере вулкана грязевое озеро. Г рязь от ливает свинцом и свежим асфальтом, лоснится, колышется. Время от времени изнутри поднимается и лопается один-другой пузырь. Грязь дышит. Грязь держит человека на весу, не топит, а как бы играет, окуная с головой: тут теряется связь с весомостью, и голова на поверхности выполняет роль противовеса; но если встать строго прямо, можно подпрыгивать, ходить, помогая руками… От этого чуда природы человек приходит в детское состояние духа. Так было всегда.

Всегда местные, зародиновские, особенно пацаны, кидались в лужу, не зная ее двухсполовинойкилометровой глубины, потом ложились на пузо и катились к морю по грязевой дорожке, по ней грязь подтекала в Азов.

Считается, что вулканическая грязь лечит: позвоночник, суставы, расстройства обмена веществ… Предприимчивые люди обнесли «грязюку» забором, поставили на дороге шлагбаум с будкой и стали брать за вход по сто рублей с человека. Потом устроили неподалеку дегустацию вин в красивом павильоне.

И стали сюда направляться непрерывные автобусные экскурсии!..

Какова форма собственности, нам узнать не удалось.

В воздухе асфальтовый привкус, хохот и детский визг.

Охранник Анатолий, в полуковбойской шляпе, следит за порядком, направляет людские потоки (чистые – сюда, грязные – отсюда) и устало кричит в мегафон, чтоб мужчины не прыгали в озеро с высокого берега. У него вид многотерпеливого воспитателя детского садика для нестандартных детей.

Контролер Вячеслав – из местных, их тех «пацанов», что катились на пузе в море. Последний раз купался в грязевом озере десять лет назад. Т еперь он проверяет билеты и философски изучает нравы. У него ежедневно интересуются, «откуда привозят грязь», в каком соотношении «разбавляют водой». Потом, как правило, сообщают: «Да я такую себе выкопаю на огороде!» А одна женщина подошла и деловито спросила: «Куда сдавать детей?»

– Хорошо, хоть пьяных нет, — сказали мы хитро.

(А они промолчали политично. Но мы-то знаем, было: нетрезвый отважно прорвался на лечебное купание, стал захлебываться. Анатолий (по рассказам очевидцев), сорвал обувь, кинулся в озеро, вытащил, вызвал доктора.)

Почему весело, почему так влечет? Потому что все становятся похожи на скульптуры, и это равнит , как маскарад. И голыши и приодеты. Полнота сверкает боками. Т учность преображается в монументальность. Стройность делается божественной. Черные лица – это же маски веселых чертей.

И, конечно, мысль о здоровье подхлестывает.

Грязь нельзя «выносить». Но можно за забором счистить с себя, набрать в бутылки, плотно закрутить крышки, снова отправиться окунуться, снова счистить… Дома это бу дет сувенир родне и соседям. И можно продолжить лечение зимой. При том, что в листке написано, что грязь «адсорбирует шлаки», непонятно, есть ли в краже грязи, отработавшей свое, медицинский смысл.

Н.Ч.

А дети счастливы, как пришельцы, вернувшиеся на родную планету. Только совсем маленькие рыдают, увидев папу и маму.

В белом сарафане, лет тридцати:
– Нет, меня никто не заставит. Никто. Все это у меня вызывает серьезные сомнения. Просто серьезные. У меня от этого визга уже кружится голова. Это очень похоже на дурдом.

ПРАКТИКА ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

НЕ ОН ВЕДЕТ, возможно ли *могущество*

Надежда Болгова
Владимир Кукк

Люди становятся заложниками событий, которыми они не умеют управлять, но которые сами сформировали. Они одиноки и лишены всего, кроме своих мыслей. Они на посту, они — руководители.

Помните советскую элиту конца «перестройки»? Она находилась в агонии: уже не могла трезво посмотреть на положение дел в стране, тем более осознать несовершенство ситуации и себя в ней.

Так и несовершенные вожди (бывает ли вождь совершенным?), ежедневно сталкиваясь с собственным несовершенством, не состоятельные играть роль, на которую себя избрали, со временем агонируют: пьянство, наркотики, чревоугодие, крик, необоснованное упрямство, срыв, внезапное дружелюбие. Агония, свершив свой непочетный круг, повторяется: крик, упрямство, пьянство, наркотики, внезапное дружелюбие, крик.

Однажды наступает исступление. Одиночество.

Таков образ вождя. Истерзанный собственной несостоятельностью, уже тиран.

Идеальный руководитель: волевой, с горящими глазами, открытым сердцем, способен повести за собой миллионы. Возможно ли такое? — Да. При условии, что не он ведет, а за ним идут.

Ведомые, не способные действовать самостоятельно, видят в нем лирического эксцентрика. Иные — революционера (известно, революции без крови не обходятся). Увлекаемые — светоч идеала, порой обожествляемый. Увлеченные — сильную личность и... всегда человека.

Он — человечный революционер, он — Богочеловек. Сколько страниц классики предлагают этот роман-

ЗА НИМ ИДУТ: *без зависимости?*

тичный образ. Помните, поэму Блока «Двенадцать»? Опасность близко. Впасть в пучину бесстрастного механистического управления так же легко, как и занять позицию одинокого странника.

Возможно ли тирану вырваться из мрака человеческих страстишек?

Возможно ли идеальному руководителю впасть в бесстрастие?

Теперь в деталях.

ВОЖДЬ: УЖЕ ТИРАН

Вождь-управленец — принципиален. Но принципы эти придуманы не им, они подсмотрены. Все бы ничего, но без личностного осознания, безотносительно ситуации эти принципы превращаются в косные правила. Оттого — скорый застой.

Вождь, и ждущий и требующий, что на него будут ориентироваться как на идеал, не видит ориентира в себе, как и идеала. Властолюбец, руководствуясь подслушанными мыслями не всегда умных, но «больших» людей, подсмотренными моделями поведения, со временем все явственнее обнаруживает мертвенность собственного сознания. Отсюда — повсеместная растерянность, парализующая и его, и коллектив.

Властолюбивые начальники с постоянным стремлением демонстративно удовлетворять собственные амбиции и непомерные честолюбие и тщеславие, переоценивают собственные возможности и испытывают колоссальное напряжение.

Авторитарные руководители, отличающиеся прямолинейностью и упрямством (только мое решение правильное) работают дидактично, тяжело и скрупулезно (мелочные во всем, никогда не забывают отрицательные моменты, происходящие в общении с людьми, и вряд ли что-нибудь кому-нибудь могут простить, детали их слишком поглощают).

Достигая средних результатов, они пытаются изображать себя носителями моральных и этических норм, а на деле являются полной противоположностью.

Не отсюда ли мания величия, с последовательно сменяющимися филантропическими выпадами? Выпады сводятся к панибратству, выдаваемому за дружелюбие, пьянству, оправдываемому ежедневными встречами и переговорами, чревоугодию, выводимому из позиции человеческого естества, наркотикам, оказывающимся необходимостью «особого рода». Все это — тщетные попытки релаксироваться, взбодриться.

Сотрудники недоумевают: только что видели своего начальника в образе «обмякшего увальня», уходящего в туалет, а прошло не меньше одной-двух минут, и такое преображение: смотрит соколом, блеск в глазах, сосредоточенный, весь на пружинах, отпускает остроты и комплименты с приподнятым настроением и боевым настроем... некоторое время.

Способы Счастливой Смерти Раба, *или 5 способов взбодриться*

Чревоугодие

Считается, что избыточный вес – это не только несколько лишних килограммов, но, что еще хуже, психо-эмоциональные проблемы.

Тот, кто ест или пьет слишком много, скрыто признает, что он с помощью пищи восполняет то, чего недостает его душе. Среди мужчин в возрасте от 40 до 69 лет, имеющих более 30 процентов избыточного веса, показатель смертности составляет 42 %, для женщин того же возраста – всего 36 %.

Властолюбцы часто пытаются снять внутреннее напряжение и неу довлетворенность чревоугодием. Желая найти жизненные стимулы в еде, незаметно формируется зависимость, отсюда – переедание, затем – ожирение. Низкая самооценка (а чтобы иметь таковую, достаточно лишь посмотреть на себя в зеркало) и сложности в общении лишь углубляют состояние депрессии и ввергают его в порочный круг.

Из всех способов самоубийства – обжорство как признак изобилия и роскоши – издревле было единственным способом, ведущим к действительно счастливой смерти.

Экстрим

Властолюбцы склонны снимать напряжение занятием экстремальными видами спорта. Охотно совершают вылазки с «мужиками» на рыбалку, надводные полеты на собственной яхте или участвуют в автомобильных гонках. Стрелка спидометра зашкаливает.

Подверженные адреналиномании в погоне за «кайфом», готовы тратить огромные суммы. Чувство опасности и самосохранения притупляются, что заставляет пускаться в еще более опасный риск.

Вне условий, ког да нет возможности получать адреналин, подверженные этой зависимости пребывают в подавленном состоянии, апатии. Обычная жизнь с ее человеческими делами и страстями кажется серой и скучной, навязчиво возвращая к мысли о способах получения «адреналинового кайфа».

Секс

Со стороны кажется, что он – «крепкий мужик», на деле – сплошь и рядом сексуальная несостоятельность. Такие начальники с персоналом – «свои в доску». Теряют чувство дистанции: матерятся, как извозчики начала прошлого века, бухгалтеров доводят до слез, хлопают по ягодицам своих секретарш, запанибратски тискают за бока, обхватывают за талию.

Несмотря на разнузданную активность, и реальную сексуальную несостоятельность нередко накручивают круг ленькую сумму за использование телефонных секс-служб. У них обнаруживаются сексуальные фантазии с элементами мазохизма. Определяющим фактором является не количество партнеров и частота занятий сексом, а невозможность контролировать свои сексуальные желания, то есть обнаруживаются все признаки секс-зависимости.

Алкоголь

Пьянство – типичный способ властолюбца уйти от решения проблем, которые он создает сам. Алкогольная зависимость еще больше деформирует личность, раздувает тщеславие. Пьют втихую, закрывшись в кабинете. Сильно не напиваются: дернут 50 грамм, выжидают . Через час–полтора – снова рюмку , другую. Под «газом» проводят совещания, отвечают на телефонные звонки. Изо дня в день – «алкоголизм в белом воротничке» или «стопочный алкоголизм».

Наркотики

Кокаин – излюбленный наркотик начальства в офисах крупных фирм мегаполисов. Мы вступили в эру терпимости к наркотическим веществам, кокаин всплыл на поверхность как дорогой, вызывающий эйфорию препарат, позволяющий «отстраниться» от проблем повседневной жизни. Для справки: стоимость 1 г. кокаина на «черном рынке» в Москве в 2003 году составляла около 200 долларов. Для начальника крупной корпорации – позволительная роскошь.

Резкие перепады настроения от подавленно-депрессивного или откровенно злобного до бодряще-эйфорического или экзальтированного и обратно все ниже опускают вождя-властолюбца в мрачную яму депрессии, обескураживают и пугают сотрудников.

Выдвигаемая как щит позиция «Я бог, я царь!» — не от величия духа, от невозможности таковым быть на самом деле.

Жажда признания — безмерна.

Осознание несостоятельности — болезненно.

ИДЕАЛЬНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ: НЕ ОН ВЕДЕТ, ЗА НИМ ИДУТ

Густые краски, насыщенные цвета: он — Богочеловек, иначе — человечный революционер.

Человечность как способность не отрицать в себе человека, являет на свет Творца, а не вождя, начальника управленца. На сцене — Человек-Творец. Возможно ли, став творцом, но будучи человеком, не впасть в крайности человеколюбия или, напротив, вершителя судеб? Велика ответственность за себя и тех, кто с тобой, и оттого велик страх оступиться, принять неверное решение. Сомнения, страхи так свойственны человеку!

Творец никогда не убоится. Он молниеносно принимает решения и правильные, реже — расчетом, чаще — чутьем, интуицией. Про таких говорят: от Бога.

Не боятся говорить «нет» за скверно выполненную работу, не миндальничают с бездельниками. Про таких говорят: Скала.

По лезвию бритвы двух начал — человеческого и Божественного.

Как здесь не впасть в крайности? Возьмет верх человеческое — и вот он, типичный тиран, с мелкими страстишками и «релаксирующим набором». Задавит все человеческое — будут судачить: нелюдим, далек от народа, высокомерен. Творца выставят самодуром. И будут отчасти правы.

Возможно ли устоять? — Возможно, будучи верным себе. Мужество быть собой.

Хорошему руководителю свойственно

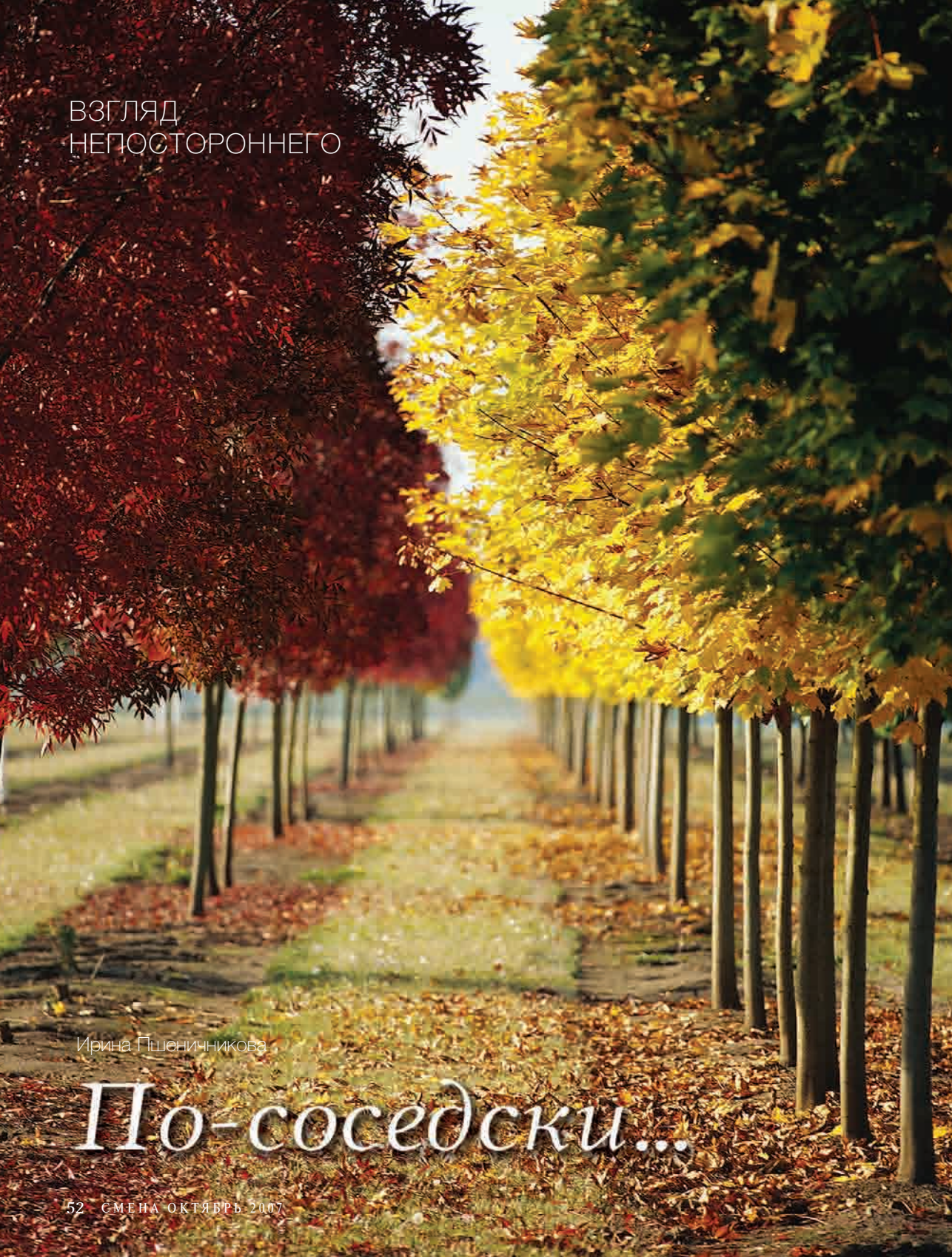
- Мгновенно принимать решения и правильные.
- Своевременно контролировать выполнение этих решений.
- Уметь говорить «Нет» и «Да».
- Не бояться принимать в команду толковых и перспективных.
- Хороший руководитель не обязан быть открытым и откровенным с каждым.

Тиран замечен

1. Боится перемен.
2. Требует больших эмоциональных затрат (почти всегда неоправданных) от себя и коллектива.
3. Свободно мыслящие, толковые, перспективные быстро покидают коллектив, предводительствуемый тираном в то время как бездари, лизоблюды, подхалимы остаются.
4. После ухода тирана, компания молниеносно разоряется (причину см. п. 3).
5. Тиран замечен в резкой смене настроения: от упаднического к бодрому и наоборот.

Лишь человек внутренне свободный способен признавать за собой и другими право не принадлежать ни к одной из каст: ни к касте сносных, реже хороших, управленцев, ни к касте вождей-тиранов. Впрочем, позиция свободного выбора не отрицает существование ни тех, ни других.

В оформлении использованы фрагменты скульптуры М. Шемякина.



Ирина Пшеничникова

По-соседски...

Когда думаешь о России и Финляндии, первые ассоциации, которые появляются в сознании, это: **соседи** и **национальные особенности.**

Сосед, по определению Словаря великорусского языка Владимира Даля, это человек, который «живет близко, бок о бок, кто поселился рядом; чьи земли стыкаются».

Между соседями, в силу общей или пограничной территории, складываются отношения; долгое сосуществование порождает чувство постоянства: к соседу привыкаешь. Соседи, это еще не «свои», но уже и не «чужие» люди. Поэтому и отношения соседские — не всегда однозначные: иногда «свойские» (ближний сосед лучше дальней родни), иногда враждебные (с соседом дружись, а забор городи), но все они обычно — оценивающие.

Привычная оценка — сродни стереотипу, который фиксирует обыденное представление о типичных чертах какого-либо народа и его культуры. Это как ярлык, который, навесив однажды, начинаешь «наклеивать» на все последующие ситуации и закрываешь тем самым доступ к новой, может быть, более важной информации. Вот и получается, что национальные особенности (например, русских и финнов), то есть характерные черты одного народа, отличающие его от другого, при взгляде через призму собственной культуры нередко представлены стереотипами.

Русские часто предстают в стереотипах как ленивые бездельники и пьяницы, а финны — молчуны и тугодумы. Исследования показывают, что стереотипы очень живучи и нередко переходят из обыденной жизни в сферу деловых контактов. Так, справочник по деловым культурам России и Финляндии 1993 г. приводит такие типичные представления финских бизнесменов о российских партнерах: отсталые, ленивые, бюрократы, лгуны. В свою очередь российские предприниматели характеризуют своих финских партнеров как слишком осторожных, боящихся рисковать, негибких.

Очевидно, что такой взгляд на соседа лишь создает барьеры во взаимодействии. А есть ли что-нибудь хорошее, чему можно научиться друг у друга? Этот вопрос, конечно, в большей степени занимает «большого соседа».

Интрига заключается в том, что, имея такой же неблагоприятный климат, не самое лучшее географическое положение и обилие болот, в течение длительного времени являясь частью Российской империи и испытав серьезный кризис в период советской перестройки, «маленький сосед» — Финляндия, тем не менее, стала страной с самой конкуренто-

Об авторе

Специалист в области кросс-культурного менеджмента и глобального взаимодействия. Старший консультант международной к омпании A perian G lobal, п риглашенный лектор университета Ювяскюля, Финляндия. Закончила филологический факуль тет Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат филологических наук, прошла стажировку в университете Калифорнии, Беркли, Школе бизнеса имени Хааса. Член американской антропологической ассоциации. Научно-исследовательская, педагогическая и консалтинговая деятельность Ирины Пшеничниковой сосредоточена в сфере вопросов культурной адаптации, интеграции национальной и корпоративной куль тур в организации, межкомандного взаимодействия в командах и проектах.

С разрешения журнала UPM.RU

Финляндия. Дикий холод. Рыбачит финн без шапки. Холодно, уши красные. К нему подходит второй финн и спрашивает:
— Слушай, а почему ты без шапки?
— Да вот, рыбачил я вчера в шапке, а на другой стороне озера русский пил водку и звал меня.
— Ну и что?
— Я был в шапке и ничего не услышал.

способной экономикой и с самым низким уровнем коррупции в мире (рейтинги МИУ, 2003 г., МЭФ 2003 г.). Россия же, по международному индексу уровня коррупции, занимает 86 место из 133 стран, а по конкурентоспособности — только 70 место из 100 по рейтингу МЭФ, и 26 место из 30 крупных государств по рейтингу МИУ.

На долю Финляндии приходится от 0,5% до 1% мировых запасов хвойных лесов, при этом крупнейшие финские компании лесной промышленности являются самыми большими в Европе. Три финских компании включены в список 15 ведущих компаний лесной промышленности в мире: «Stora-Enso» — 5 место «UPM-Kymmene» — 7 место, «M-real» (Metsaliitto) — 11 место. И только одна российская компания Илим Палп значится на 67 месте в списке 100 ведущих компаний отрасли, хотя на долю России приходится 25% всех мировых лесных запасов.

«Почему Россия — не Финляндия?» — такой вопрос задал глава группы «Северсталь» Сергей Мордашов финским ученым. Ответом стала книга Анти Хелантера и Симона-Эрика Оллуса с одноименным названием. Она представляет собой сравнительный анализ конкурентоспособности России и Финляндии (М.2004). Однако выводы исследования отвечают и на другой вопрос, который так же, как и «Почему Россия не...?» является национальной особенностью России.

«Что делать?». Какие же советы дают России финские соседи?

Первое: учиться адаптироваться к изменяющейся обстановке. Именно это умение Финляндии проявилось в процессе ее интеграции в европейское сообщество и во вступлении в ЕС в 1994 г. Финляндия смогла увидеть себя неотъемлемой частью новой мировой экономики и найти в ней свое место.

Второе: интернационализировать экономику. Финляндия не только создала условия для прихода в страну иностранных инвесторов, но и сама активно вышла на зарубежные рынки. Она расширила деятельность своих предприятий за рубежом (например, в 1983 г. 15% работников компании UPM-Kymmene составляли работники за пределами Финляндии, а в 2002 за рубежом работали уже 43% сотрудников).

Третье: развивать и внедрять инновационные технологии. Финляндия является одним из мировых цен-

тров в разработке новых технологий в лесной промышленности. Пример Nokia, ставшей из производителя резиновых изделий мировым лидером в сфере телекоммуникаций, даже не требует комментариев.

Четвертое: инвестировать в человека. Например, финская система государственного школьного образования занимает первое место в мире по соответствию школьников потребностям современного интеллектуального общества (с.122).

А какое, спросите вы, это имеет отношение к соседям и национальным особенностям? Поразительная трансформация от «магии пения к магии порядка» (как выразилась российский этнолог С. Лурье) и составляет сегодняшнюю «глобальную» национальную особенность Финляндии. Другой вопрос, что измеряется она не оценочными стереотипами, а рациональными и объективными данными рейтингов и показателями прибыли и роста.

Что же касается соседства Финляндии и России... У нас действительно много общего: мы тоже любим порядок, и тоже «долго запрягаем». Русская готовность идти наперекор судьбе и добиваться своего в самых неблагоприятных обстоятельствах, что, по мнению Бисмарка, определяется словом «ничего», сродни финскому «Sisu». А если говорить языком фактов, то, по данным исследования Е. Кимпелайнен (Amrop Hever Group Russia), иностранные менеджеры-экспатрианты считают, что российских сотрудников отличает очень высокий уровень интеллекта, способность успешно справляться с нетривиальными задачами, высокий уровень адаптивности. Есть, чему поучиться.

Давайте слышать друг друга...

В статье использована информация из книги: Анти Хелантера, Симон-Эрик Оллус. Почему Россия не Финляндия. Сравнительный анализ конкурентоспособности. М. 2004.

Пятьдесят лет назад случилось то, что навсегда изменило ход истории. 4 октября 1957 года в 22 часа 28 минут по московскому времени Советский Союз запустил искусственный спутник Земли. Сергей Павлович Королёв сказал: «Дорога в Космос открыта». Планета узнала русское слово «Спутник».

Сергей КАЛЕНИКИН

«Кто владеет космосом –

Общий «бип-бип» от СССР

За его движением, затаив дыхание, следила вся Земля. Его тоненькие сигналы «бип-бип» ловили ученые и радиолюбители. То, что запуск первого искусственного спутника — не только высочайшее научное и техническое достижение человечества, но победа именно советской науки, понимали все. Точнее всего это выразило агентство «Франс-пресс»: «В мирной борьбе за завоевание небесного пространства, в которой участвуют США и СССР, последний одержал убедительную победу».

Специалистов Пентагона, сторонников «балансирования на грани войны», потряс факт создания в Советском Союзе многоступенчатой межконтинентальной ракеты Р-7 («семерки»), против которой была бессильна их противовоздушная оборона. Руководители США тогда заявили: русские бросили вызов в области науки, промышленности и военной мощи. Лишь со временем здравые голоса заглушили военный психоз. Не удалось затоптать эпохальное достижение СССР и в ООН. Использовался и еще один способ принизить наше достижение. В США и Европе появились публикации, оспаривающие право СССР на запуск спутника, поскольку в этом случае наша страна «нарушает моральные и юридические нормы». Американский юрист Джон Халей

тот владеет миром»

утверждал: межпланетные перелеты не должны осуществляться «без разрешения живых существ, которые могут обитать на других планетах».

Спустя месяц СССР запускает второй спутник — обитаемый! «Пилот» — собака Лайка. И это слово произносится на всех языках мира. Первый американский спутник был запущен четыре месяца спустя. Он умещался на ладони. Пресса США окрестила его «апельсином». Но раз появились спутники, значит, должны появиться их «нейтрализаторы». Уже в июне 1959 года штаты испытали противоспутниковое оружие на основе ракеты «Bold Orion». Эта махина весом четыре с половиной тонны и длиной около восьми метров была запущена с бомбардировщика B-52, полетела к цели — спутнику «Explorer-6», парящему на высоте 230 километров, и... проскочила в шести километрах от него! Были еще несколько безрезультатных запусков. На этой программе американцы поставили крест. Но они хорошо помнили слова Президента Джонсона: «Кто владеет космосом — тот владеет миром».

В Советском Союзе противоспутниковая система заработала в 60-х годах. Первым космическим перехватчиком стал «Полет-1». На околоземную орбиту его вывели 1 ноября 1963 года ракетой «Р-7». 12 апреля 1964 года стартовал «Полет-2». Испытания следующего поколения перехватчиков начались через пять лет. По утверждению бывшего командующего войсками противоракетной и противокосмической обороны СССР Ю. Вотинцева, первое поражение мишени боевым перехватчиком было осуществлено в августе 1970 года. А с 1979 года наши перехватчики уже несли боевое дежурство.

Осенью 85-го американцы поразили в околоземном пространстве свой спутник «Солуинд». Это было преподнесено как первое успешное поражение мишени в космосе. Однако — это не так. Первое поражение цели на орбите состоялось пятнадцатью годами раньше в Союзе.

С ASM не получилось, и «Скиф» – не ко двору

Подготовка к «звёздным войнам» началась после встреч Рональда Рейгана с «отцом водородной бомбы» Эдвардом Теллером, который сумел убедить президента в том, что боевые рентгеновские лазеры, выведенные в космос, способны сбивать советские баллистические ракеты в случае их ядерной атаки. В апреле 1983 года Рейган и оповестил весь мир о старте стратегической оборонной инициативы (СОИ).

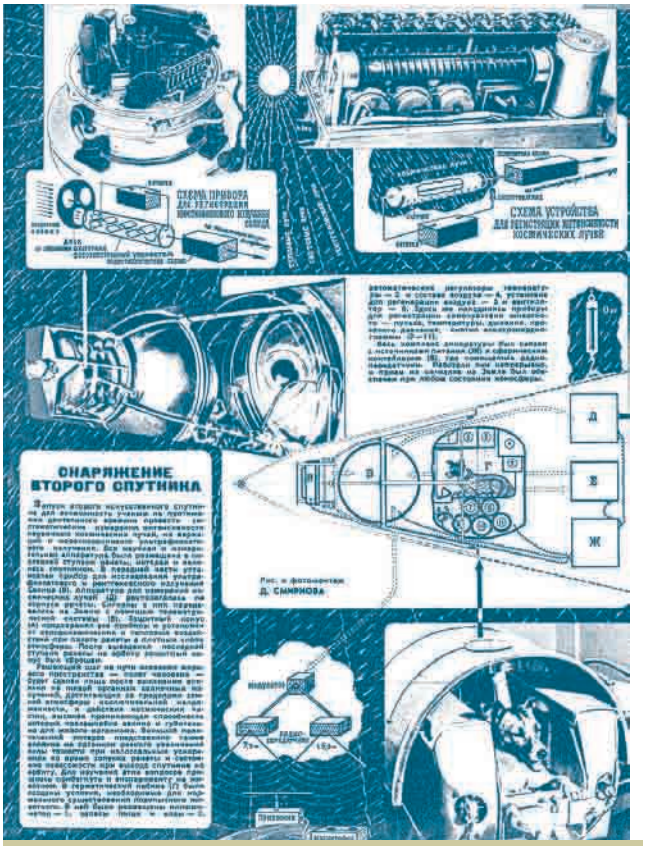
СССР реагировал спокойно. Программа типа американской СОИ на теоретическом уровне была разработана в СССР намного раньше, и она позволяла держать на прицеле все ядерные боеголовки американцев, включая и те, что базировались на подлодках и бомбардировщиках. Система должна была базироваться в космосе и поражать ядерные ракеты американцев до их старта. Однако вскоре было принято другое, сильное решение. Не тратить миллиарды рублей на отечественную СОИ, а направить усилия на создание антиСОИ — системы перехвата и уничтожения космических систем противника.

Боевой противоракетный лазер — это ядерная боеголовка, на поверхности которой укреплены до 50 лазерных стержней. Все они наводятся на цель бортовым компьютером в любую точку пространства. Источником энергии лазеров служит, естественно, космический ядерный

взрыв. Активное вещество лазерных стержней мгновенно переводится в плазменное состояние. Плазма, охлаждаясь, создает излучение в рентгеновском диапазоне. Возникает луч, способный поражать цель за тысячи километров.

Лазерное оружие — дело перспективное. Еще в 1975 году Штаты объявили, что их военно-космические работы будут развернуты по трем направлениям: «программа 2136» — спутники-перехватчики, «программа 2135» — лазерное оружие и «программа 2134» — запуск перехватчиков с самолета.

Но и наша страна времени не теряла. В конце 70-х в Союзе создается боевая космическая станция «Скиф». С 1983 по 1987 годы проводились полетные испытания установки массой около 60 тонн на борту Ил-76. С помощью самой мощной в мире ракеты-носителя «Энергия» «Скиф» попытались вывести на орбиту... станция, совершив нештатный разворот, рухнула в воды Тихого океана. С ней рухнула и программа боевых советских лазеров космического базирования. Но противоспутниковое оружие — не только лазеры, но и электромагнитные пушки, способные выстреливать снаряды с фантастической скоростью — до 100 км/с. Более высокая, чем у лазера, плотность энергии этой пушки и выстреливаемые ею снаряды, по определению, становятся более эффективным противоспутниковым оружием. В рамках СОИ были возобновлены работы по освоению верхних слоев атмосферы и ближнего космоса с помощью боевых гиперзвуковых летательных аппаратов. Цель — создание самолета, способного на высотах 40-50 километров перемещаться со скоростью, в 12-14 раз превышающей звуковую.



Первое поражение мишени боевым космическим перехватчиком было осуществлено в августе 1970 года.

В СССР исходили из простого: бороться с вражескими космическими аппаратами лазером легче с Земли. Приведу некоторые любопытные сведения от военного обозревателя газеты «Труд» Сергея Ищенко: «Первый экспериментальный наземный крупный боевой лазер Советский Союз построил на сверхсекретном полигоне в Сары-Шаган, близ озера Балхаш. Бывший командующий войсками противоракетной и противокосмической обороны Советского Союза генерал-полковник Юрий Вотинцев вспоминает: «10 ок-

тября 1983 года во время тринадцатого полета американского космического корабля «Челленджер», когда его витки на орбите проходили в районе государственного полигона войск ПВО у озера Балхаш, состоялся эксперимент при работе лазерной установки в режиме обнаружения с минимальной мощностью излучения. Высота орбиты составляла 365 километров. Как сообщал потом экипаж «Челленджера», при полете над районом Балхаша на корабле внезапно отключилась связь, возникли сбои в работе аппаратуры, да и сами астронавты почувствовали недомогание. Последовал дипломатический демарш Вашингтона, и испытания на полигоне были прекращены...

В 1995 году министерство обороны США закупило у Украины как металлолом несколько кораблей, доставшихся ей после раздела Черноморского флота. Особенно американцев интересовал экспериментальный корабль с лазерной боевой установкой — первый в мире. Чудо техники американцы разобрали до винтика, обнаружили в нем тридцатипятимегаваттные силовые генераторы, специальные поворотные механизмы, холодильные установки огромной мощности — все, что входило в не известный доселе миру комплекс советского корабельного лазерного оружия. К счастью, в суматохе драматического флотского раздела российские моряки успели снять с комплекса часть особо секретных блоков. А потом, от нищеты, в погоне за цветным металлом рабочие судоремонтного завода, готовившие корабль к передаче американцам, растащили все, что сумели отвинтить. Однако и оказавшегося за океаном хватило пентагоновцам, чтобы снять ковбойскую шляпу перед неведомыми им соперниками-конструкторами из советского ВПК».

Генерал-полковник Владимир Яковлев: «Конфликты в Персидском заливе 1991 и 1998 годов показали, что в войнах будущего будет использована иная модель ведения боевых действий. В основе любой военной организации лежит именно система боевого управления. Без нее ракеты, подводные лодки и танки — груда металлолома, а с ней — умное оружие. Управлять же войсками в XXI веке без использования космических средств будет невозможно. Поэтому орбитальная группировка объединенных РВСН (Ракетные войска стратегического назначения) — важнейший составляющий элемент системы национальной безопасности страны в наступающем веке. Не о солярке надо думать, о спутниках!»

Проще говоря, орбитальная космическая группировка разведывает цели, ударные силы: авиация, военные корабли, — наносят ракетные удары, не входя в зону обнаружения средствами ПВО противника. «Буря в пустыне» была первой пробой сил. Схема действий была такова: новейший спутник радиолокационной разведки типа «Лакросс» производил разведку, по существовавшей тогда информационной системе через пять минут данные поступали на командные пункты ударных сил, наносился удар, и после него другой спутник передавал данные о достигнутых результатах.

Опять «Звездные войны»?

Китайские испытания по части «звездных войн» разозлили многих, но особенно Америку. Беспокойство американцев понятно и объяснимо. В США сейчас полным ходом идет развертывание национальной системы противоракетной обороны. Однако китайцы продемонстрировали, что и они могут поразить спутник с ювелирной точностью. К протесту

американцев присоединились Канада и Австралия. Япония проявила свою озабоченность. Россия не реагировала. Между тем генерал-майор Вячеслав Фатеев признал, что Россия владеет информацией о китайских экспериментах в космосе, и добавил, что состоявшееся испытание — «намек на то, что Пекин обладает очень большими возможностями»...

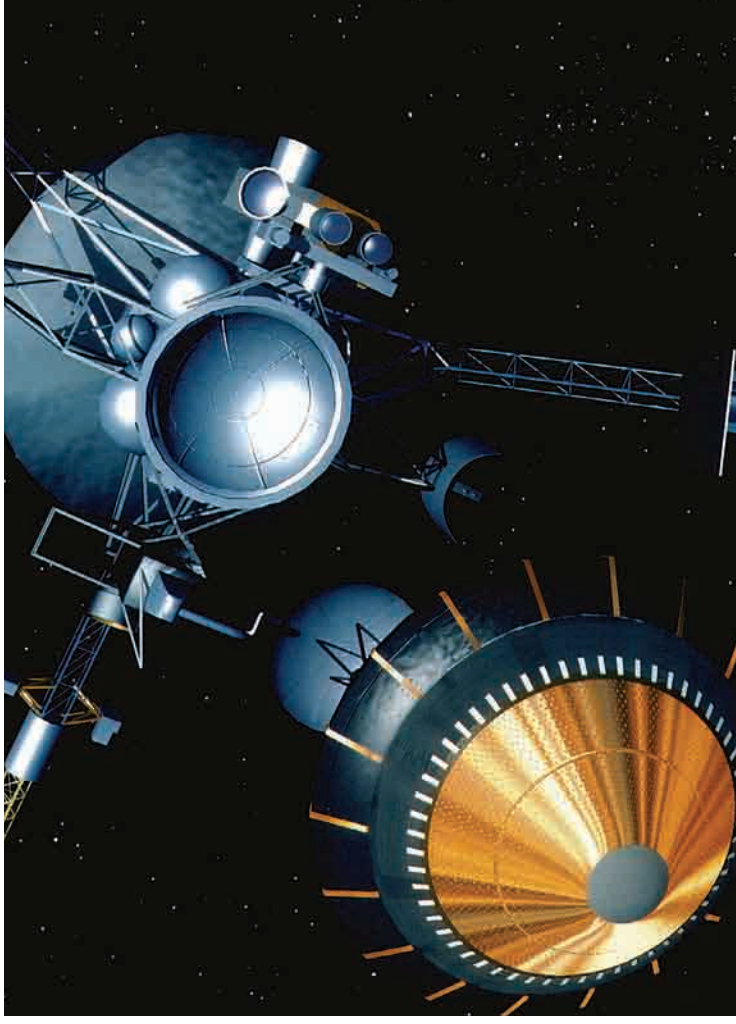
... В 1998 году РВСН России успешно запустили 24 спутника. К 1999 году Российская орбитальная группировка имела 131 космический аппарат. Две трети российских спутников работали в интересах обороны или имели двойное назначение — военное, научно-хозяйственное, навигация, связь.

Все остальные государства запустили, вместе взятые, 803 искусственных спутника Земли. Наибольшая группировка на то время была (она и ныне крупнейшая) у США — 364 космических аппарата, среди них около 140 — военного назначения.

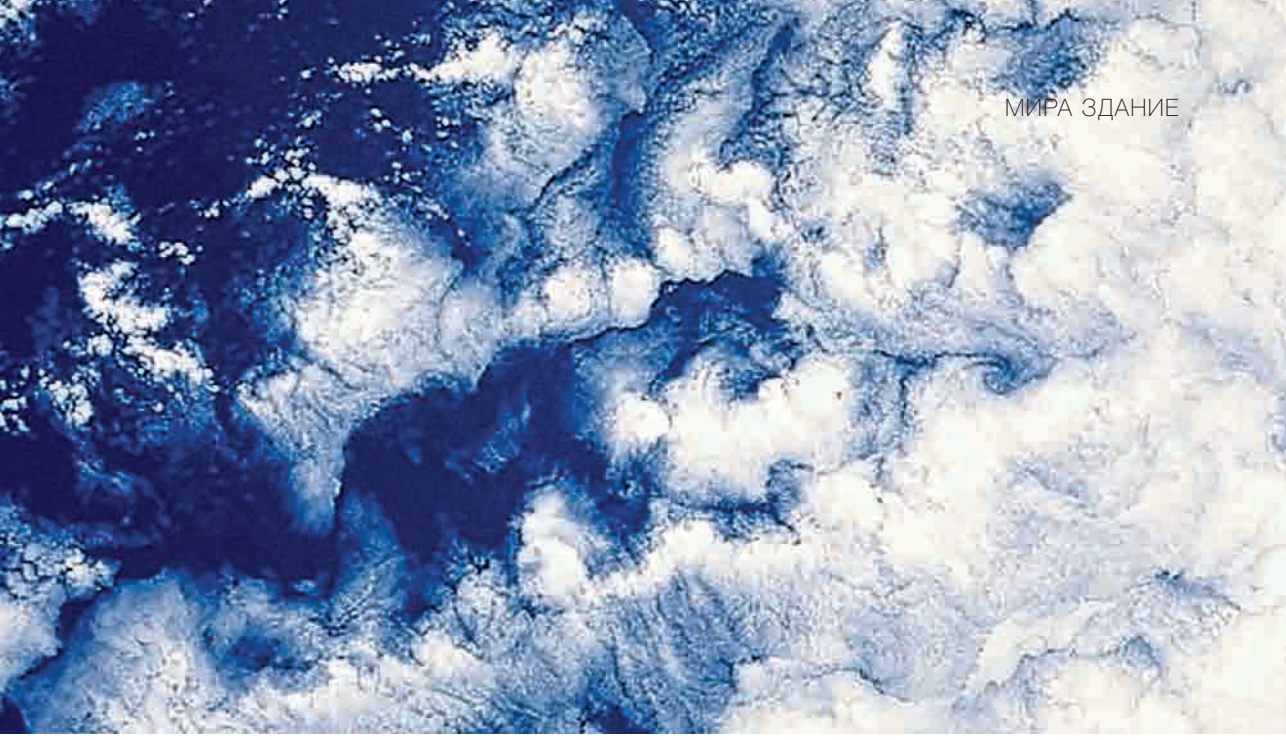
Сегодня у нас меньше спутников. Утешимся: дряхление орбитальной группировки не является сугубо российской проблемой. По оценкам, более половины из 8—9 разведывательных спутников США (оптические и радарные) могут прекратить работу раньше, чем будут запущены аппараты нового поколения FIA.

Критическая ситуация в космической разведке США возникла из-за срыва реализации перспективной многоспутниковой программы видовой разведки FIA. По первоначальным планам, новые спутники должны были появиться на орбите еще в 2005 году. Однако, по современным оценкам, оптические спутники FIA могут быть запущены не ранее 2009 года.

Сегодня на орбите находится не менее восьми спутников-шпионов. Четыре из них превысили семилетний срок активного существования, характерный для современных гражданских спутников с аппаратурой съемки Земли. Они могут прекратить работу в любое время. Стоимость изготовления каждого гиганта массой более 12 тонн составляет около миллиарда долларов США, плюс еще 500 миллионов — на запуск. Еще два спутника-шпиона приближаются к критической 7-летней отметке. В состав группи-



7 июля 1998 года впервые с мире с российской подводной лодки был выведен на орбиту из подводного положения искусственный спутник Земли.



ровки может входить 9-й спутник-шпион — «невидимка» МИСТИ-2, который благодаря применению специальных технологий остается невидимым на орбите для радаров и телескопов других стран.

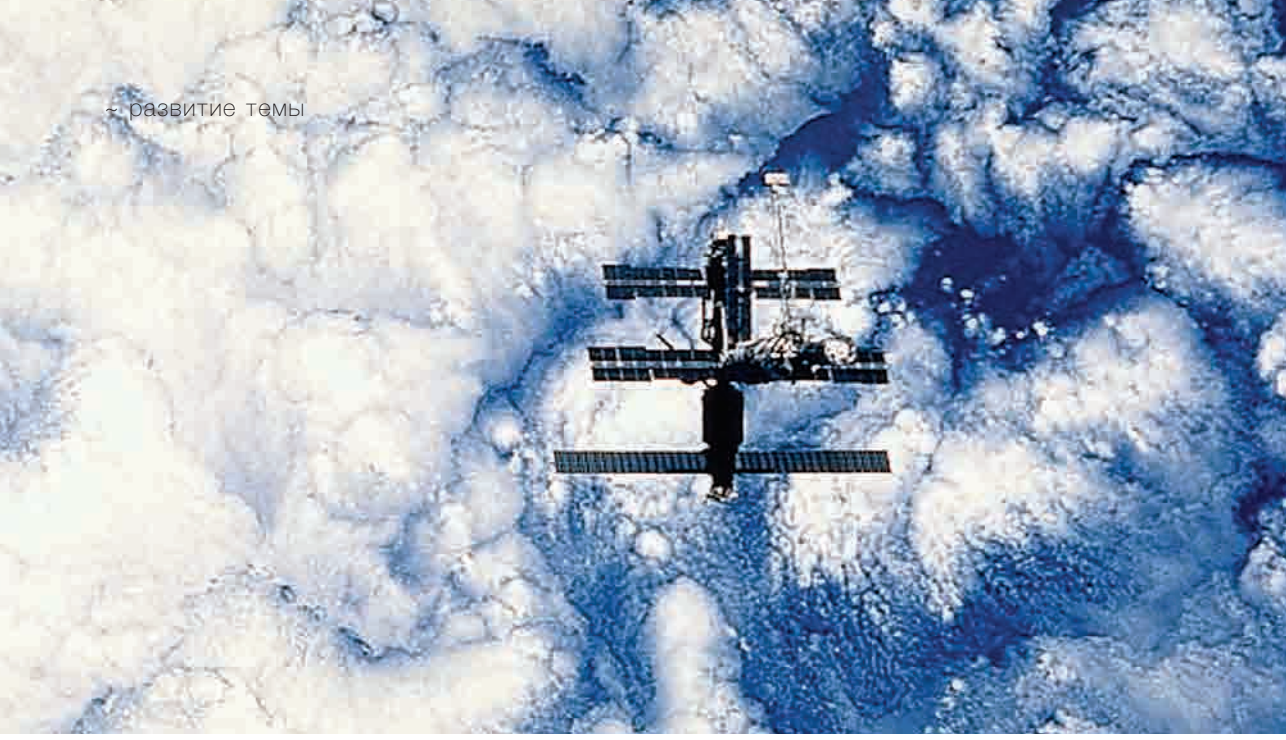
Деградация возможностей спутников видовой разведки происходит на фоне роста спроса на детальную информацию по разработкам вооружений в Иране и Китае. Особую озабоченность специалистов ЦРУ вызывает тот факт, что в последние годы Китай широко использует меры маскировки для дезориентации средств космической разведки.

В создавшейся ситуации Белый дом и национальное разведывательное управление США изучают возможность разработки промежуточной космической программы видовой разведки, призванной заполнить образующийся разрыв между действующими и перспективными спутниками FIA.

А что у нас? – ГЛОНАСС…

Понимая важность глобальных навигационных спутниковых систем для экономики и обороноспособности страны, шесть лет назад правительство утвердило федеральную целевую программу «Глобальная навигационная система» на 2002-2011 годы. Система ГЛОНАСС предназначена для непрерывного, оперативного, высокоточного навигационно-временного обеспечения неограниченного числа военных и гражданских пользователей в любом районе земного шара, воздушного и околоземного космического пространства. Система ГЛОНАСС была введена в эксплуатацию в сентябре 1993 года. Она определена как система двойного назначения, и вопросы ее развития отнесены к высшим приоритетам государства.

На выездном заседании Военно-промышленной комиссии при правительстве РФ, которое состоялось нынешним летом на базе Российского НИИ космического приборостроения, Сергей Иванов объявил, что в ближайшее время правительство разработает и примет федеральную целевую программу поддержки, развития и использования системы



ГЛОНАСС, рассчитанную до 2020 года. По его мнению, наличие у государства современной глобальной навигационной спутниковой системы является определяющим политическим и экономическим фактором.

До 31 декабря 2011 года должна быть утверждена федеральная целевая программа по поддержанию, развитию и использованию системы ГЛОНАСС на 2012-2020 годы.

Российская космическая навигационная система ГЛОНАСС обеспечит точность места определения цели до одного метра и сравняется по этому показателю с американской системой GPS.

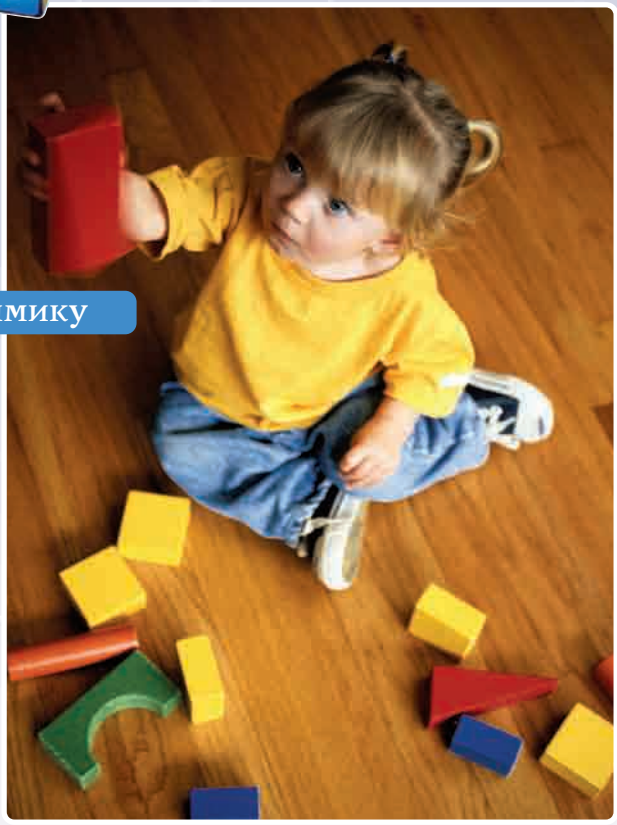
Вопрос: стоит ли вкладывать огромные средства в создание и запуски спутников ГЛОНАСС, имея в свободном доступе сигнал американской GPS? Его сигнал, надо признать, качественный. И лучшего пока нет. Тогда почему европейцы создают собственную космическую навигационную систему Galileo стоимостью свыше четырех миллиардов евро? Им приходится решать организационные, технические проблемы, из-за которых срываются намеченные сроки. Планировали ввести систему в строй в 2008 году. Новые срок — до 2012 года. Но от своего решения создать Galileo Европа не отказывается. Китайцы изучили и российский, и американский, и европейский опыты и решили идти «своим путем»: их навигационная сеть Compass должна заработать уже в 2008 году.

ГЛОНАСС определена как система двойного назначения, и вопросы ее развития отнесены к высшим приоритетам государства.

Ясно, почему это происходит. Для любого государства важно иметь гарантированный доступ и независимость в деле обеспечения себя данными космической навигации. Любые риски, в том числе и политические, здесь должны быть минимальные. Кстати, как замечают эксперты, одно из преимуществ ГЛОНАСС по сравнению с GPS состоит в том, что сигналы российской системы труднее подавить помехами.

СМЕНА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Общепризнанным фактом является, что дети начинают учить родной язык сразу после появления на свет. Однако ранее считалось, что они воспринимают, прежде всего, звучание речи и интонацию. Ученые доказали, что в восприятии речи ребенком отнюдь не последнюю роль играет мимика говорящего.



Дети узнают язык через мимику

Группа психологов из Великобритании (Оксфордский университет), Испании (Барселонский университет) и Канады (У ниверситет Макгилла и Университет Британской К олумбии) провели эксперимент , который подтвердил это предположение. Оказалось, что речевая мимика в качестве сигнального раздражителя к обучению работает до 6-8 месяцев после рождения ребенка, а затем этот стимул теряет свое значение. При этом двуязычные дети гораздо дольше реагируют на речевую мимику, поскольку им необходимо выучить в два раза больше лингвистической информации.

Загадка полония разгадана

Долгое время полоний вызывал интерес у физиков из-за своей необычной структуры. Это – единственный химический элемент , который при низкой температуре образует кристаллы простой кубической упаковки. Надо отметить, что его химические «элементы-близнецы» теллур и селен такой особенностью не обладают . Почему же полоний предпочитает кубическую кристаллическую решетку? Причина такого «особого положения» полония долгое время оставалась неясной.

На вопрос дали ответ физики из города Брно, Чехия: ключевую роль в предпочтении полония играет то, что из-за большого заряда ядра электроны в полонии притягиваются сильнее, а потому движутся со скоростями, близкими к скорости света (чего не отмечалось в селене и теллуре). Эта скорость сказывается на энергии того или иного расположения атомов, а значит и на предпочтениях кристаллической решетки.

Диета против старения

Известно, что ограничение в питании продлевает жизнь. Однако до сих пор ученые не могут ответить на вопрос, почему это так. Понять это – значит разгадать тайну старения. Возможно ли это? Американские ученые из От деления генетики Университета Джорджии задались целью узнать, как связано календарное старение с физиологическим. Они провели эксперимент , основанный на явлении продления жизни при ограниченном питании. В качестве «подопытных» выступали мухи дрозофилы. Оказалось, что физиологическое старение никаким образом напрямую не соотносится с календарным! А ограничение в питании с возрастом лишь снижает устойчивость организма по многим параметрам. Удивительно, что при общей пониженной сопротивляемости голодающие мухи все-таки имеют большую продолжительность жизни!

Комары — новый способ в борьбе с малярией

Малярия – одно из самых распространенных инфекционных заболеваний в мире. Несмотря на то, что симптомы этой болезни были описаны еще в античности, за все прошедшие века человечество смог ло найти совсем не много способов ее профилактики и лечения. До сегодняшнего дня наиболее эффективными из них считались лечение экстрактом коры хинного дерева и профилактическое сокращение популяции малярийных комаров. Сегодня генные инженеры предлагают новый способ борьбы с малярией – трансгенных малярийных комаров. Несколько лет назад были выращены особые комары, которые не способны быть переносчиками болезни, более того, вполне могут купировать ее. В ответ на широко распространенное мнение, что трансгенные животные всегда менее приспособлены, чем их дикие сородичи, а, следовательно, и более уязвимы, американские ученые провели ряд опытов, опровергающих это. В ходе эксперимента, проведенного в Институте исследования малярии при Университете Джона Хопкинса в Балтиморе, была доказана более высокая выживаемость и плодовитость трансгенных насекомых за счет их типа питания и состояния измененного гена.

СВОБОДА ОТ ИЗВЕСТНОГО

...И тут мне показали Его.

Он пробирался по залу, ни на кого не глядя, неловко наклонив, словно втянув тяжелую голову в плечи. Он имел вид человека, не готового ни с кем общаться. Странное впечатление при громоздкой полноватой фигуре. Смесь отважности с робостью. Какая-то общая закрытость, отгороженность от зала, от публики, бурно заполнявшей партер. Он сел рядом с послами и выступающими в первом ряду, слева от сцены и от меня.

Не думала, что жизнь втолкнет меня в такую историю, сведет с таким человеком. Что мне придется познакомиться и общаться с господином по фамилии Дантес.

Марина Князева

Пушкин и Дантес: пророчество судеб, диалог цивилизаций

Вот панорама необычных и уже успевших вызвать горячку дискуссии событий, произошедших в последние месяцы в России и Франции.

В июле 2006 г. тогдашний генеральный консул России в Страсбурге Владимир Львович Коротков предложил мне участвовать в проекте, поначалу и меня оттолкнувшем неожиданностью.

И вот сентябрьским вечером того же года в усадьбе под небольшим эльзасским городком Сульц собиралась публика. Мешалась русская и французская речь. Толпа, обтекая шатры с аперитивом, устремлялась в распахнутые двери старинного поместья. Открывался вечер, посвященный Пушкину. В Эльзасе. Под крышей фамильного замка Дантесов. Впервые.

Действо началось чтением «Пророка» (не кажется ли символичным?).

Беспрецедентность представления, названного «Эпоха Пушкина», определялась несколькими обстоятельствами: и тем, что в зале сидели консулы стран Евросоюза, и, главное, самим местом священнодействия.

22 сентября 2006 года в замке Дантесов отмечали гений Пушкина!

Впервые вечер, задуманный и проведенный российским Генеральным консульством в Страсбурге не без участия нынешних владельцев средневекового замка — Филиппа и Александры Шмербер, объединил под сводами XV в. потомков русских эмигрантов, французских деятелей культуры, консулов европейских стран, делегации регионов России, мэра города Сульца, членов Общества Рейн-Волга.

Мало-помалу эта богатая фамилия Дантесов разорялась. Одно время в родовом замке размещалось профессиональное училище поваров и официантов (замок словно бы разделил судьбы «дворянских гнезд» в России XX в.). Но в 2000 г. судьба поместья переменилась — его выкупил Филипп Шмербер — ресторатор, предприниматель, открытый миру веселый человек. Просматривая вехи истории рода Дантесов, он вдруг — и совершенно неожиданно для себя — узнал, что пути знаменитого эльзасского рода драматически перехлестнулись с судьбами русской литературы. Так в его сознание как близкое и важное вошло имя Пушкина (во Франции до сих пор большая часть людей мало что знает о нашем национальном гении, и вовсе в тень ушла страшная дуэль; семья Дантесов никогда не озвучивала эту трагедию, тема дуэли была табуирована).

Журналист французского телевидения искренне удивлялся: неужели в России и правда до сих пор знают и помнят о дуэли Пушкина и Дантеса?!

К уникальному вечеру была подготовлена уникальная программа. Блистали талантами и сердечным прочтением русского репертуара артисты оперных театров Европы. Покоряла легкостью порхающих рук пианистка Инга Казанцева. Сливались флейта и арфа, создавая полупрозрачную ауру. Продолжая художественные традиции ведомства, себя как чтеца проявил Генеральный консул Владимир Коротков (МИД России с давних времен было средоточием художественных талантов — и Пушкин

был сотрудником Коллегии иностранных дел). Он прочитал «Пророка» Пушкина, буквально потрясая публику своим глубоким, шаляпинской окраски, вдумчивым басом. Я рассказала об уникальном опыте родства и сотрудничества двух стран, двух народов — французского и русского — в сфере культуры. Отношения Франции и России, по моим исследованиям, насчитывают 15 веков. Этот дуэт стран и народов заслуживает названия «естественного культурного проекта», рожденного из глубин самой жизни и достойного быть отнесенным к высшим общеевропейским ценностям, к мировым достижениям цивилизации. В этом контексте я коснулась осторожно истории пушкинской трагедии, хода событий травли и той кровавой игры и интриги, которая привела к роковой развязке для трех семей.

И вот на сцену поднялся Он — потомок семьи Дантесов — Лотер Де Геккерен Дантес. Человек по имени Дантес прочитал, медленно и словно нарочно без яркого интонирования — свои стихи — о дуэли, посвященные Пушкину. Он читал настороженно, почти не глядя в зал. Дочитал — сдержанно поклонился и отступил. Маленькая женщина выступила из тени и прочитала русский перевод. Все так же коротко и сухо он поклонился и сошел со сцены в зал.

Лотер Дантес воспринимает себя как последнего потомка семьи. И хотя у него есть дети, страшно далеки они от прошлого, наглухо отгородились от него потоками современной жизни. Барон Лотэр Дантес — человек бизнеса, хотя и не слишком преуспевающий. Он был в доме своего детства как гость наравне со всеми. Тяжело. Подавляет его и история прошлого, пушкинская трагедия. Ее, как он высказал в стихах, люди до конца не знают и не понимают. По иронии или по логике жизни на каком-то уже зрелом этапе своей нелегкой судьбы Лотер Дантес пришел к литературе, осознал себя... как поэт!

Не дай Бог кому родиться на свет с таким грузом — нести на себе фамилию Дантес.

Завершением вечера стало вручение мэру города Сульца бюста А. С. Пушкина, изготовленного в Петербурге. Этот бюст — вклад России в организацию экспозиции Пушкина на родине Дантеса.

Взорвался гром аплодисментов.

***

Мне хотелось ближе увидеть Дантеса, получить из его рук стихи о Пушкине.

Наконец, нашла. Он стоял в центральном фойе гостиницы, на стойке, в душном, заполненном бурно фланирующей и пробующей угощения публикой холле под светом лампы. С его лба стекал пот, он его непрерывно вытирал, тер руки, волновался. На стойке высилась стопка книг его стихов. Я сказала, что хотела бы купить его книгу. Он обрадовался, — покупате-

лей было немного — назвал цену: 14 евро. Он подписал книгу. В ответ я подарила свою. От нашего стояния рядом слегка веяло какой-то скрытой неловкостью, натянутостью. Я спросила, не собирается ли он посетить Россию. Он резко сказал:

— Нет!

— Почему? Ведь в вас есть русская кровь?

— Есть, — возразил он, — но я больше связан с Германией. Во мне нет итальянской крови. Но я хочу поехать в Италию. Так устроена жизнь.

И взволнованная речь мэра, благодарившего русских друзей, и растроганные люди, приникавшие к нам со словами любви к России, с желанием углубить контакты наших стран. Мы живем в меняющемся мире, и его изменения требуют перемен в нашем мышлении.

Через две недели после вечера в Сульце произошло еще одно неординарное событие. 7 октября с трапа самолета в Москве сошли двое солидных мужчин среднего возраста. Так почти 170 лет спустя страшных потрясений 1830-х годов на русскую землю впервые ступил человек с роковой фамилией Дантес и нынешний владелец поместья Дантесов, автор создания «пушкинской земли» в Эльзасе, Филипп Шмербер. Мне случилось курировать московскую часть этого паломничества к Пушкину.

До октября 2006 г. потомки «того самого» Дантеса и Екатерины Николаевны Гончаровой НИКОГДА не ступали на русскую землю. Барон Лотэр Де Геккерен Дантес первым решился на этот шаг, как посмел он решиться и на многое другое...

Словно Судьба, великая колдунья, вдруг приоткрыла завесы и показала другое, параллельное измерение событий, другой абрис случившегося, допустила увидеть то скрытое и недоступное простому человеческому разумению, что остается в тени известного и, кажется, очевидного.

По возвращении во Францию после роковых событий 1837 года, семья соперника Пушкина жила более 160 лет своей автономной жизнью, казалось бы, не зависимой от произошедшей в России трагедии. Удивительно, но ведь Дантесы действительно в полном объеме НЕ ЗНАЛИ, НЕ ПОНИМАЛИ, НЕ МОГЛИ ВООБРАЗИТЬ, кто такой на самом деле противник в дуэльной схватке их родственника. И вот ОДИН человек из клана Дантесов отважился отправиться в Россию и узнать,что такое Пушкин для России и что такое Россия для Пушкина, увидеть, ощутить, почувствовать свои здешние, русские корни, осознать себя Гончаровым, человеком смешанным — русско-французским.

Барон Лотер де Геккерен Дантес. Характер — сдержанный, закрытый. Его реакция не всегда понятна и всегда совсем не очевидна. Он в своей семье оказался в чем-то исключением. С 12 лет пишет стихи. Удивительный парадокс — в своем внутреннем пути он в чем-то совпадал с рисунком становления Пушкина. Слушая о сложностях отношений Пушкина с матерью, оживился, тяжело, нутряно отсветил зрачками, кивнул — ему понятно, близко — у него то же было сходно.

Здесь, в России, масштаб поклонения поэту оказался для него ошеломительным. Огромность, захватывающий масштаб города. И везде, повсюду прослежены даты и события пушкинской жизни, сохранены следы его пребывания. «Пушкин здесь везде!» — изумлялись гости. Великая русская сага о национальном поэте. Гомеровский эпос его захватывающей судьбы.

Пушкин стоит над Россией, как статуя Свободы — над Америкой. Это наш национальный символ. Символ России, ее прошлого и будущего. Символ поэзии и символ любви, символ

человечности и поэтичности. Страна у нас меняется, чередуются политические кланы, сменяется общественная формация, век, уклад жизни — одно остается неизменным: Пушкин. Он был, есть и будет. Он — символ преемства, цельности, связанности русского мира. Все может вновь и вновь измениться и перевернуться на 180 градусов, но Пушкин будет всегда!

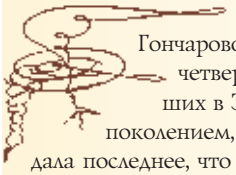
Но, что не менее важно — Пушкин у нас это еще и живой страдающий человек, с которым у каждого — свои отношения. У нас все в той или иной мере пушкинисты и пушкиноведы. Судьба, история Пушкина в России рассматриваются сквозь такое число линз и микроскопов, что не дай Бог никому войти и как-то не вписаться в это общеозираемое и общеизучаемое пространство. Посмотрела глазами иностранца-иномирца: и правда — ТАКОГО НИГДЕ больше нет. Это уже и не известность, и не слава, а какая-то всепронзенность, пронизанность, всепроникаемость, всеродственность. И какая безумная ответственность и какое испытание вступить в это общенациональное пространство, в этот ореол пушкинского свечения!

Странная, роковая загадка пушкинской жизни, в которой он как будто ЗНАЛ, что должен быть убит на дуэли. Он загадал, словно бы выбрал себе ТАКОЙ финал, как у Гамлета.. Гамлет как тип мыслящего человека — а погиб, по сути, на дуэли, сражаясь за честь семьи, за убитого отца, за поруганную мать. Не от него ли, не от этого ли высокого нравственного эталона родилась мысль обязательно быть убитым — на дуэли? Как Гамлет. Рискну высказать предположение: мысль быть убитым выросла и окрепла в нем после гибели друзей — казненных декабристов. Он нес ношу своего оставления ими в жизни как внутреннюю вину, как свой рыцарский — дружеский долг. Похоже, он хотел погибнуть, искал гибели. Похоже, что долгие годы ВЫБИРАЛ СЕБЕ ПРОТИВНИКА. В день накануне свадьбы с Натали, собрав традиционный «мальчишник», он, по описаниям очевидцев, был грустен как никогда, и сообщил свои мысли: «Я буду убит на дуэли». Что это? Роковое предчувствие или задание своей жизни, самим себе приуготовляемый сценарий — самосбывающийся прогноз? Как будто Пушкин носил в себе эту картину: выстрел — почти случайный — и молодой, но уже зрелый человек, опытный игрок с судьбой, мудрец, падает, к изумлению других и к собственному успокоению, ИБО ДАВНО К ЭТОМУ ШЕЛ.

Можно ли отнести Пушкина к искателям смерти? К тем загадочным натурам, в которых постоянно присутствует суицидальный синдром? Но ведь нет же, не скажешь. Не байроновское, не стерновское, не как у Лермонтова. Не прочитывается призыв смерти. Напротив, все творчество исполнено ликующего и сияющего жизнелюбия, чувства торжества жизни, тяги жизни, восторга. В его мире и умирают, и погибают и сходят с ума как бы легко, без надрыва и надсады, почти спокойно, примиренно, не нарушая общей гармоничности мира. У Пушкина почти аристотелевская вселенная — создана по законам красоты и для красоты. Люди уходят из жизни, не нарушая красоты и общего правильного порядка мира. В этом — изначальная философия Пушкина, где прекрасное выше боли, и сама боль есть подтверждение красоты и правоты жизни. Жизнь торжествует — и она всегда права. Поток жизни несет дальше, но мир в целом благополучен и добр. Внутреннее почти крестьянское добродушие Пушкина всех исцеляет и всех примиряет.

В творчестве — все так. А в жизни? А в жизни — роковые сны, вечная мысль о гибели на дуэли, постоянный сюжет поединка — и поиск яркого, УБЕДИТЕЛЬНОГО соперника. «В Дантесе... он увидел символ того международного олигархического круга, который его мучил и травил...» Это слова близко знавшего в последние месяцы, Петра Вяземского. Значит, Пушкин — символ свободы, и Гамлет — нашел противника — символ европейского олигархического мира.

Дантес оказался — или стал — символом. Символ сошелся с символом...



У Жоржа Дантеса и сестры Натальи Гончаровой Екатерины во Франции родилось четверо детей. Семья была одной из богатейших в Эльзасе. Но мало-помалу, поколение за поколением, род разорился. Вдова дяди Лотэра продала последнее, что оставалось из крупной недвижимости — замок в Сульце. В нем сначала сделали колледж, а затем через ряд покупок и перепродаж он оказался в руках Филиппа Шмербера, который и сделал в нем отель и ресторан, обратившись в первую очередь к именам русских родственников. Так появились залы «Александр», «Натали», «Сергей» (в честь отца Пушкина). Так, шаг за шагом, родовое гнездо Дантесов превращалось в площадку памяти русского поэта.

Не о людях чаще думала я, участвуя в этой уникальной истории. О мировой карме, о скрытых законах мира. Как, почему, словно бы без всякого нажима происходит эта трансформация, словно из-под внешних пластов бытия проступает, обнажается глубинная платформа, магматическая основа материков. Как идет эта метаморфоза, постепенно переливающая дантесовское в пушкинское? Ведь рядом с перерождением замка — другой сюжет — в местном краеведческом музее изрядная площадь отведена семье Дантесов. По воле мэрии Сульца, в залах Дантесов происходит создание экспозиции Пушкина.

Что бы это могло значить в кармическом плане?

Если Пушкин подсознательно ВЫБИРАЛ, от чьих рук погибнуть — то выбрал он гениально. Более яркой, броской, емкой фигуры не найти: швед французского прописания, остроумец, красавец, заметная личность, он сыграл свою мистическую роль в посмертной истории поэта, а ныне — в его французском звучании. Поистине, поэт был Пророком.

***

Лотэр Дантес стоит у памятника Пушкину. Удивлен, немного растерян.

Здесь часто читают стихи поэты. Кивает понимающе головой. И вдруг соображаю — ведь не только праправнук приехал на свидание к двоюродному прадеду по матери, но и поэт к поэту. Один раз в разговоре сказал кротко: я просто ношу эту фамилию.

В самом деле. Не приведи Господи родиться кому-нибудь с фамилией Дантес. У этих людей, не читавших Пушкина, целая страна мстителей.

— Скажите, — спросил он, — а Наполеона тоже так ненавидят? Неужели то, что сделал Дантес в честном поединке, страшнее того, что сделал Наполеон за целую войну? Наполеону все простили и забыли, а Дантеса все ненавидят, почему?

Вопрос — не арифметический.

Шаг за шагом осознавал он внутреннюю причастность к РУССКОМУ МИРУ, ощущал себя полукровкой, опознавал в себе РУССКОСТЬ. Из Дантеса он все больше превращался... в Гончарова.

Дедушка. Его дедушка гордился своей русской изюминкой. Почитал русское. Собирал семью за столом и приучал внуков к русской традиции. Дети уплетали борщ, блины, икру — до отвала — так, как понимали русское застолье. «Не знаю, что будет потом, — говаривал этот русско-французский любитель жизни, — а пока налегайте, наедайтесь от пуза».

Так все странно переплелось в этой судьбе, так наметалось!

Вдруг посреди одной из плановых экскурсий, в музеях Кремля, прослушав монашеское песнопение, он внезапно привлек меня в тень, у дальней стены в глубине собора и прошептал: Катрин Гончарова... она перешла в католичество, и она все писала кому-то письма в Россию, все писала... ответов не было. Кому она писала? От нее отказалась родня, вся семья Гончаровых. Она много плакала... Где сейчас эти письма?

Наибольшим потрясением для этого «последнего из Дантесов» стала поездка в фамильное имение Гончаровых Яропolец. Два имения — две схожих судьбы. Там, во Франции — в доме Дантесов — отель. Здесь, в России, в доме Гончаровых — профилакторий и здравница Московского авиационного института. Личная жизнь этих семей повсюду стала местом общественного присутствия.

Тут, «в доме бабушки», вечно напряженный и нахохлившийся Лотэр умилился и размяк. Он благодушно ступал огромными ступнями по рассохшемуся древнему полу, оглядывал стены провинциального музейчика, вздыхал и ловил каждое слово экскурсовода вовсе не так, как в лощеных залах больших столичных экспозиций. И экскурсовод тут особенный — крохотная старушка, отдавшая всю жизнь труду и вот этому залу. Для нее каждое слово пушкинское — родное. Она жаждала донести до гостя всю красоту и богатство пушкинского — и стала читать стихи — горячо, обильно, страстно, сначала — Пушкина, а потом на смерть его и на память, и на последние юбилеи и о последних днях. Эту неукротимую лаву любви с трудом прервал представитель деканата МАИ, угомонил влюбленную душу. И даже посулил денежную премию. Если отпустит гостей к обеду. Вот такой русский парадокс — плата не за то, чтоб говорила, а за то, чтоб позволила себя остановить. Они обнялись напоследок. Он был для нее не враг — а еще один потомок Гончаровых.

Дантес приехал в Россию не только за Пушкиным. Он ехал сюда за собой.

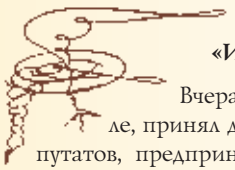
Лотэру было тяжело говорить и слушать о Пушкине. Это я поняла не сразу, гостеприимно вываливая на него мегатонны своих познаний. Ему вообще трудно существовать на фоне пушкинского имени.

Здесь я почувствовал! Я ОЩУТИЛ! Это было переживание. Мое. Второй раз в жизни я ОЩУТИЛ соприкосновение с СОБОЙ. Первый раз, когда пришел в замок к Филиппу и я почувствовал, что это — мой дом. И вот второй раз в жизни. Как будто я приехал к бабушке, и она меня обняла.

Дантес в роли Пушкина! Кто бы мог вообразить! В ЕГО истории, земной истории некрупного провинциального предприниимателя барона Лотэра Геккерена Дантеса это ОН — ПОЭТ. Это он — страдалец и скиталец. Это он — как бы новое земное воплощение поэта. Задача, достойная изысканий психоаналитика: чего больше в его жизни — подражания Пушкину или соперничества с ним? Он — не эпигон. Ибо Пушкина практически не читал. Он живет в облаке Пушкина, в его психическом поле, в его гравитации. В его магнетизме. И — стал его подобием. Может быть, бессознательным. И, может быть, бессознательно, ПОЗАВИДОВАЛ судьбе поэта.

Так, может, и ТОТ, роковой Жорж Дантес, тоже вошел в штопор соперничества, тоже бессознательно судьбе позавидовал?

Много загадок и зияющих бездн человеческой непознаваемости в этой истории. Она, как бермудский



Французская пресса
«ИЗ РОССИИ С ЛЮБОВЬЮ»

Вчера утром мэр Сульца, Томас Биргентцле, принял делегацию, в которую входили ряд депутатов, предприниматель, руководитель торгово-промышленной палаты, представитель пушкинского музея и Генеральный консул России в Страсбурге Владимир Коротков. Целью этой встречи было подписание документа о партнерстве и укреплении дружбы «между маленьким Сульцем и большой Россией», как заявил Томас Биргентцле. Рассказывая историю своего города, мэр многократно повторял: «Д'Антес — не убийца. Это была дуэль!». И добавлял: «Из-за этой дуэли Сульц стал «более известным в Санкт-Петербурге, чем в Париже». Мэр представил промышленную зону и проекты ее развития.

Николай Калинов, руководитель торгово-промышленной палаты Тамбовской области, урожденный Болдина, обнаружил две основные темы этой встречи: «Меня интересует экономика, но цель нашего визита — это сама личность д'Антеса и реабилитация его имени как во Франции, так и в России. Благодаря этому наши отношения будут более близкими, и мы сможем развивать экономическое партнерство. Во всяком случае, после открытия границ и развития России эта встреча — нормальное явление». И хотя вставал вопрос о д'Антесе, о Пушкине, о причине их ссоры, Вячеслав Жариков, глава администрации Большеболдинского района, выразил готовность поддержать создание «зала Пушкина» в музее Бюшенек.

Его поддержал Валерий Грищенко, его коллега из Знаменки, родного города супруги Натальи Гончаровой. Роже Боск, помощник мэра Сульца по финансовым вопросам, в свою очередь вновь вернулся к вопросам экономического развития, особенно с Тамбовской областью и в еще большей степени – с Нижним Новгородом, население которого составляет более миллиона человек: «Возможно, наши предприятия будут рады узнать потребности другой страны». А Николай Калинов заверил: «Деловые люди понимают, что в любом деле риска избежать нельзя. Но Россия в настоящий момент предоставляет хорошие условия для развития».

Встреча завершилась обменом подарками между депутатами Сульца и официальными лицами из России. Последние также посетили музей Бюшенек, прежде чем отправиться на встречу в Генеральный Совет Верхнего Рейна, где должны были присутствовать представители торгово-промышленной палаты».

Газета «Л'Альзас» 20.03.2007

провал, всех, бытовавших около, всех опалила, обожгла, сожгла, перекалечила, погубила — и продолжает ломать и втягивать в себя новых, кто близко подступится.

Повороты мировой гравитации вынесли новый сценарий жизни: в бывшем замке Дантесов формируется центр русской и французской культуры. Своего рода французский дом Пушкина. Земная фантасмагория набирает темпы, растет этот проект.

Во Францию, в Сульц приехала из Москвы группа студентов Московской землеустроительной академии — они сделали 6 русских проектов обустройства и расширения усадьбы. Весной 2007 года Владимир Коротков принимал делегацию из Большого Болдина и Знаменки, в мэрии Сульца заключается договор о сотрудничестве и взаимодействии. Эльзасский драматург Тьерри Вимцнер написал пьесу «Пушкин, или Предсказание про белокурого человека», посвящённую событиям последних двух лет жизни Пушкина. Город Сульц готовится исполнить и посмотреть спектакль о России, о ее поэте через призму по-своему трагической судьбы своего французского согражданина. Костюмы к этой постановке делают в Петербурге, в ателье Елены Русановой.

Что это такое? Как это понять, оценить, осилить сердцем?

На арене — спутник Лотэра и нынешний владелец замка Филипп Шмербер. Он достоин отдельной оды. Вот с кем было легко и упоительно-весело бродить по Москве! Шутник! Острослов! Хороший, бодрый, кипучий немецко-французский Штольц, готовый немедленно засучить рукава и взяться за самое невероятное дело. Я подумала: вот он, главный герой истории. Он кипит делом создания русского центра. Он в Россию влюбился. Любовь — не на один порыв. Он —

счастливый отец трех дочерей. Они учат русский. Он тоже потихонечку подбирается к русскому.

***

Что происходит? Или, в самом деле, движется земная ось?

Известный литератор в разговоре со мной отрезал: то, что они делают — кощунство. «Создать экспозицию Пушкина в доме Дантеса — все равно, что поставить бюст Дантеса в Михайловском. Надругательство. Это делают глупые люди, и их всех снимут. Они все плохо кончат. Бегите прочь от этой истории!»

Другой известный поэт, узнав о приезде Дантеса в Россию, разразился яростной поэмой. В ней он защитил память Пушкина, в том числе такими строками:

А я бы запер дом на ключ,
Не допустив его к порогу.
Ведь до сих пор тот день горюч,
Когда Поэт поднялся к Богу.

И в Святогорский монастырь
Он тоже не посмел явиться.
Ему, как в морду нашатырь,
Мысль о проклятии убийства.

Литературное издание напечатало эти пламенные строки. Не знаю, как насчет свежести рифмы «Бог — порог», а вот «монастырь — нашатырь», это, конечно, свежо и ново. Захотел ли бы Александр Сергеевич, чтоб его защищали такими оборотами речи?

Наверное, не всегда так уж хорошо наспех откликаться на события, которых не знаешь, иногда можно и остановиться, поразмышлять. Заступаться за Поэта лучше бы, следуя его логике, той светоносной музыкальности строк, ясности и точности в слове и чувстве, которые сами по себе и есть — пушкинское в нас. Без разрывания тельняшки на груди.

У нас очень много опыта непримиримости. И совсем мало — примирения. И почти всегда — неудачного. Мы не всегда понимаем его цену и возможные следствия. Если мы принимаем кого-то виноватого, то становимся слабее или сильнее? Укрепляемся или усомняемся? Что это за искусство — примирения?

Отношения семей Пушкина и потомков Дантеса оказались лишь внутренним сюжетом, частью совсем другой современной истории. Совсем другие лица ведут другую линию и другие объемы: на земле Дантесов строится, формируется русско-французский центр. Строители и проектировщики, драматург и артисты, издатели и художники развивают на эльзасской почве новую версию русско-французских связей. Культура и экономика, туризм и ресторанный бизнес пошли рука об руку, окликнутые — литературой. Помимо и вне истории Пушкина и Дантесов, сквозь нее развивается новая тема: Россия во Франции через призму пушкинского присутствия. Не Пушкины и Дантесы, а Эльзас и Болдино общаются и крепят связи друг с другом.

Думал ли об этом поэт как о новом финале трагической схватки миров, завершившейся страшной дуэлью? Мог ли он вообразить такой абсолютно парадоксальный эпилог? Мог ли предположить, что жилище противника превратится в дом славы его музы и его страны?

В этом есть какая-то метафизическая сверхлогика мира, неведомая нам до времени, пока вдруг не превратится во всеобщую очевидность, и новые поколения пушкинистов будут говорить на уроках литературы: Пушкин пал, а в доме его врага во Франции теперь создан русско-французский центр имени Пушкина.

Такова логика истории и воля мировой справедливости. Так рассудили времена.

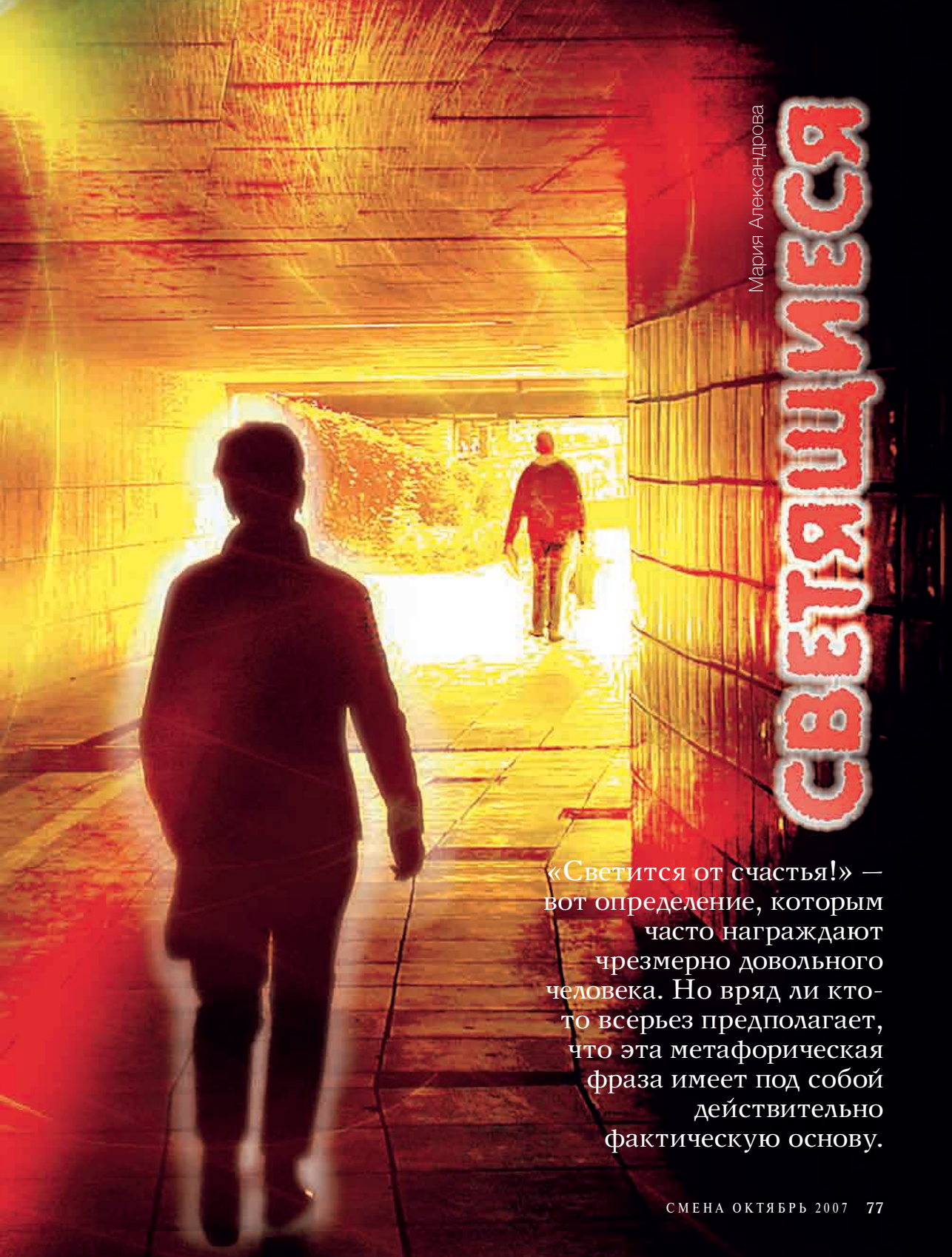
Из архивов

В мае 1934 года в газете «Таймс» появилась заметка о «светящейся женщине из Пирано». Синьора Анна Монаро страдала астмой и в течение нескольких недель во время сна от ее груди быстрыми импульсами исходил голубой свет. Это явление наблюдали многие врачи, но так и не смогли дать ему разумного объяснения. По свидетельству наблюдавших больную специалистов, в тот момент, когда тело Анны испускало свет, сердце женщины начинало биться вдвое быстрее обычного.

В книге «Аномалии и курьезы в медицине» за 1937 год описывается случай с женщиной, страдавшей раком молочной железы. Исходящий из больного участка груди свет был достаточен для того, чтобы увидеть циферблат часов, находящихся на расстоянии нескольких футов...

В книге Хэреварда Каррингтона «Смерть: ее причины и связанные с ней явления» есть упоминание о ребенке, умершем от несварения желудка. После смерти тело мальчика стало испускать голубоватое сияние и распространять тепло. Попытки погасить это сияние ни к чему не привели, но вскоре оно прекратилось само по себе. Когда тело подняли с кровати, обнаружилось, что простыня под ним прожжена...

Эффект Кирлиана был открыт в 1949 году краснодарским физиотерапевтом С.Д. Кирлианом и его супругой. В научном понимании – это своеобразный ореол вокруг изображения различных объектов при фотографировании их в высокочастотном сильном электрическом поле.



Светящиеся

Мария Александрова

«Светится от счастья!» — вот определение, которым часто награждают чрезмерно довольного человека. Но вряд ли кто-то всерьез предполагает, что эта метафорическая фраза имеет под собой действительно фактическую основу.

С 2002 года в разных точках нашей планеты стали появляться «люди-светляки». Чаще всего человек начинает светиться в темноте после прохождения определенного лечения: кто-то лечит щитовидную железу, кто-то делает УЗИ... Но и эти факторы совсем не обязательны. Феномен «светящихся людей» назвали «эффектом Кирлиана», и ученые разных стран пытаются разгадать загадку этого таинственного свечения.

Среди парапсихологов эффект Кирлиана считается доказательством существования ауры вокруг объектов.

Официальная наука категорически отвергает даже минимальную вероятность существования «людей-светлячков». Так биологи подразделяют свечение живых организмов на два вида — биолюминесценцию, которая присуща, например, жукам-светлячкам, и сверхслабое свечение, присущее всем (!) живым организмам. С одной лишь оговоркой: это сверхслабое свечение никак нельзя зафиксировать невооруженным глазом, излучение способны уловить лишь точные приборы.

Радиоактивные препараты, которые применяются при диагностике и лечении заболеваний щитовидной железы, действительно способны повысить уровень ионизирующего излучения. Однако со временем уровень излучения приходит в норму. Опасности такие люди не представляют. Никакого феномена в этом нет.

И.Торин, врач-радиолог

Однако большинство ученых-медиков в один голос утверждают, что «световое излучение» — это новая болезнь, заразиться которой может каждый из нас. А источником этой «болезни» является микроб Photorhabdus asymbiotica, переносчиками которого являются обычные насекомые, внутри которых и развивается бактерия. По данным ученых, именно в телах насекомых микроб мутировал и теперь представляет угрозу людям.

Экспериментально зафиксировал световое излучение, исходящее из волосков семяпочек хлопка, ученый-исследователь из Узбекистана В.Крохмалев. Он утверждает, что механизм образования этого свечения близок к излучению лазера.

Теперь приверженцам этой теории предстоит решить еще один вопрос: как микробом заражаются сами насекомые. Ученые полагают, что это возможно посредством растений, некоторые виды которых обладают биолюминесценцией.

Факты

Однажды вечером в зимовье к двум заядлым таежным охотникам постучался ч еловек, п опросившись переночевать. Когда незнакомец снял в арежки, о казалось, что его левая рука светилась в темноте, словно фосфор. Более того, с кончиков пальцев г остя ст екало с яние, похожее на пламя ацетиленовой г орелки. С вечение, исходившее от руки, делало ее почти прозрачной. Когда же гость положил кисть на газету, та пожелтела и стала хрупкой.

Быть может, именно это растение и является «местом жительства» странной бактерии, над загадкой которой ломают голову ученые-медики?

Немало сведений о светящихся людях можно почерпнуть из религиозной литературы. Как иначе, если не таинственным свечением можно назвать нимб над головами святых? И хотя подобное сияние всегда считалось признаком высокой духовности, как ни парадоксально, но церковные иерархи признавали факты свечения и у простых смертных.

Одним словом, между церковью и наукой в вопросе существования «людей-светлячков» нет единства. И здесь вечные дебаты ученых и священнослужителей. Однако вряд ли кто-то станет оспаривать то, что возможности живых организмов выходят за рамки общепринятых представлений. Кроме того, есть документальные подтверждения свечения людей. А

Похоже, что следует признать фактом наличие естественного пламени, которое иногда становится видимым вокруг человеческой головы, и также похоже на правду, что иногда от всего тела человека может исходить огонь...

Папа Бенедикт XVI

сколько еще экспериментов! Так, в одном из московских институтов ученые пришли к выводу, что человек действительно в определенных условиях начинает испускать ионизирующее излучение, значительно превышающее допустимые нормы. Самое любопытное заключается в том, что эти «световые дозы» иногда даже могут распределяться по телу в зависимости от желания человека!

Дают ли все эти объяснения ответ на основные вопросы: что является причиной загадочного человеческого свечения? Каждый ли человек обладает подобной способностью? Таят ли «люди-светлячки» в себе опасность? Или они — особенные? Ответов на вопросы пока так и нет. Да и могут ли они быть? Ведь мы так мало знаем о самих себе! Могло ли быть иначе, если известно, что многие мировые религии долгое время запрещали не только изучать человека, но даже рисовать его? И теперь, бросившись с головой в непознанный мир самих себя, мы слышим отголоски невежества (или неверия) наших предков. И нет ничего удивительного в том, что возможности человека и по сей день являются одной из самых главных загадок в современной науке. Можно предположить, что «люди-светлячки» — одно из таких непознанных пока явлений. И, кто знает, возможно, когда-нибудь, поняв, наконец, самое себя, познав то, что пока находится за гранью, человечество найдет ответ на все вопросы. Кто знает...

Факты

В декабре 2006 г. на Троицкой таможне было зафиксировано необычное явление. Оформляя документы на автомобиль жительнице Казахстана, таможенники обнаружили, что пассажирка светится в темноте. У ровень излучения превысил естественный уровень радиационного фона в 40 раз! Оказалось, что женщина проходила лечение щитовидной железы в одном из санаториев, где в ее организм вводили радиоактивный препарат. Однако этот факт не разрешил загадку таинственного свечения: определить источник света так и не удалось.

Они всегда существовали в природе. Но раньше они могли затеряться в толпе не похожих на них. Теперь они заметны, их исключительность подчеркнута их обликом. Это сделала дизайнер Султанна Французова. Она вывела на сцену новый тип девушки. Загадка, как это ей удалось.

Меняющие

представление

Загадка SF

Надежда Болгова

Говорят, все новое – это повторение прежде бывшего. Не всегда.
Вот они! Идут неземные по городским улицам. И описать почти невозможно: индивидуальность не поддается усреднению и обобщению. Каждой восхищаешься в особенности. Трогательность – до детскости и самостоятельность – до изумления.

Изящество и сдержанность как верность себе.
И не сказать, чтобы дело в одежде, но в чем?
Во «второй коже».
Так видишь человека не сквозь, а вкупе.
Целостность.
Всеобъемлемость.
Иное – взгляд урывками, кусочками, с заведомой избирательностью, когда чужеродное прилагается в комплекте.
Помните, были вещи мышиного цвета. Взамен им мы что-то выдумывали, перешивали, перекраивали, порой до несуразности, и не всегда из желания выделиться, но ведомые страстью быть собой и с собой (в одежде и в душе).
Потом, следуя чувству времени и происходившим в нем переменам, на европейских показах наконец-то заблистали «наши» – Вячеслав Зайцев, Валентин Юдашкин.
Скачок в моду «высокую» своей непривычной стремительностью вызывал, что неудивительно, возражение: красиво, но по-прежнему не мое, отчасти и потому, что цены «подиумные». И вновь перешивали.
Так, часто ответом «высокости» был внешний вид, что называется, от противного.
Это уже потом рваные джинсы и «косматые» блузочки будут повсеместно носимы, а сначала – признак индивидуальности.
При всем уважении к гениальным модельерам и отвращении к китайским пуховикам на рыбьем меху и то, и другое вызывало отчуждение.
Это именно тогда «китайское» стало синонимом низкого качества, стерев из памяти благородные фабричные китайские платьица и прежнюю зависть подруг.
Впоследствии заполнившие пустоту Мэксы, Бенетоны, Зары обнаружили справедливую радость: разнообразно, доступно. И мысль: теперь, как Там. Но скоро осознанная безындивидуальность ярких красок разочаровывала, возвращая мыслью к дизайнерской одежде. Цены, как и 10 лет назад, кусались.
Отыщется ли ненапыщенная экстравагантность вкупе с тем характером утонченности, что принадлежит только тебе?
Вот же Она. Не на сцене, а, шелестя пышной юбкой, спешно стучит каблучками по городской улице. Безыскусная красота (в том смысле, что ни капли искусственности и чужеродности). Казалось, так не бывает.
Это – больше чем мода, это – чувство. Так чувствует Султанна Французова. И, как оказалось, не только она.
Думала: человек, это создавший, непременно должен обладать иным мышлением, его даже и мышлением не назвать, так можно только чувствовать.
И – бесконечное удивление:

дизайнерские вещи, но почему цены, доступные многим?

модельер – наша соотечественница: как смогла устоять среди мощных иностранных конкурентов?

одежда сшита на китайской фабрике, но, как в стародавние времена, качественная.

Смелость во всем.
Не от верности ли себе?
Это – Султанна Французова.

ANNA FRANTSUZOVA

2005 — 2006

Хроника четвертований

...о красоте

Мода – не цель, а всего лишь средство для создания положительных эмоций и хорошего настроения. Демократичность моды сегодня ориентирована на образ. Сейчас нет понятия остромодной вещи. Нет такой вещи, которую современная девушка просто обязана приобрести. Пройдет еще чуть-чуть времени, и люди перестанут думать, что выглядеть на 10 000 долларов – это круто.

Я сейчас вот думаю – а с тарая школьная коричневая форма с белыми воротничками и черными фартуками – очень эстетская и красивая. Только, конечно, без диких колготок с вытянутыми коленками.

Моя одежда – не просто девичий стиль, это – настроение.

Если девушка стремится выглядеть асексуально – это временное явление.

Я не знаю такого понятия, как русская женственность. У женственности не может быть национальности. Эмансипированные женщины не обязательно должны выглядеть, как дядьки в юбках. А женственность отнюдь не предполагает слабости или жеманности.

Мне нравится экспериментировать, сочетать неожиданные цвета и странные формы. Китайцы любят очень странные, на мой взгляд, но очень красивые сочетания цветов. Мне в голову такие никогда бы не пришли. А Москва хочет быть похожа на Голливуд. Я собираюсь исследовать Гонконг. В Китае – все на грани искусства и пошлости.

Я не сомневаюсь, что когда-нибудь все-таки буду шить одежду для мужчин. А также для детей, делать очки, тарелки, свечки.

Я люблю кино и мне нравятся образы ушедших времен. Раньше в моде были покатые плечи, тонкая талия, широкие бедра – это очень женственно. Хотя, может быть, мне это нравится именно сейчас, а потом я буду без ума от 2046 года.

О мистических совпадениях и загаданных непопаданиях

Фамилия Французова – моя настоящая, она – от мамы-калмычки. После окончания войны с Наполеоном сражавшиеся за русскую армию калмыки часто возвращались домой с женами-француженками. Оттуда и пошло прозвище «француз», ставшее потом фамилией.

Я пошла учиться на агронома, только чтобы успокоить маму, хотя эта профессия мне не нравилась с самого начала. Из обязанностей я признавала только школу.

Когда-то мне приснился сон, как Вячеслав Зайцев подарил мне большой отрез ткани ярко-красного цвета. Думаю, это был символический сон.

Бросила институт, уехала из родной Элисты в Москву.

К запуску собственной марки одежды я шла пять лет.

...о бизнесе

Только мы, российские дизайнеры, и можем делать шум из ничего. Делать шум из чего-то другого – дело нехитрое.

Я не люблю ничего прогнозировать. Мне это совершенно не важно. Пусть об этом задумываются мои дети и внуки.

Я не штудирую каталоги, я ведь – не бухгалтер. Я люблю наблюдать за миром вокруг.

Я не выношу людей, которые во всем мне поддакивают. Я с такими не работаю. Иногда, правда, шутя стараюсь постращать и приструнить сотру дников, чтобы они меня уважали. Не будет прогресса, если люди смотрят тебе в рот. Мне нравятся люди сообразительные, целеустремленные, у которых нет слова «нельзя», а есть «надо попробовать». Нет ничего абсолютно невозможного.

Одна из составляющих успеха – свобода творчества.

Нельзя разделять любовь и любимую работу. Женщина, которая никого не любит, не может быть полноценным управленцем или просто профессиональным работником. Те, для кого на первом месте стоит только семья и дети, как правило, изматывают близких, и в первую очередь мужа, своим чрезмерным вниманием. Наши отношения с Женей* строятся не только на любви и уважении, нас связывает общее дело. Женя занимается всем – от сайта и полиграфии до цвета обоев и мебели в бутиках.

Мне кажется, что мы достаточно сильные и умные, чтобы успевать любить, работать, рожать детей, воспитывать их – при этом мы обязательно должны быть красавицами. Думаю, что мужчина бы со всем этим не справился.

**Евгений Мерман, супруг Султанны Французовой, по образованию художник-постановщик.*

...о ребенке

Я не хотела бы, чтобы мой ребенок продолжал семейный бизнес в качестве дизайнера, в нашем семейном деле – скорее бизнесом и налаживанием его структуры. Я – за это.

Когда мама профессионал, она сможет завоевать больше уважения у ребенка, чем постоянно навязывая ему свое присутствие.

Сегодня это имя ассоциируется с уникальным явлением, когда мода перестает быть модой как таковой, разрушая привычное понятие прет-а-порте. Отныне прет-а-порте – это не массово и клонированно, а индивидуально и вызывающе модно.
Приехав в 1998 г. из родной Элисты в Москву, успешно закончив обучение в Лаборатории Моды Славы Зайцева и получив грант на стажировку в Академии художеств в Милане (куда так и не поехала), уже в 2000 году Султанна разрабатывает одежду для известных брендов Lo, Sorti de bal, и обувь для компании «Ж». Вместе с тем – постоянное участие в Russian Fashion Week. В 2004 – открытие именного бренда Sultanna Frantsuzova. В 2005 – грандиозный показ на Андреевском мосту в Москве. Его посетили 15 тысяч человек. Продано более 4 тысяч экземпляров одежды. В том же 2005 Султанна удостоена звания «Дизайнер года» в номинации «Женщина года».
Открыто более 20 магазинов марки Sultanna Frantsuzova по всей России, а также в Падуе (Италия).
Прорыв: Она своевольно вывела не стиль, но тип.
Она демонстративно показала: одежда – не вещь для «прикрытия того, что должно быть прикрыто», пусть и красивая, но акцент духовности и подчеркнутой индивидуальности. Дух времени – вне времени.
Она уничтожила долголетнее прокрустово ложе стиля, в которое поочередно укладывался каждый дизайнер.
Иной тип: женственность. И у каждого – своя.
Каков риск! Вот почему она интересна в бизнесе. Хотя риск остается.

В 2007 году Султанна Французова заявила о своем уходе из марки Sultanna Frantsuzova, принадлежащей компании «Ж», и о создании новой марки одежды под брендом SoFrench. Смелость во всем. Не от верности ли себе?

Она много времени проводит в Шанхае, где подолгу живет: работает. Мои наблюдения и записи, сделанные в 2005–2006 годах (см. предыдущий разворот), рисуют динамичный портрет модельера и своевольной личности в творческом и духовном развитии.
Султанны нынешней недоставало.
Все та же она? О чем-то думает иначе? Чему-то, как прежде, верна?
Я написала ей письмо и приложила мои выписки из ее высказываний.
Она ответила.

настоящее

2007...

Султанна, какие из ваших наблюдений прошлых лет претерпели изменения, требуют уточнения?

В основном, никакие, не считая тех, которые не совсем верно были интерпретированы журналистами.

Все, что связано с превращением имени в бренд – это риск?

Все, во что вкладываются большие деньги, физические и эмоциональные силы, большой риск. Будь то одежда или ресторан.

Какие возникли сложности с утратой именного бренда Sultanna Frantsuzova?

Я не могу продавать одежду под этим именем. И еще сложности, конечно, у девушек, которые привыкли покупать одежду в моих магазинах. Но это – поправимая проблема, потому что теперь они могут покупать одежду в SoFrench.

Какое настроение будет у одежды SoFrench?

Такое же, как у Sultanna Frantsuzova, то есть у меня, лирическое.

Вы по-прежнему ничего не прогнозируете?

Новая марка – продолжение истории

Спустя 5 лет (именно на такое время был заключен договор между дизайнером Султанной Французовой и компанией «Ж») Султанна расторгла договор и более не сотрудничает с «Ж». По условиям соглашения, именное название марки Sultanna Frantsuzova остается в собственности компании «Ж».

Разумно предположить, что в планы «Ж» должно бы входить дальнейшее производство одежды под маркой Sultanna Frantsuzova руками «безымянных» дизайнеров. Но пока, насколько известно, это не осуществлено.

При ощутимой «кровожадности» политики со стороны компании «Ж», PR-агенты Султанны остерегаются делать какие-либо заявления.

Сегодня Султанна сотрудничает с компанией Baden в качестве дизайнера одежды марки SoFrench («так по-французски»). Именно Baden открывала магазины Sultanna Frantsuzova в регионах и европейской части России (магазины на территории Москвы принадлежат «Ж»). 20 сентября этого года запускается ребрендинг региональных магазинов и открытие новых под маркой SoFrench в Москве.

Изменится ли общее настроение коллекции? На этот вопрос Султанна отвечает так:

«Новая марка – это продолжение прошлой истории. Мои любимые цвета и силуэты. Правда, я ушла от поднадоевших фонариков и бантов, а вот натуральные ткани займут приоритетную позицию».

Что касается моды, то я по-прежнему ничего не прогнозирую. А что касается всего остального... Скажем, я точно знаю, чем закончится голливудский фильм и вслух говорю об этом всем — в этом случае — я отличный «прогнозер»!

Насколько важны удачи?

Когда в моей жизни возникает неожиданная удача, у меня происходит эмоциональный подъем. Я надеваю красивое платье и туфли на каблуках. И всегда благодарю маму, которая родила именно меня, а не кого-то другого.

А неудачи?

Когда меня постигает неожиданная неудача, то я очень-очень ценю все свои предыдущие удачи!

О чем, на ваш взгляд, люди не задумываются, а стоило бы?

Как раз о своих удачах и неудачах! Люди должны уметь ценить все хорошее, что происходит в их жизни. Я очень радуюсь тому, когда мы с мужем просто завтракаем, просто пьем чай вместе или чистим зубы в ванной и смотрим при этом друг на друга. Надо любить простые мещанские радости, как совместный поход в супермаркет и то, что ты можешь позволить купить себе дорогое вино! Надо чаще звонить маме и спрашивать, как у нее дела, не надо стесняться говорить приятное своим друзьям, коллегам, своей жене. Не надо стараться быть хуже, чем ты есть на самом деле!

УСТРОЙСТВО ПРИШЕЛЬЦЕВ

ДИАЛОГ

Куда ушли, запропали Пришельцы? Нет, они не ушли. Возможно, осваивают собственную территорию? А мы просим вспомнить темы, что затрагивались в разделе, и написать нам короткое письмо. Расскажите о себе и вашей семье. Какое отношение вы имеете к детям? Нам действительно ценно ваше мнение.

Бегущие в БУДУЩЕЕ

Бегущие в БУДУЩЕЕ

Мы все успеем, мы все пересилим, мы отправимся в путь налегке и много увидим. Мы вернемся домой со спящим ребенком на руках, а утром он проснется счастливый от сияния снега за окном... Молитва о счастье — всегда одна.

Похитители СНА

Принцип — не важно, правильный или нет — «рано укладывать, рано вставать» родители для своего удобства переделали: чем больше сна, тем здоровей. К мерзкой скуке для своего удобства добавляют раздражающую скуку вечернего ожидания сна.

Излучающие СВЕТ

Ребенок — такая же духовно развитая личность, как и мы, а может, и более развитая, ведь он не обременен мерой и с легким сердцем совершает данный ему выбор. Выбор, кто будет его родителями. Он воплотился, чтобы быть с нами. И как часто, бросив в сердцах: «Вот будут у тебя свои дети, надеюсь, они будут такие же, как ты!», упускаем, что именно поэтому наши дети стали именно нашими.

Ясное ВИДЕНИЕ

Когда я была маленькой девочкой, я знала все-все, и вряд ли задавала вопросы, почему море — синее, а звезды падают. Это уже потом родители дали мне книжку «Хочу все знать», и стала все знать, как они, по-другому. Теперь я — большая. Но я помню, когда я была маленькой девочкой, я знала все-все, и мне было неприятно, что все думают, будто я — маленькая.

Страхи БЕССТРАШНЫХ

...Наверное, когда у мамы не оставалось никаких доводов, чтобы я была послушной, она доставала с антресоли чемодан и начинала складывать туда мои вещи. Говорила, чтобы я тоже собиралась, потому что сейчас отведет меня в интернат и там оставит! Я это все воспринимала всерьез, для меня это было страшное наказание. Я говорила: «Все! Я буду себя хорошо вести, буду слушаться!» И рыдала.
Страх — обязательная составляющая самосохранения. Дети часто боятся сделать что-нибудь не так. Сами не знают, что именно, но боятся. Потому что их страшит наказание.

Не спекулируйте на ИНДИГО!

Только и разговоров, что о Детях Индиго. Мода? Цивилизационный слом? Революция?
Можно с кем угодно изменить собственному ребенку: с родительским комитетом, храмом, семинаром, работой или ее отсутствием. И (в особенности) с изучением ребенка с чужих слов. Ведь все — для него, во благо него, ради него.

РЕБЕНОК в опасности

Беспрекословное подчинение взрослому. Умение «хранить секреты». Страх быть осмеянным. Страх осуждения. Страх быть виноватым и подвергнуться «справедливому» наказанию... Качества, которые могут сделать ребенка беззащитным в реально опасной для него ситуации. Почему? Потому что мы невнимательны к детям. Потому что мы не умеем уважать в них личность.

Ждем писем по адресу: **127994, Москва, Бумажный пр-д, 19, стр. 2**,
e-mail: jurnal@smena-id.ru

Три вопроса

Эвклиду Кюрдзидису

1. Что почитать

С удовольствием прочел «Казус К укоцкого» Людмилы У лицкой, книга – глыба, в ней такая философия взаимоотношений людей! До этого читал Улицкую, но именно эта книга меня потрясла. Дочитывая, ее все время ловил себя на мысли – хоть бы книга не заканчивалась, настолько хотелось еще и еще наслаждаться ею…Т ак дальше бы и читал… А фильм «Казус Кукоцкого» не видел и смотреть не бу ду, боюсь разочароваться, уж очень сама книга понравилась.

2. Что посмотреть

Советую посмотреть спектакли Сергея Женовача в центре Мейерхольда в Москве. Смело идите на Женовача, не разочаруетесь! Играют молодые актеры, но это – русская актерская школа, все очень профессионально и без пафоса. Посмотрел у Женовача «Заху далый род». Вошел, можно сказать, одним, а после спектакля вышел совсем другим человеком. Во время постановки пережил тысячу эмоций: и радовался, и горевал, и даже вспомнил какие-то свои истории. Спектакль идет четыре часа, но они пролетают незаметно.
Из зарубежных фильмов посмотрите «Париж. Любовь моя», замечательная работа, а из российского кино смотрел «К укушку», и она мне очень понравилась.

3. О чем подумать

Есть мгновение, и оно есть только сейчас. Прожить его надо с у довольствием, скажем, упустил запах зелени весной, пение птиц, и весна прошла мимо тебя… Пропустил смех ребенка, не услышал его, и что-то ты потерял…Нужно жить Здесь и Сейчас. Часто встречаю людей, живущих только планами, не проживающих настоящего. А есть и такие, которые постоянно вспоминают прошлое: «Вот ты помнишь?» Я понимаю, что этот человек живет лишь воспоминаниями. А г лавное в жизни – не прозевать отрезок настоящего, надо жить «на этом берегу», а не планами и уж никак не прошлым. Живите настоящим!

Записала Елена Воробьева.

Джеффри Дивер

Навсегда

«Вроде бы пожилые люди, а ведут себя, как дети».

Подстригая зеленую изгородь, садовник время от времени поглядывал на Сай и Дональда Бенсонов, которые сидели на качающемся шезлонге и пили шампанское. Пили и пили. Шампанского у них было много, это точно. К тому же они громко и заразительно смеялись.

«Как дети», — пренебрежительно хмыкнул он.

Но с толикой зависти. Нет, он не завидовал их богатству, он очень даже неплохо зарабатывал на здешних участках, владельцы которых богатством не уступали Бенсонам.

Нет, завидовал он другому: даже в таком возрасте они любили друг друга и были счастливы.

Садовник попытался вспомнить, когда в последний раз так же весело смеялся с женой. Десять лет назад, никак не меньше. А когда держался с ней за руки, как Бенсоны? Разве что только в первый год их совместной жизни.

Садовник закурил сигарету, продолжая наблюдать за сидящей на заднем крыльце парочкой. Они разлили остатки шампанского по бокалам и выпили. Потом Дональд наклонился к женщине, прошептал что-то ей на ушко, и она звонко рассмеялась, ответила мужу и поцеловала его в щеку.

Круто. А ведь глубокие старики. Обоим далеко за шестьдесят. Господи...

Супруги поставили на поднос грязные тарелки, пошли в кухню, все так же смеясь и переговариваясь, и закрыли за собой дверь.

Садовник отшвырнул окурок в траву и повернулся к зеленой изгороди.

Где-то неподалеку весело зачирикала какая-то птичка. Он совсем не разбирался в птичках, поэтому не мог сказать, кто именно порадовал его своим пением.

Но вот звук, долетевший до его ушей несколько секунд спустя, садовник узнал без ошибки, и звук этот заставил его застыть между алой и пурпурной азалиями. Выстрел, донесшийся из дома Бенсонов, прозвучал громко и отчетливо. А мгновением позже раздался второй.

Какое-то мгновение садовник неотрывно смотрел на громадный тюдоровский особняк, а потом уронил электрические ножницы и бросился к своему грузовику, в кабине которого оставил мобильник.

Округ Уэстбрук, штат Нью-Йорк, по существу, элегантный пригород города Нью-Йорка, то есть там много парков, штаб-квартир больших корпораций и минимум промышленности.

В прошлом году в этом довольно-таки спокойном округе органами охраны правопорядка зафиксированы 31 убийство, 107 изнасилований, 1423 ограбления, 1575 агрессивных нападений, 16955 мелких краж, 4130 угонов автомобилей, то есть на 100 000 жителей пришлось 3223,3 преступлений или 3,22 процента так называемого «индекса преступности».

В этом году в округе Уэстбрук наметился явный рост преступности. Индекс уже приблизился к отметке 4,5 процента.

С этими фактами, и многими другими, касающимися повседневной жизни округа, мог ознакомиться любой желающий, и заслуга в этом принадлежала худощавому мо-

лодому человеку, черноглазому и черноволосому, сидевшему в своем маленьком кабинете на третьем этаже здания, которое занимало Управление шерифа округа Уэстбрук. На двери кабинета крепились две таблички с надписями:

«Детектив Толбот Симмс»

и

«Финансовые преступления.
Статистическая информация»

В то утро Тол Симмс сидел в своем безупречно чистом кабинете, изучая один из немногих предметов, портящих чистоту его стола: распечатку, свидетельствующую о махинациях с акциями, происходивших на расположенном неподалеку Манхэттене. Делом этим занимались Министерство юстиции и Комиссия по ценным бумагам, но какой-то аспект, относящийся к компетенции Управления шерифа, потребовал участия Тола.

Рассеянно поправив полосатый черно-бордовый галстук, Тол аккуратным почерком сделал пометку на распечатке, заметив несоответствие чисел. «Гм... — подумал он. — Вместо 0,588 должно быть 0,743. Мелочь, конечно, но очень важная. По этому поводу следует...»

Его рука дернулась от громогласного басовитого голоса за дверью: «Конечно же, это — самоубийство. И незачем тратить время».

Стирая появившуюся на полях распечатки лишнюю карандашную черточку, Тол увидел главу департамента расследования убийств, детектива Грега Ла Ту, который шел мимо столиков секретарей и коммуникационных кабинок, направляясь к своему кабинету, находившемуся аккурат напротив кабинета Тола. С громким стуком детектив бросил папку на свой стол.

— Что? — спросил кто-то. — Бенсоны?

— Да, они самые, — отозвался Ла Ту. — На Мидоуридж в Грили.

— Зарегистрировано как убийство.

— Черта с два! Садовник, работавший рядом, услышал пару выстрелов и позвонил. По вызову первым приехал какой-то слепой новичок из полицейского участка Грили.

— Слепой?

— Не иначе. Осмотрел место преступления и подумал, что их убили. Ну, почему местные ребята не могли застрять в пробке?

Как и всех в департаменте, Тола заинтересовало это двойное убийство. В Грили, практически закрытом для посторонних анклаве, никогда не совершалось двойных убийств.

Тол оторвался от распечатки и блокнота, вернул карандаш в стоящий на столе стаканчик, пересек открытое пространство отдела и переступил через порог кабинета Ла Ту.

— Значит, самоубийство? — спросил он.

Здоровяк-детектив кивнул в ответ.

— Это совершенно очевидно... Но мы послали экспертов, чтобы убедиться наверняка. Они нашли пороховой осадок на их руках. Сначала умерла она, потом — он.

— Как вы узнали?

— Он лежал на ней. Осталась записка, — продолжал Ла Ту. — И садовник говорит, что они пили шампанское, обнимались, целовались.

— Целовались?

— Старики. Со странностями, по его мнению. Вели себя, как подростки.

— Кстати, хочу тебя спросить, — перебил детектива Тол. — Ты заполнил вопросник?

— Вопросник? — переспросил Ла Ту. — А, твой вопросник. Понятно. Послушай, Тол, это всего лишь самоубийство.

— Тем не менее я бы хотел получить информацию.

— Для набора статистики, — ухмыльнулся Ла Ту.

— Да, — устало ответил Тол. — Как тебе хорошо известно...

На столе Ла Ту зазвонил телефон, и детектив схватил трубку.

— Что?.. Я не знаю, через пару дней, думаю, выясним, где его искать... Нет, поеду туда с подразделением спецназа. Хочу взять его лично... Когда?.. Ладно, дам тебе знать. — Он бросил трубку на рычаг и посмотрел на Тола. — И потом, я думал, тебе это не нужно, по самоубийствам ты статистику не собираешь. Я про твой вопросник. Его же нужно заполнять при убийствах.

— И все равно он будет полезен.

Ла Ту похлопал по многочисленным карманам своего кожаного пиджака.

— Черт, Тол, похоже, я его потерял. Вопросник. Извини. У тебя найдется еще один экземпляр? — Он схватил телефонный аппарат и набрал номер.

— Сейчас принесу. — Тол вернулся в свой кабинет, вытащил из папки вопросник и снова прошел к Ла Ту. Коп все еще говорил по телефону. Вскинув глаза, он кивнул Толу, и тот положил листок на стол.

Ла Ту безмолвно, одними губами поблагодарил его.

Тол, однако, не уходил из кабинета.

— Кто еще там был? — настойчиво спросил он.

— Что? — Ла Ту нахмурился, он не любил, когда его прерывают.

— Кто еще был на месте преступления?

— Где застрелились Бенсоны? Черт, я не знаю. Пожарные и спасатели. Этот мальчишка из полицейского участка Грили. Еще несколько парней. Не могу вспомнить. — И детектив снова сосредоточился на телефонном разговоре.

Тол вернулся к себе, не сомневаясь, что к настоящему моменту вопросник уже превращен в комок смятой бумаги и брошен в мусорную корзинку под столом Ла Ту.

Он позвонил в службу спасения и борьбы с пожарами, но не смог выяснить, кто же приезжал к Бенсонам. На какое-то время сдался и вновь занялся распечаткой котировок акций.

— Эй, босс! — В кабинет вошла Шелли, бойкая на язык секретарша Тола. — Наконец-то, получила досье Темплтона. Похоже, из Алабамы его везли на волах. Я еще раз позвонила в Комиссию по ценным бумагам, и они обещали, обещали, обещали, что пришлют нам... Эй, ты уходишь раньше? — Хмурясь, она посмотрела на часы, а Тол тем временем уже поднялся из-за стола, поправил узел галстука и надел тонкий темно-синий плащ.

— Есть одно дело.

На ее круглом лице, обрамленном светлыми локонами, отразилось любопытство, отчего Шелли сразу помолодела.

— Правда? Ты уверен? Вроде бы ты никуда не собирался.

— Только что появилось.

— Вернешься? — спросила Шелли.

Он ответил не сразу.

— Честно говоря, не уверен, — и направился к лифту.

Особняк с белыми колоннами на Мидоуридж стоил шесть, может, семь миллионов долларов. Тол поставил свою «хонду» позади черного седана, надеясь, что на нем приехал кто-нибудь из копов участка Грили, то есть человек, у которого он мог получить нужную ему информацию. По дорожке, выложенной каменными плитами, направился к крыльцу, поднялся по ступеням, обнаружил, что дверь не заперта. Вошел в дом, показал удостоверение мужчине в джинсах и свитере, ожидавшему адвоката Бенсонов, чтобы поговорить о продаже принадлежащей им собственности. Он ничего не знал ни о Бенсонах, ни об их смерти, разве что слышал о самоубийстве.

Мужчина вышел на крыльцо, оставив Тола одного.

Когда Тол миновал холл и оказался в просторных комнатах первого этажа, его вдруг охватило беспокойство. И ощущение это создавала не недавняя смерть хозяев, а сам дом, который, казалось, привыкал к тому, что осиротел. Тол оглядывал желто-розовую обивку мягкой мебели, яркие абстрактные полотна на стенах, расписанный золотом фарфор, бокалы и стаканы, коллекцию хрустальных зверюшек, керамику из Марокко, уставленные книгами полки, фотографии в рамках на стенах и каминной доске. Две пары стоптанных шлепанцев, судя по размеру, мужские и женские, стояли у кухонной двери. Шагая по комнатам, он чувствовал, что это — не просто дом, а что-то родное, уютное, близкое. И сам факт, что хозяева такого дома застрелились, не укладывался в сознание.

Тол заметил листок бумаги, придавленный хрустальной вазой, а когда прочитал, на лице его отразилось удивление:

«Нашим друзьям!

Мы принемаем это решение, ощущая сердцем глубокую удавлетворенность, радуюсь осознанию того, что мы навсегда останемся друг с другом».

Записку подписали Сай и Дон Бенсоны. Еще пару мгновений Тол смотрел на слова, потом направился к кабинету, огороженному желтой лентой, и остановился, как вкопанный.

Кровь.

На диване, на ковре, на стене.

Он буквально видел, где находились супруги в момент смерти: кровь ему все объяснила.

Тол вернулся в гостиную и решил, насколько возможно, заполнить свой вопросник. Усевшись на диван, взял с кофейного столика книгу, чтобы подложить под вопросник, и машинально прочитал название: «Последнее путешествие: полный справочник по самоубийству и эвтаназии».

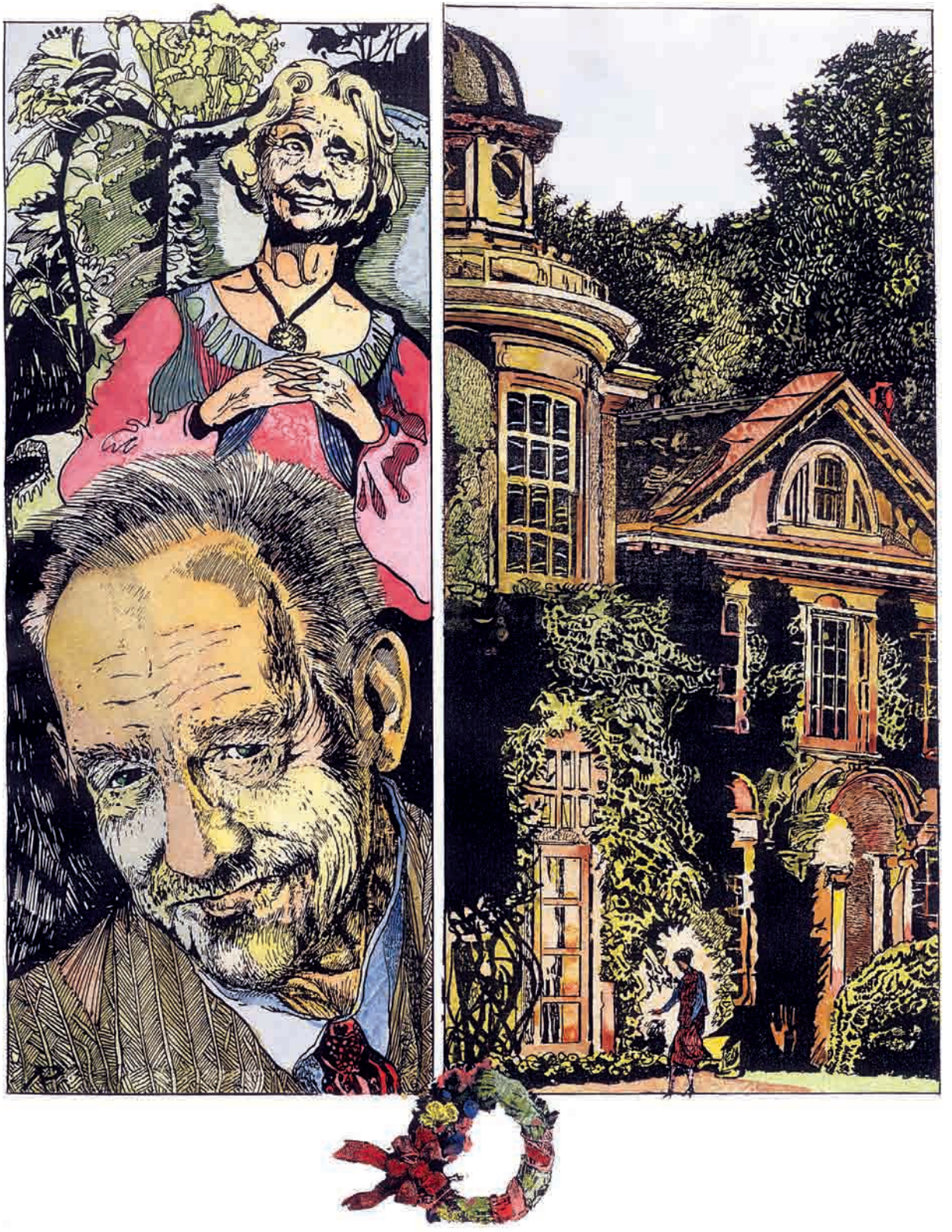
Он вернул книгу на место, решив соорудить стол на коленях из пары журналов. Начал заполнять вопросник, но прервался, потому что открылась входная дверь. Послышались приближающиеся шаги, мгновением позже в гостиную вошел дородный мужчина в дорогом костюме. Нахмурившись, он смотрел на Тола.

— Управление шерифа. — Тол протянул мужчине удостоверение, которое тот внимательно изучил.

— Я — их адвокат. Джордж Метцер. — Мужчина говорил медленно, случившееся определенно потрясло его. — Это — ужасно. Мне кто-то позвонил из вашего управления. То есть трубку взяла моя секретарша... Хотите взглянуть на мое удостоверение?

Тол сообразил, что коп первым делом попросил бы адвоката показать документы, удостоверяющие его личность, и произнес:

— Пожалуйста. — Взглянул в водительское удостоверение, кивнул, потом его взгляд вернулся к двери в кабинет. Кровавые пятна напоминали коричневый ламинат на дешевой мебели.



— Они оставили предсмертную записку? — спросил адвокат, убирая бумажник в карман.

Тол прошел в столовую и указал на записку.

Адвокат прочитал ее, вновь покачал головой. Заглянул в кабинет и моргнул, увидев кровь.

Тол показал Метцеру вопросник.

— Могу я задать вам несколько вопросов? Для нашей статистической службы? Вопросы — анонимные. Никаких фамилий.

— Конечно.

Тол начал спрашивать адвоката о супругах. Удивился, узнав, что им еще не было семидесяти.

— Дети?

— Нет, вообще никаких близких родственников. Несколько кузенов, которых они никогда не видели. Я хочу сказать, не встречались с ними много лет. Зато друзей — хоть отбавляй. Они все будут в шоке.

— Вы можете предположить, чем вызвано принятое ими решение? — спросил Тол.

— Я точно знаю, — ответил Метцер. — Болезнь Дона.

Тол посмотрел на записку, обратил внимание, что рука у того, кто ее писал, дрожала, а некоторые из слов написаны с ошибками. Ла Ту говорил о том, что они выпивали, но Тол помнил о плетеной корзинке с лекарствами, которую заметил на кухне.

— Частичный паралич? Неврологическое заболевание?

— Нет, — покачал головой адвокат, — проблемы с сердцем. Очень серьезные.

— А жена не болела?

— Нет, Сай на здоровье не жаловалась. Но они так любили друг друга. До самозабвения. Вот она, должно быть, и решила, что не хочет жить без него.

— У него была смертельная болезнь?

— Если исходить из того, что он мне рассказывал, нет, — ответил адвокат. — Но, возможно, до конца жизни он оставался бы прикованным к постели. Я сомневаюсь, чтобы Дон смог так жить. Он был таким активным.

Тол подписал вопросник и убрал его в карман.

Дородный мужчина тяжело вздохнул.

— Мне следовало догадаться об их намерениях. Они приходили ко мне пару недель назад, внесли кое-какие изменения в завещание, оставили инструкции касательно мемориальной службы. Я думал, все потому, что Дону предстояла операция. Сами знаете, под ножом хирурга всякое может случиться... Но надо было читать между строк. Готов спорить, к тому моменту они уже все спланировали. Знаете, какой они задумали мемориальную службу? Верующими они не были, поэтому хотели, чтобы их кремировали, с тем, чтобы потом в клубе на большую вечеринку собрались друзья и, как следует выпив, закусив и повеселившись, отправились бы на поле для гольфа и рассеяли их прах на зеленой травке вокруг восемнадцатой лунки. — Адвокат вновь помрачнел. — Я и представить себе не мог, что они такое задумали. Понимаете, они выглядели такими счастливыми. Пьяными от жизни, что ли... Извините, мне нужно поговорить с тем парнем, что ждет за дверью. Вот моя визитка. Позвоните, если возникнут вопросы, детектив.

Тол вновь прошелся по дому. Ни в одной из комнат не обнаружилось ничего необычного.

За исключением мятущихся душ, оставшихся после двух людей, которые были живы еще утром этого дня, но теперь, увы, покинули этот мир.

Тол Симмс, математик, ученый-практик, статистик, не мог согласиться с их присутствием. Но и безо всяких душ его не отпускала тревога. Тусклые пятна крови лишали этот дом привычного уюта, справляясь с этим не хуже любого призрака.

В половине седьмого вечера Тол с заполненным вопросником вернулся в свой кабинет. Ввел собранную информацию в базу данных, сам вопросник положил в папку с документами, подготовленными на подшивку, затем вышел в интернет и прочитал короткий официальный рапорт по самоубийству Бенсонов.

— Эй, босс! — В кабинет неожиданно вошла Шелли. — Я думала, ты ушел.

— Захотел кое-что доделать.

— Я получила то, что тебе требовалось.

Он посмотрел на папку: «Приложение к отчету по делу 04-5432 Комиссии по ценным бумагам» и рассеянно ответил:

— Благодарю.

— Пустяки. Тебе что-нибудь еще нужно?

— Нет, иди домой... Доброй ночи. — Вдруг он остановил ее. — Подожди, Шелл. Ты когда-нибудь имела дело с группой осмотра места преступления?

— Нет. Билл любит смотреть полицейские сериалы, эти ребята там — на первом плане.

— Знаешь, что нужно сделать, чтобы они обследовали дом?

— Дом?

— Где произошло самоубийство. Дом Бенсонов в Грили.

— Са...

— Самоубийство. Я хочу, чтобы группа осмотра места преступления провела полное обследование дома. Пока они установили только наличие порохового осадка, а дом не трогали. Но я не знаю, как это делается.

— Что-то не так?

— Я тут кое-что посмотрел, — объяснил Тол. — Концы с концами не сходятся. Мне кажется, там что-то не так.

— Я позвоню. Ингрид вроде бы еще не ушла.

Шелли вернулась за свой стол, а Тол откинулся на спинку стула.

Красные солнечные лучи, падающие на белую стену, напомнили ему о крови на стенах, диване, ковре в доме Бенсонов. Перед мысленным взором возникла записка, буквы, написанные трясущейся рукой: «...навсегда останемся...»

В дверях появилась Шелли.

— Извини, босс. Они говорят, для двадцать один двадцать четыре слишком поздно.

— Для?

— Так они сказали. Нужно прислать форму двадцать один двадцать четыре для того, чтобы группа осмотра приступила к работе. Но ты этого сделать не можешь.

— Почему?

— Там уже все затоптали. Тебе нужно было вызвать их сразу, а теперь требуется личное распоряжение шерифа.

В Гамильтоне, штат Нью-Йорк, проживали образованные, воспитанные, сдержанные люди, активно работающие в сфере политики и искусства. И бизнеса тоже. Гамильтон они выбрали для проживания потому, что из всех практически закрытых для посторонних поселков Уэстбрука, этот располагался ближе всех к Манхэттену.

Тупик Монтгомери-уэй стал домом для двух банкиров, одного адвоката и одной пожилой семейной пары. Эта пара прожила здесь более двадцати пяти лет. Огромный тюдоровский особняк, площадью в тысячу квадратных футов, высился на ухоженном пятиакровом участке.

Рабочие будни для четы Уитли остались в прошлом, и теперь они наслаждались комфортабельной жизнью обеспеченных до конца своих дней пенсионеров.

Вот и в этот вечер Элизабет положила трубку на рычаг, закончив разговор с дочерью Сандрой, и перенесла оставшиеся после обеда тарелки в раковину. Налила стакан водки с тоником. Вышла во внутренний дворик, посмотрела на сгущающиеся сумерки и пригубила стакан.

А затем задалась вопросом — куда же поехал Сэм? После обеда он сказал, что ему нужно забрать какую-то вещь. Обычно она ездила с ним: боялась, что внезапно откажет сердце, или под действием лекарств он может потерять сознание за рулем и слететь с дороги. Но он настоял на том, чтобы она осталась дома, так как собирался отъехать всего на несколько миль.

Логика подсказывала Элизабет, что повод для волнений у нее имеется. Но она чувствовала себя такой счастливой, такой умиротворенной. Да и чем она могла тревожиться?

В это воскресенье, около семи вечера, Тол сидел в своей маленькой библиотеке, забитой книгами. За этот уикенд он переделал много мелких дел, прибрался в доме, помыл автомобиль, позвонил отцу в Чикаго, пообедал с семейной парой, которая жила по соседству, а сейчас размышлял над одним математическим доказательством.

Он склонился над аккуратными строчками расчетов, гадая, вероятные совершенные числа — миф, или они все-таки реальны и только ждут, когда же их откроют, прячутся где-то в численном ряду, уходящем в бесконечность.

Мысль эта чем-то взволновала его, и Тол откинулся на спинку стула. Потребовались какие-то мгновения, чтобы он понял, в чем дело. Мысли о бесконечности напомнили о предсмертной записке, которую оставили Сай и Дон Бенсоны.

«Останемся навсегда...»

Перед его мысленным взором возникла комната, где они умерли, кровь, справочник, купленный ими, от одного вида которого по коже пробегал холодок. «Последнее путешествие...»

Тол поднялся и прошелся по кабинету. Что-то не так. Впервые за несколько лет он решил вернуться в офис воскресным вечером. Хотелось посмотреть, какая еще информация есть по таким вот самоубийствам.

Полчаса спустя он уже проходил мимо удивленного охранника, который поначалу его и не признал.

— Офицер...

— Детектив Симмс.

— Точно. Извините, сэр.

Десять минут спустя Тол сидел в кабинете, за компьютером, выводил на экран информацию о самоубийствах в округе Уэстбрук. Поначалу раздражался из-за того, что пришлось прервать математические занятия, но скоро с головой ушел в мир других чисел, показывающих, сколько жителей округа Уэстбрук решили свести счеты с жизнью.

Сэм Уитли появился из кухни с бутылкой старого «Арманьяка» и присоединился к Элизабет в гостиной.

Элизабет наклонилась вперед, зажгла ароматизированную ванилью свечу, которая стояла на столе перед ней. Заметила бутылку в руках мужа и рассмеялась.

— Что такое? — спросил Сэм.

— Я читала рекомендации, оставленные тебе врачом.

Он кивнул.

— Там сказано, что вино в умеренных количествах тебе не повредит.

— Я это тоже читал.

— Тебе следует выпивать по стакану или два каждый день. Но коньяка в списке не было.

Рассмеялся и Сэм.

— Я чувствую, что жить нужно, как хочется. — Он ловко открыл бутылку.

— Это у тебя всегда хорошо получалось, — заметила Элизабет.

— У меня никогда не было особых талантов... только нужные навыки. — Сэм протянул ей стаканчик с жидкостью цвета меда, наполнил свой.

— Так что ты привез? — Элизабет показала на выпирающий наружный карман пиджака спортивного покроя, который Сэм всегда надевал по воскресеньям в холодную погоду.

— Сюрприз.

— Правда? Какой же?

— Закрой глаза. Готова?

— Да, я готова.

— Хорошо. Оп-ля!

Раздалось звяканье металла, и Элизабет почувствовала что-то в своей руке. Открыв глаза, она рассмеялась, увидев, что это — кольцо с двумя ключами, каждый с логотипом «MG».

— Господи, неужели это... Ты... ты его нашел? Где?

— Ты не поверишь, но у дилера, торгующего импортными автомобилями. Его салон находится в двух милях от нашего дома. Модель пятьдесят четвертого года. Он позвонил месяц назад, но ему потребовалось время, чтобы довести автомобиль до кондиции.

— Так вот что означали эти загадочные телефонные разговоры. Я уже начала подозревать, что ты завел любовницу, — пошутила Элизабет.

— Цвет, правда, не такой. Темно-красный, как бургундское.

— Как будто это имеет значение, сладенький.

Первым автомобилем, который они купили, поженившись, был красный «MG». Они проездили на нем десять лет, пока автомобиль не развалился. И если подруги Лиз покупали «лексусы» и «мерседесы», она отказывалась следовать их примеру, оставаясь верной «кадиллаку» и мечтая о старом «MG», таком же, как их первый автомобиль.

Элизабет положила руки ему на плечи и потянулась, чтобы поцеловать мужа.

Фары приближающегося автомобиля осветили их через окно.

— Попались, — прошептала она. — Совсем как на нашем первом свидании, когда отец вернулся домой. Помнишь? — И весело рассмеялась.

Тол Симмс внимательно изучал подробности самоубийства, делая пометки в блокноте, когда ожил динамик, связанный с линией 911.

— Всем патрульным экипажам в окрестностях Гамильтона. Сообщение о возможном самоубийстве.

Тол окаменел. Потом отодвинул стул, поднялся из-за стола, глядя на динамик. Голос не умолкал.

— Сосед докладывает, что в закрытом гараже дома 205 по Монтгомери-уэй работает двигатель автомобиля. Патрульные экипажи, находящиеся в этом районе, проверьте, что там такое.

Тол еще мгновение смотрел на динамик, а потом выбежал из кабинета.

Его серый седан не вписался в последний поворот длинной подъездной дороги к дому Уитли, скатился с асфальта и снес клумбу с цветущими азалиями.

По инерции автомобиль вынесло к парадной двери. Тол поморщился, подумав о нанесенном уроне, и выскочил из машины. Двое полицейских и два фельдшера подскочили к нему, а потом все вместе побежали к воротам гаража. Пахло выхлопными газами, он слышал, что внутри работает двигатель.

Пока коп барабанил в ворота, Тол заметил записку, липкой лентой прикрепленную к стене.

«ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: Гараж заполнен опасными для жизьни выхлопными газами. Мы оставили пульт дистансионного управления на земле перед цветочным горшком. Пожалуйста, откройте ворота и проветрите гараж, прежде чем заходить».

— Нет! — Тол выронил записку и поспешил к воротам, запертым изнутри. В темноте они не смогли быстро найти пульт, так что, пожарный с топором подбежал к боковой двери и вышиб ее одним ударом.

Но они опоздали.

Не успели спасти ни его, ни ее.

Вновь двойное самоубийство. Муж и жена.

Сэмюэль и Элизабет Уитли находились в гараже, сидели в старинном спортивном автомобиле марки «MG». Пока один полицейский выключал двигатель, а пожарные пытались проветрить гараж, фельдшеры вытащили мужа и жену из автомобиля и положили на асфальт подъездной дороги. Их попытки оживить стариков оказались тщетными. Супруги провели основательную подготовку. Закупорили и заклеили изоляционной лентой все щели, опустили жалюзи, так что, снаружи никто не мог увидеть, что творится в гараже, и попытаться помешать им свести счеты с жизнью. И только шум работающего двигателя насторожил соседа, прогуливающего собаку, вот он и поднял тревогу.

Тол, окаменев, смотрел на покойников. На этот раз обошлось без крови, но смерть супругов произвела на него столь же ужасное впечатление. Он смотрел на тела и думал о записке, легкости тона, стремлении не причинить вред другим людям, усилиях по герметизации гаража. Не укрылись от него и орфографические ошибки, как и в предсмертной записке Бенсонов: «жизьни», «дистансионного».

Опрос соседей ничего не дал. Никто ничего не видел.

Полицейские осмотрели дом, чтобы убедиться, что внутри никого нет. Тол тоже зашел и остановился, почувствовав сильный запах. Потом понял, что пахнет не выхлопными газами, а дымом из камина. Его взгляд упал на два стаканчика для бренди, пыльную бутылку на столике перед диваном. Они пили, сидя перед камином, а потом умерли.

— Есть кто-нибудь в доме? — спросил он копов, когда те вернулись к парадной двери.

— Нет, пусто. Никогда не видел такого чистого дома. Нигде — ни пылинки. Непонятно, зачем прибираться перед тем, как покончить с собой.

На кухне они нашли еще одну записку, написанную тем же почерком.

«Нашим друзьям и родственникам.

Мы делаем это с радостью в наших сердцах и с любовью ко всем членам нашей семьи и к тем, кого мы знаем. Не печальтесь, мы никогда не чувствовали себя более счастливыми».

Заканчивалась записка именем, адресом и телефонным номером их адвоката. Тол достал из кармана мобильник и позвонил по указанному номеру.

— Алле?

— Мистера Уэллса, пожалуйста. Говорит детектив Симмс из окружного полицейского управления.

Пауза.

— Да, сэр?

Теперь помолчал Тол.

— Мистер Уэллс?

— Совершенно верно.

— Вы — адвокат Уитли?

— Да. А в чем дело?

Тол набрал полную грудь воздуха.

— К сожалению, должен сообщить вам, что они... ушли из жизни. Самоубийство. Мы нашли ваше имя в их предсмертной записке.

— Господи, нет... Что случилось?

— Вы хотели спросить, как и где? В гараже. В их автомобиле.

— Когда?

— Этим вечером или чуть раньше.

— Нет!.. Они вместе? Не может быть!

— К сожалению, это так.

Последовала долгая пауза. Наконец, адвокат, несомненно, потрясенный, прошептал: «Мне следовало догадаться».

— Почему? Они об этом говорили?

— Нет, нет. Но Сэм болел.

— Болел?

— Сердце. Грозило вот-вот отказать.

Как у Дона Бенсона. Еще одна сходная черта.

— А его жена? Она тоже болела?

— Элизабет? Нет. Она на здоровье не жаловалась... Дочь знает?

— У них есть дочь?

— Она живет в этом же районе. Я ей позвоню. За это мне и платят... Благодарю вас, детектив... Повторите, пожалуйста, вашу фамилию.

— Симмс.

— Благодарю вас, — повторил адвокат.

Тол убрал мобильник и медленно двинулся из комнаты в комнату. Дом, как у Бенсонов — богатство в сочетании со вкусом. Только чувствовалось, что у Уитли денег было побольше.

Он долго смотрел на фотографии на стене. Многие запечатлели симпатичную маленькую девочку, которая постепенно превращалась в красивую молодую женщину.

Тол порадовался, что звонок дочери адвокат взял на себя. Прошел на кухню. Никаких календарей. Никаких намеков на то, что они намеревались покончить с собой.

Вновь посмотрел на записку.

«...с радостью... более счастливыми».

Рядом лежала другая бумажка. Он взглянул на нее и нахмурился. Любопытно. Чек на покупку отреставрированного автомобиля «MG». Задаток Уитли внес заранее, но только сегодня оплатил полную стоимость.

Тол вернулся к гаражу, но не смог сразу заставить себя войти. Однако собрал волю в кулак и вошел, стараясь не видеть тела, накрытые брезентом. Посмотрел на номерной знак. Тот самый, что и на чеке. Уитли купил дорогой, отреставрированный автомобиль, приехал на нем домой и тут же покончил с собой.

Почему?

Тол вернулся в дом и вдруг замер посередине гостиной, потому что заметил кое-что знакомое. Подойдя к столу, взял в руки книгу. «Последнее путешествие...»

Та же, что и у Бенсонов.

Слишком много общего. Справочник для самоубийц, опасная, но не обязательно смертельная болезнь сердца у мужа, одновременная смерть супруги.

— Что вы собираетесь делать с телами? — спросил Тол у одного из двух мужчин, которые приехали из похоронного бюро.

— Мы получили указание кремировать их как можно быстрее.

— Можете задержать кремацию?

— Задержать? — удивленно переспросил мужчина. — Ради чего?

— Надо провести вскрытие.

— Вы из Управления, поэтому вы — босс. Но этого недостаточно. Если нужно вскрытие, вы должны дать команду на двадцать один двадцать четыре, — объяснил стоявший в комнате детектив.

Оставалось только понять, что же это значило.

— Хорошо. Даю команду на двадцать один-двадцать четыре, — бросил Тол.

— Двадцать один двадцать четыре, — многозначительно повторил детектив. — Вы уверены? — и в недоумении посмотрел на сотрудника похоронного бюро, который, похоже, знал об этом чертовом 2124 больше, чем Тол.

Статистик выглянул в окно и увидел, что второй мужчина, приехавший из похоронного бюро, выкатил из катафалка тележку и направляется к телам.

— Да, — твердо ответил он и постучал в стекло, чтобы привлечь внимание мужчины с тележкой и остановить его.

Наутро, в понедельник, Тол увидел, как руководитель группы осмотра места преступления вошел в детективный отдел и направился к кабинету Ла Ту. В руках он держал полдюжины папок.

У Тола возникло предчувствие, что все это как-то связано с происшедшим в доме Уитли, и он выскочил из кабинета, чтобы перехватить главного эксперта.

— Доброе утро. Вы по делу Уитли?

— Да. Это всего лишь предварительные результаты, но их просили принести побыстрее. Грег на месте? Ла Ту?

— Думаю, это для меня.

— Вы...

— Симмс.

— Ах, да, — мужчина взглянул на сопроводиловку. — Я не заметил. Думал, это для Ла Ту. Все-таки он руководит расследованием убийств.

Как выяснилось, команда 2124 отдавалась, когда возникали подозрения, что смерть насильственная. Словно кнопка пожарной тревоги, эта команда запускала механизм экспертизы. Группа осмотра выезжала на место преступления, собирала улики, проводила поиск отпечатков пальцев, фото- и видеосъемку места преступления, определялась с местом и временем проведения вскрытия и ставила в известность прокуратуру о проведении расследования убийства. За пять лет работы в Управлении шерифа Толу никогда так часто не звонили, как в этот понедельник.

— Вы говорите, это — предварительные результаты? — спросил Тол руководителя группы осмотра. — А чего еще вы ждете?

— Фотографии, экспертизу почерка, результатов вскрытия. Послушайте, меня раздирает любопытство. Что вы нашли там подозрительного? По мне, это — классическое самоубийство.

— Есть зацепки.

— Зацепки. Ага. Определились с подозреваемым?

— Пока нет.

— Понятно. Ладно, тогда удачи вам. Она не помешает.

Вернувшись в кабинет, Тол аккуратно сложил распечатки, с которыми работал, и убрал их. Открыл папки ГОМП. Разложил их содержимое по столу и принялся тщательно анализировать предварительные результаты, полученные группой осмотра места преступления. Начал с фотографий тел супругов Уитли — четких, цветных, вызывавших неприятные ощущения в желудке, и решил, что нет доказательств того, что Уитли заставили сесть в автомобиль, или они с кем-то боролись.

Тол отложил фотографии в сторону и взялся за документы. Признаков взлома не обнаружилось, хотя передняя дверь не была заперта, поэтому в дом могли просто войти. Но, раз следов насилия обнаружить не удалось, такое казалось маловероятным. Опять же, драгоценности, наличные деньги, ценные вещи были не тронуты.

Впрочем, одна из находок указывала, что не все так просто. На обоих записках, помимо отпечатков пальцев Сэма Уитли, Тола и полицейских, обнаружились пятна, оставленные руками в перчатках или пальцами, прикрытыми материей или бумагой. Перчаточные отпечатки эксперты нашли также и в кабинете, где супруги в последний раз в жизни выпили коньяк, и в комнате, где осталась записка, и в гараже. Однако не представлялось возможным определить, когда появились эти отпечатки, до или после смерти.

«Перчатки? — повторил про себя Тол. — Любопытно».

Эксперты обнаружили также свежие следы шин на подъездной дороге. Рисунком протектор отличался от протекторов «MG» и других машин, принадлежащих Уитли, а также автомобилей полиции, медиков, похоронного бюро. В заключении указывалось, что автомобиль подъезжал к дому менее, чем за три часа до смерти. Следы были слишком нечеткие, чтобы определить марку шин, но колесная база указывала, что автомобиль был маленький.

Принес результаты и поиск вещественных улик: на теле Элизабет Уитли и на диване в гостиной обнаружились белые хлопковые нити, которые не подходили к одежде покойных, ни к той, что была на них, ни к той, что висела в шкафах. Инвентаризация лекарств в аптечных шкафчиках и на кухне выявила отсутствие антидепрессантов, которые могли бы, хотя бы косвенно, указать на то, что в последнее время супругов посещали мысли о самоубийстве.

Тол поднялся, открыл дверь и позвал Шелли.

— Привет, босс. Утро выдалось бурным, не так ли?

— У меня к тебе просьба.

— Ты не заболел? У тебя такой усталый вид.

— Нет, нет, все отлично. Просто много работы по этому делу.

— Какому делу?

— Самоубийству.

— Ага. А какое...

— Мне нужно выяснить, покупал ли кто-нибудь книгу, которая называется «Последнее путешествие». Там еще есть подзаголовок... что-то насчет самоубийства и эвтаназии.

— Книга. Конечно.

— Название я точно не помню. Но начиналось оно то ли с «Путешествия», то ли с «Последнего путешествия».

— Хорошо. И мне нужно проверить...

— Покупал ли кто-нибудь эту книгу.

— Везде? Мне представляется, это...

— Для начала, только в округе Уэстбрук. За последние две недели. Во всех его книжных магазинах. И через интернет — в самом большом магазине, Буксос точка ком.

— Послушай, а когда я буду звонить, мне косить под полицию?

Он замялся с ответом.

— Черт, конечно. Если хочешь, представляйся детективом.

— Точно, — воскликнула она. — Детектив Шелли Бингэм.

— А если они ни одной такой книги не продали, оставь им мои координаты, чтобы они позвонили мне, как только продадут.

— Нам нужен ордер или что-то в этом роде? — спросила Шелли.

— Г-м-м. Не знаю. Давай попробуем обойтись без ордера и посмотрим, как они отреагируют.

Пять минут спустя Тол почувствовал упавшую на него тень и поднял голову. Едва ли не весь дверной проем занимала могучая фигура капитана Рональда Демпси, в неизменной полосатой рубашке, с неизменно закатанными рукавами. На круглом лице капитана играла улыбка. Но в голове Тола мелькнула мысль: «Я уволен».

— Доброе утро, капитан.

— Привет, Тол. — Демпси привалился к дверному косяку и оглядел заваленный бумагами стол. — Есть минутка?

— Конечно.

Тол понимал, что начальство обязательно узнает про 2124, и собирался в скором времени сам поговорить об этом с Демпси. Но хотел подождать, пока не появятся улики, подтверждающие, что с самоубийством не все чисто.

— Мне тут сказали насчет двадцать один двадцать четыре в доме Уитли.

— Да, конечно.

— А в чем дело?

Тол рассказал об одинаковых особенностях двух групповых самоубийств.

Демпси кивнул.

— Вполне возможно, это — совпадение. Но знаешь, Тол, у нас не так много ресурсов для широкого расследования. Скажем, в нашем распоряжении — только одна группа осмотра места преступления.

— Я этого не знал.

— Прошлой ночью была перестрелка в «Роллинг-Хиллс эстейтс». Двое тяжело ранены, один убит. И группа задержалась с выездом, потому что ты вызвал их в Гамильтон.

— Сожалею об этом, капитан.

— И это — дорогое удовольствие. Выезд ГОМП.

— Дорогое? Я об этом не подумал.

— Речь идет о тысячах долларов. Группа выставляет счет за каждый чих и посылает нам всякий раз, когда выезжает по нашему вызову. Потом — лабораторные исследования и вскрытия. Оплата работы медицинских экспертов. Ты знаешь, сколько стоит вскрытие?

— Они присылают счета нам? — Тол не верил своим ушам.

— Чем больше денег мы экономим для округа, тем лучше, знаешь ли, выглядим в глазах законодателей и администрации.

— Ясно. Я понимаю, это — дорогое удовольствие.

— Будь уверен. — Улыбка исчезла, капитан поправил рукава. — И еще, вот как я об этом узнал: мне позвонила их дочь. Сандра Уитли. Она уже занималась похоронами и тут услышала о вскрытии. Она просто вне себя от ярости. Угрожает подать на нас в суд... Мне придется отвечать на вопросы. Поэтому объясни, Тол, что именно заставило тебя вызвать группу осмотра?

Тол оглядел бумаги на столе, не зная, с чего начать.

— Ну, основания для этого есть. Они только что принесли...

— Подожди. — Капитан высунулся в коридор и крикнул: — Ла Ту! Эй, Ла Ту!

— Что? — послышался знакомый рокочущий бас.

— Зайти сюда. Я — у Симмса.

Красное лицо возникло в дверном проеме. Не обращая никакого внимания на Тола, Ла Ту выслушал рассказ капитана о самоубийстве Уитли.

— Еще одно, значит?

— Тол отдал команду двадцать один двадцать четыре.

Детектив, ведающий расследованиями убийств, кивнул.

— Понятно. Почему?

Вопрос адресовался Демпси, но тот повернулся к Толу.

— Я прочитал отчет о самоубийстве Бенсонов, а потом поднял статистику самоубийств по округу Уэстбрук. И если вы посмотрите на все показатели... — начал объяснять Тол.

— Показатели? — переспросил Ла Ту с таким видом, будто в рот попал песок.

— Да. Показатели смерти Бенсонов, то увидите, что они выпадают из стандартного диапазона. Их смерти — выброс.

— Выброс? Это еще что такое?

Тол сказал, что в статистике выброс — событие, существенно отличающееся от группы аналогичных событий в той же категории, и привел конкретный пример.

— Скажем, вы анализируете пять убийц. Три преступника убили по одной жертве, один — двух, а последний — серийный убийца, убивший двадцать человек. Чтобы придти к каким-нибудь значимым выводам, вам необходимо отнести серийного убийцу к выбросам и анализировать его отдельно. В противном случае, ваш анализ будет математически правильным, но уведет вас в сторону от истины. Если брать всех пятерых, то получится, что, в среднем, число жертв на каждого равняется пяти. Понимаете, о чем я?

Мрачное лицо Ла Ту говорило о том, что он ничего не понимает. Но вопрос он задал по делу:

— Ты хочешь сказать, что эти два самоубийства отличаются от большинства самоубийств в Уэстбруке?

— Существенно отличаются. Менее шести процентов жителей сводят счеты с жизнью, узнав, что у них — смертельная болезнь. Это число падает до двух и шести десятых процента, если у человека есть медицинская страховка, и до девяти десятых процента, если состояние человека превышает миллион долларов. Эти цифры еще больше уменьшаются, если жертвы состоят в браке и находятся в относительно молодом возрасте, от шестидесяти пяти до семидесяти пяти лет. А двойная смерть составляет только два процента от самоубийств в масштабах всей страны и девяносто один процент из тех, кто уходит из жизни в паре моложе двадцати одного года... Отсюда, какова, по-вашему, вероятность того, что двое мужчин с больным сердцем покончат жизнь самоубийством вместе со своими женами в течение двух дней?

— Скажу честно, не знаю, Тол, — ответил Ла Ту. — Что еще у тебя есть? В смысле, подозрительного.

— Уитли в тот же день купил и привез новый автомобиль. Редкую, антикварную модель «MG». Зачем это делать, если они собрались покончить с собой?

Ла Ту не замедлил с ответом.

— Им требовалось орудие убийства. Они не хотели воспользоваться пистолетом. Возможно, этот «MG» что-то для них значил. Привет из далекого прошлого, когда они были молодыми. Они хотели умереть в этом автомобиле.

— Да, — добавил Ла Ту, — не забудьте еще и про перчатки, волокна, шины и пятна на записках.

— Я думаю, кто-то был в доме в то время, когда они наложили на себя руки. Или вскоре после этого, — вставил Тол.

— Дай посмотреть, — попросил Ла Ту.

Тол передал ему заключения экспертов. Здоровяк-детектив все внимательно прочитал и покачал головой.

— Ничего не вижу. Нет доказательств взлома или борьбы... Записка? Выглядит, как настоящая. Разумеется, надо дождаться почерковедческой экспертизы. — Он сдвинул предсмертную записку и корешок чековой книжки Уитли. Почерки не отличались. — Пятна от перчаток на бумаге? Мы это видим на каждом листке, который находим на месте преступления. Да половина пятен выглядит, как размазанные отпечатки пальцев. Пятна могли появиться еще на фабрике, где эту бумагу изготавливали. Или горничная при уборке могла перекладывать эти листки с полки на полку. Волокна? — Ла Ту наклонился и снял крохотную белую ворсинку с пиджака Тола. — Такие же нашла и группа осмотра. Хлопковый ворс. Постоянно вижу на одежде. Волокна в доме Уитли могли взяться откуда угодно. Даже с твоего костюма. Перчатки и следы протектора? Обычные кухонные перчатки «Плейтекс». Эти пятна мне знакомы. Преступники такими не пользуются, потому что на них можно выйти по рисунку ткани... — Он указал на чековую книжку. — Посмотри на чек, который вчера выписала жена. «Эсмеральде Констанцо. За услуги по уборке». Горничная побывала в доме, прибралась, работала в перчатках, может, даже поправила или переложила стопку писчей бумаги, лист которой они использовали для предсмертной записки, и оставила пятна. Следы протектора? Судя по колесной базе, импортная малолитражка. На таких обычно и ездят приходящие горничные. Это — следы автомобиля Констанцо. Готов поспорить на любые деньги.

И хотя Толу не нравился вывод, к которому его подводили, анализ Ла Ту произвел впечатление. Детективу хватило буквально трех минут, чтобы прийти ко всем этим умозаключениям, абсолютно логичным умозаключениям.

— Должен заняться другим расследованием, — пробурчал Ла Ту, бросил бумаги на стол Тола и вышел из кабинета.

Тишину, повисшую после его ухода, нарушил Демпси.

— Слушай, я знаю, что тебе не удается заняться оперативной работой. Должно быть, это раздражает, сидеть с утра до вечера в кабинете, не занимаясь... ты понимаешь... У нас у всех иногда возникает такое чувство. Честное слово. Но далеко не всегда убийцу находят оперативники. Такое бывает только в кино. У тебя лучше всего получается то, чем ты занимаешься, Тол. Ты — прирожденный статистик. И это — тяжелая работа. Важная работа. Давай смотреть правде в лицо... Такие парни, как Грег, не узнают цифру, даже если она прыгнет на них и даст пинка под зад. У тебя — особый талант.

Тол выдавил из себя слабую улыбку, призванную скрыть охватившую его злость. Эту речь капитан почерпнул из руководства по подготовке менеджеров. Только подставил слово «статистик» вместо «секретаря» или «регистратора».

— Ладно, полагаю, тебе пора браться за твои числа. Скоро полугодовое совещание по подведению итогов, и никто не может свести их в единый отчет лучше тебя.

В понедельник вечером поездка к дому Уитли заняла у Тола гораздо больше времени, чем в воскресенье, прежде всего потому, что на этот раз он вел автомобиль, как всегда: выдерживая скоростной режим, держась середины полосы и, само собой, пристегнувшись ремнем безопасности.

Тяжело вздохнув при виде полностью раздавленного куста азалии, Тол припарковался перед домом и поднырнул под желтую, ограждающую место преступления ленту. Вошел в дом и уже там надел тонкие резиновые перчатки, которые купил по дороге в аптечном магазине.

Записные книжки, ежедневники, квитанции, письма, стопки писчей бумаги, визитные карточки адвокатов, ремонтников, ресторанов, финансовых консультантов, бухгалтеров. По спине Тола пробежал холодок, когда он прочитал название одной из организаций: «Фонд альтернативного лечения «Лотос», — свидетельство отчаяния здравомыслящих людей, испуганных перспективой надвигающейся смерти.

Скрипнула половица, что-то звякнуло, и Тол вздрогнул. Он припарковался перед домом, поэтому вновь прибывший знал о том, что он здесь. Тол огляделся в поисках чего-нибудь увесистого, чем мог бы защитить себя.

Шаги приближались, ковер глушил их, но незваного гостя выдавало поскрипывание старых половиц.

«Можно спрятаться под кроватью, — решил Тол, — но это — не лучший выход. Побег, оно надежнее».

Через окно. Тол распахнул обе половинки. Внизу травы не было. Только каменные плиты да легкая мебель.

Он услышал, как передернули затвор пистолета. Незваный гость приближался к спальне.

Ладно, пора прыгать. Хорошо бы попасть на диван. Растянутая лодыжка лучше пули в голову.

Он положил руку на подоконник и уже приготовился забраться на него, когда сзади раздался женский голос:

— Вы, черт побери, кто?

Тол быстро обернулся и увидел стройную светловолосую женщину лет тридцати пяти или сорока, которая, сощурившись, смотрела на него. Она только что закурила и убирала в сумочку золотую зажигалку. Щелчок крышки он и принял за передергивание затвора. В лице было что-то знакомое (и тревожащее), и через секунду он уже понял, что видел это лицо на многочисленных фотографиях.

— Вы — их дочь.

— Кто вы? — повторила женщина.

— Вы не имеете права заходить сюда. Это — место преступления.

— А, вы — коп. Покажите удостоверение. — Она перевела взгляд на его руки в перчатках из тонкой резины, несомненно, задавшись вопросом, а что он собирался тут делать.

Тол показал ей жетон и удостоверение детектива.

— Так это сделали вы!

— Что?

— Приказали отвезти их в морг? Разрубить на куски?

— Их смерть вызвала у меня подозрения. Я следовал процедуре.

— Значит, это были вы. Детектив Тол Симмс. Я прослежу, чтобы вас персонально упомянули в судебном иске.

— Вы не имеете права заходить сюда. Это — место преступления, на котором еще не закончены следственные мероприятия. И еще, позвольте взглянуть на ваше удостоверение личности. Я с радостью вызову копов, чтобы они отвезли вас в Управление.

Начался поединок взглядов. Первой сдалась женщина и неохотно достала из сумочки водительское удостоверение. Сандра Кей Уитли, тридцать шесть лет. Тол узнал и адрес, в очень дорогом районе округа.

— Так что загадочного в их смертях? Они покончили с собой.

Ее реакция заинтересовала Тола. Она злилась. Но определенно не скорбела.

— Мы не можем говорить о расследовании, которое еще не закончено.

— Каком расследовании? — фыркнула Сандра. — Что тут расследовать?

— Речь идет об убийстве, знаете ли.

— Убийстве? — холодно переспросила она.

— Ваш отец повернул ключ зажигания, включив двигатель. То есть он убил вашу мать.

— Это же чушь собачья!

— У ваших родителей бывала депрессия?

Она задумалась, прежде чем ответить.

— У моего отца обнаружили серьезную болезнь сердца. Моя мать не хотела без него жить.

— Но болезнь не была смертельной?

— Он не собирался умереть на следующей неделе, все так. Но он знал, что скоро умрет. И хотел уйти с достоинством.

Тол чувствовал, что проигрывает этот поединок. Она все время заставляла его защищаться. Поэтому он решил взять пример с Ла Ту.

— Что вы здесь делаете?

— Это — дом моей семьи, — отрезала Сандра. — Мой дом. Я здесь выросла. Захотела увидеть все своими глазами. Они были моими родителями.

— Разумеется... Сожалею о вашей утрате. Я просто хочу убедиться, что вы пришли только за этим. Такая уж у меня работа.

Сандра пожала плечами и затушила сигарету в тяжелой хрустальной пепельнице, которая стояла на туалетном столике. Заметила фотографию в серебряной рамке, изображающую ее с родителями. Несколько мгновений смотрела на фотографию, потом отвернулась, чтобы скрыть от него слезы.

— Я — адвокат, знаете ли. И собираюсь попросить одного из моих партнеров досконально изучить эту ситуацию.

— Как вам будет угодно, мисс Уитли. Могу я спросить, что вы положили в сумочку чуть раньше?

— В сумочку?

— Когда были на первом этаже.

Она замялась.

— Ничего существенного.

— Это — место преступления. Отсюда ничего нельзя забирать. Думаю, вам это известно, вы же адвокат. Можете отдать мне то, что взяли, а я закрою глаза на этот инцидент. Или можете оставить то, что взяли, в сумочке, но тогда нам придется проехать в полицейское управление.

Взглядом она покрошила его на мелкие кусочки, определяясь с предложенными ей вариантами, потом открыла сумочку и протянула Толу стопку писем.

— Они лежали в ящике на отправку. Но из-за желтой ленты почтальон не решился подойти к дому. Я собиралась их отправить.

— А я их заберу.

Рука, которой она протянула письма, чуть дрожала. Тол взял письма, не снимая перчаток.

Собственно, он понятия не имел, клала она что-то в сумочку или нет. То была интуитивная догадка. Толбот Симмс внезапно почувствовал, как его охватывает радостное возбуждение. Статистики — тоже парни не промах.

Сандра оглядела спальню, ее глаза вроде бы вновь стали печальными. Но он решил, что в них по-прежнему больше злости, чем скорби. И тут же раздался ее ледяной голос.

— Мой партнер в самом скором времени даст о себе знать, детектив Симмс. Погасите свет, когда будете уходить, если не хотите, чтобы округу пришлось платить за электричество.

Наступило следующее утро, и Тол продолжал размышлять над собранными материалами. Только что поступили новые: распечатка звонков Уитли за последний месяц, результаты вскрытия и анализ почерка предсмертной записки.

В распечатке звонков он поначалу не увидел ничего интересного для себя и, отложив ее в сторону, просмотрел заключение почерковеда. С вероятностью девяносто восемь процентов эксперт ручался за то, что автор записки — Сэм Уитли, хотя рука у него дрожала, и в тексте имелись грамматические ошибки, необычные для человека с его уровнем образования.

Наконец Тол взял результаты вскрытия. Смерть наступила, по мнению патологоанатомов, от отравления окисью углерода. Не было ни гематом, ни повреждений кожи, тканей или внутренних органов, свидетельствовавших о том, что их запихивали в автомобиль. Алкоголь в крови присутствовал, но немного. Оба принимали и лекарства. Одно особенно заинтриговало Тола.

«В крови обоих жертв обнаружено необычно большое содержание 9-флуоро, 7-хлоро-1,3-дегидро-1-метил-5-финил-2H-1,4-бензодиазепин, 5-гидроклидтриптамин и N-(1-фенелтил-4-пиперидил) пропионанилид цитрат».

Далее в заключении указывалось, что это — препарат «Люминакс», одновременно обезболивающий и снимающий тревогу. Количественное содержание препарата в крови указывало на то, что супруги приняли дозу, в три раза превышающую предписанную, хотя этот препарат никоим образом не усиливал действие окиси азота и ни в малейшей степени не повлиял на их смерть.

Тол предположил, что сочетание спиртного и «Люминакса» могло вызвать дрожь руки.

Оглядев стол, он, в конце концов, нашел нужный ему документ и прочитал перечень всего найденного в доме, составленный группой осмотра. Лекарств у Уитли хватало, болезнь сердца у Сэма, артрит и некоторые другие заболевания у Элизабет, но «Люминакс» они не принимали.

Тол вспомнил, что и Бенсон написал предсмертную записку дрожащей рукой и с ошибками. Порылся в бумагах на столе, нашел визитную карточку адвоката Бенсонов, позвонил ему в офис и подождал, пока их соединят.

— Мистер Метцер, это — детектив Симмс. Несколько дней назад мы встречались в доме Бенсонов.

— Да, я помню.

— Это несколько необычно, но я бы хотел получить разрешение на взятие анализа крови.

— У меня? — в голосе слышалось удивление.

— Нет, у Бенсонов.

— Зачем?

— Я хочу подкорректировать нашу базу данных по лекарственным препаратам и болезням самоубийц. Это — анонимная база данных, там нет никаких фамилий.

— Понятно. Но, к сожалению, их кремировали этим утром.

— Правда? Как быстро.

— Я не знаю, быстро это или медленно. Но они так хотели. И оставили мне соответствующие инструкции. Они хотели, чтобы их кремировали как можно быстрее, а все находящиеся в доме вещи продали...

— Подождите. Вы говорите мне...

— Все находящиеся в доме вещи продали незамедлительно.

— И когда это должно произойти?

— Скорее всего, уже произошло. Распродажа началась в воскресенье утром. Думаю, там уже мало чего осталось.

— Предсмертная записка все еще у вас?

— Я ее не брал. Полагаю, ее выбросили, когда проводилась уборка дома.

«Очень уж быстро все завертелось», — подумал Тол.

— Вы не знаете, принимал ли кто-то из них препарат «Люминакс»?

— Понятия не имею.

— Можете назвать мне фамилию кардиолога мистера Бенсона?

Короткая пауза.

— Пожалуй, смогу. Да. Доктор Питер Броуди. В Глинстеде.

Тол уже собирался положить трубку, когда в голове сверкнула новая мысль.

— Мистер Метцер, при нашей встрече в пятницу вы вроде бы сказали, что Бенсоны не были религиозными людьми.

— Совершенно верно. Они были атеистами... А в чем, собственно, дело, детектив?

— Как я уже вам и сказал... набираю статистику. Это — все. Позвольте поблагодарить вас за то, что уделили мне несколько минут.

Тол нашел телефон доктора Броуди и позвонил в его офис. Доктор уехал в отпуск, а его старшая медсестра не очень-то хотела говорить о пациентах, даже умерших. Однако признала, что «Люминакс» Броуди Бенсонам не прописывал.

Потом Тол позвонил руководителю группы осмотра и выяснил, что пистолет, из которого застрелились Бенсоны, находится в сейфе для хранения вещественных улик. Он попросил снять с пистолета отпечатки пальцев.

— Можете вы это сделать побыстрее?

— С удовольствием. Все оплачивается из вашего бюджета, детектив, — послышался радостный ответ. — Результаты вы получите через десять-пятнадцать минут.

— Благодарю.

Ожидая результатов проверки пистолета, Тол открыл кейс и заметил три письма, которые Сандра хотела вынести из дома родителей. Вновь надев резиновые перчатки, он вскрыл все три конверта и ознакомился с их содержимым.

В первом лежал счет от адвоката за четыре часа работы, затраченные, как указывалось в документе, на «услуги по решению имущественных вопросов».

Имелась в виду переделка завещания? Еще один сходный момент. Метцер говорил, что Бенсоны только-только изменили что-то в своем завещании.

Во втором конверте Тол обнаружил страховой полис, который Бенсоны хотели отправить в Центр поддержки кардиологических больных Уэстбрукской больницы, где Сэм состоял на учете.

Ничего необычного.

А потом достал лист бумаги из третьего конверта.

Откинулся на спинку стула и вскинул глаза к потолку, решая, что делать дальше.

Внезапно вскочил и направился к кабинету Ла Ту. Грег Ла Ту сидел, откинувшись на спинку стула, положив ноги на край стола, и читал какой-то документ. Увидев Тола, он поднял голову и удивленно изогнул брови.

— Грег, есть у тебя минутка?

— Только одна.

— Я хочу поговорить с тобой об этом расследовании.

— Расследовании? — Ла Ту нахмурился. — Каком расследовании?

— Уитли.

— Воскресные самоубийцы? Да, хорошо. Вылетело из головы. Не привык к расследованию самоубийств. — Мощная рука Ла Ту взяла со стола другой документ, и детектив начал его читать.

— Ты говорил, что там, возможно, была горничная, оставившая перчаточные следы, и следы от колес.

Ла Ту не сразу понял, о чем речь. Потом кивнул.

— И что?

— Посмотри. — Тол протянул Ла Ту третье из найденных у Уитли писем. Адресовалось оно Эсмеральде Констанцо, приходящей горничной Уитли. Ее благодарили за службу и указывали, что в ее услугах более не нуждаются. В письме лежал и чек, на корешок которого вчера обратил внимание Ла Ту.

— Они хотели отправить чек почтой, — указал Тол. — То есть она не приходила в тот день, когда они умерли. Кто-то еще носил перчатки. И знаешь, что я думаю? С чего горничной надевать матерчатые кухонные перчатки, если ей нужно прибираться во всем доме? Нелогично.

Ла Ту пожал плечами. Его взгляд вернулся к документу на столе, потом вновь переместился на письмо, которое дал ему Тол.

— Отсюда следует, что приезжавшая микролитражка принадлежала не ей, — продолжал статистик. — Кто-то еще находился в доме или рядом с ним в момент их смерти.

— Ну, Тол...

— Есть еще кое-что. У обоих Уитли в крови — высокое содержание препарата, который продается только по рецептам. Препарат наркотический. «Люминакс». Но пузырьков с этим препаратом в доме не было. И их адвокат только что выполнял для них какую-то работу, связанную с имущественными вопросами. Возможно, они что-то изменили в завещании.

— Если собираешься покончить с собой, вносишь изменения в завещание. Здесь нет ничего подозрительного.

— А потом я встретил их дочь. Она вломилась в дом, что-то искала. Забрала неотправленные письма, но, возможно, искала совсем другое. Может, пузырьки «Люминакса». Не хотела, чтобы кто-то их нашел. Я ее не обыскал, в тот момент об этом как-то не подумал.

— Так ты говоришь о наркотиках?

— Возможно, она накачала их «Люминаксом», заставила изменить завещание, а потом уговорила покончить с собой.

— Да, возможно, — пробормотал Ла Ту. — Как в плохом кино.

Тол пожал плечами.

— А когда я упомянул про убийство, она дернулась.

— Убийство? Почему ты упомянул про убийство?

— Я имел в виду убийство-самоубийство. Муж повернул ключ зажигания и включил двигатель.

Ла Ту пренебрежительно хмыкнул, но Тол, не смутившись, продолжил.

— Плюс ее отношение.

— Знаешь, Тол, ты отправил ее родителей в морг. Ты знаешь, что с ними там сделали, не так ли? Располосовали ножами, изрезали пилами. Тут любой разозлится, можешь мне поверить.

— Да, она злилась, — признал Тол. — Но, в основном, из-за того, что я оказался в доме, разбирался с тем, что произошло. Потом я проверил первую пару — Бенсонов. Их кремировали сразу после смерти. А вещи распродали в один или два дня.

— Распродали? — Впервые в голосе Ла Ту не прозвучало ни пренебрежения, ни сарказма. — И кремировали так быстро? Да, это странно. Не могу с тобой не согласиться.

— И адвокат Бенсона сказал мне кое-что еще. Они оба были атеистами. Но в их предсмертной записке говорилось, что они навсегда будут вместе на небесах или что-то в этом роде. Я думаю, может, им тоже подсыпали этого наркотика. «Люминакса».

— А их врач...

— Нет, он им «Люминакс» не прописывал. Но, возможно, кто-то скормил им эти таблетки. Предсмертная записка тоже была написана трясущейся рукой, с ошибками, как и предсмертная записка Уитли.

— Так может, потормошить их врача?

— Я до него еще не добрался.

— Возможно, возможно, возможно. — Ла Ту сощурился. — Но садовник, с которым мы говорили в доме Бенсонов? Он сказал, что они сильно напились. Ты чертовски здорово поработал с Уитли. Они тоже пили?

— Не очень много... И вот еще что. Я позвонил их оператору сотовой связи и проверил списки телефонных звонков... Им позвонили с телефона-автомата за сорок минут до их смерти. Разговор продолжался две минуты. Этого времени вполне хватило бы, чтобы убедиться, что они дома, и предупредить о приезде. И кто сейчас звонит с телефона-автомата? У всех нынче мобильники, так?

Ла Ту с неохотой согласился и с этим.

— Смотри сам, Грег. Две супружеские четы, обе богатые, живут в пяти милях друг от друга. Оба мужа страдают болезнью сердца. Два убийства-самоубийства с разрывом в считанные дни. И что ты об этом думаешь?

— Выбросы, так? — устало ответил Ла Ту.

— Именно!

— Ты думаешь, дочь решила отправить на тот свет своих стариков, чтобы получить их деньги? И обставила все, как самоубийство?

— Это — теорема.

— Что? — вырвалось у Ла Ту.

— Я хотел сказать, интуитивная догадка.

— Интуитивная догадка. Пусть так. Но ты привязал Бенсонов. Дочь Уитли не стала бы отправлять их в мир иной, так? Я хочу сказать, зачем ей это нужно?

Тол пожал плечами.

— Не знаю. Может, она — крестная дочь Бенсонов или упомянута и в их завещании. А может, ее отец участвовал в какой-то сделке с Бенсоном, которая связывала принадлежащие Уитли деньги, поэтому после смерти родителей дочь ничего бы не получала. Вот ей и пришлось убрать обе пары.

— Возможно, возможно, возможно, — повторил Ла Ту.

В кабинет всунулась Шелли. Проигнорировав Ла Ту, она обратилась к Толу.

— Звонили насчет пистолета. На нем — отпечатки пальцев мистера Бенсона и несколько пятен от материи или бумаги.

— Какого пистолета? — спросил Ла Ту.

— Пистолета, из которого застрелились Бенсоны, — ответил Тол. — Пятна... как на предсмертной записке Уитли.

— Ладно... это становится чертовски интересно. — Ла Ту бросил взгляд на огромные золотые часы на левом запястье. — Я должен идти. Тренировка в тире. Поедем со мной. Постреляем, потом поговорим о расследовании.

— Я останусь здесь.

Ла Ту нахмурился, должно быть, не мог понять, как кто-то может отказаться от возможности целый час буравить дырки в бумаге.

— Ты не стреляешь?

— Просто хочу поработать с этим делом.

— Хорошо, — кивнул Ла Ту. — Я проверю завещания и страховки. Скажи, как звали ледняков?

— Ле...

— Усопших, покойников... неудачников, которые покончили с собой. И их адвокатов.

Тол все аккуратно написал на листке бумаги и протянул Ла Ту, который небрежно сунул листок в нагрудный карман клетчатой рубашки.

— Что мне делать? — спросил Тол.

— Вызови группу СИНМП и...

— Какую группу?

— Разве ты не учился в той же академии, что и я, Тол? Группу сбора информации на месте преступления. Сошлись на меня, и Догерти все устроит. Пусть опросят всех соседей около домов Бенсонов и Уитли. Может, найдут свидетеля, который кого-то видел около этих домов до или после ВС. Это — аббревиатура...

— Времени смерти.

Ла Ту выставил перед собой оба гигантских кулака с поднятыми большими пальцами.

— Поговорим во второй половине дня, когда я вернусь. Найду тебя здесь, скажем, в четыре часа?

— Конечно. Может, нам стоит выяснить, на каком автомобиле ездит дочь Уитли? Посмотреть, не совпадет ли колесная база.

— Дельная мысль, Тол. — Выражение лица Ла Ту говорило о том, что последнее предложение Тола произвело на него впечатление. Здоровяк схватил несколько коробок с патронами и, тяжело ступая, покинул детективный отдел.

— Привет, — поздоровался Тол с секретаршей и широко ей улыбнулся.

Маргарет Ладлем, согласно надписи на табличке, удивленно посмотрела на него.

— Да?

— Магги, не так ли?

— Чем я могу вам помочь? — Тон вежливый, но холодный. Тол вновь ей улыбнулся, а потом показал жетон и удостоверение детектива, отчего на ее веснушчатом лице появилась легкая тревога.

— Я пришел, чтобы поговорить с доктором Шелдоном. — Доктор Шелдон был кардиологом Сэма Уитли, и его визитную карточку Тол нашел в спальне супругов прошлым вечером.

— Так вы... — она всмотрелась в удостоверение.

— Детектив Симмс.

— Конечно. Одну секунду. Вы...

— Нет. О встрече я не договаривался, но мне нужно поговорить с ним. Это — важно. О пациенте Сэме Уитли.

— Пожалуйста, подождите.

Она позвонила, и несколько минут спустя в приемную вышел лысеющий мужчина лет пятидесяти с небольшим. Доктор Энтони Шелдон провел Тола в большой ка-

бинет, стены которого украшали десятки дипломов и наградных листов. Жестом предложив Толу сесть в удобное кресло перед столом, он опустился на свой стул с высокой спинкой.

— Я потрясен случившимся. Просто потрясен.

— Мы расследуем их смерть. Если позволите, я хотел бы задать вам несколько вопросов.

— Да, конечно. Всем, чем могу. Но... вроде бы мы слышали, что они покончили с собой. Это так?

— Похоже на то. Но на некоторые вопросы у нас пока нет ответов. Как давно вы их лечили?

— Ну, во-первых, не их. Только Сэма Уитли. Его направил ко мне семейный врач.

— Рональд Уайнстайн, — кивнул Тол. И эту информацию он почерпнул из коробок с вещественными уликами, которые не дали ему заснуть до трех часов утра. — Я только что говорил с ним.

Кое-что Тол от Уайнстайна узнал: Уайнстайн не прописывал никому из Уитли «Люминакс» и никогда не встречался с Бенсонами.

Тол продолжил:

— Насколько серьезным было заболевание Сэма?

— Очень серьезным. Подождите... я не хочу что-нибудь упустить.

Шелдон нажал на кнопку аппарата внутренней связи.

— Да, доктор?

— Маргарет, пожалуйста, принесите мне медицинскую карту Уитли.

Мгновением позже женщина вошла в кабинет, полностью игнорируя Тола.

Он решил, что ему нравится такая вот внешняя холодность. И имя Маргарет, пожалуй, подходило ей больше, чем Магги.

— Благодарю.

Шелдон пролистал карту.

— Его сердце работало лишь на пятьдесят процентов своих возможностей. Ему требовалась операция по пересадке сердца, но мы не могли найти подходящий трансплантат. Поэтому собирались заменить клапаны и несколько главных сосудов.

— Он бы выжил?

— Вы про операцию? Или потом?

— И про первое, и про второе.

— Прогноз был не слишком благоприятный. Больший риск приходился на операцию. Сэм был немолод, с сильно поврежденными сосудами. Если бы пережил операцию, на последующие шесть месяцев шансы у него были бы пятьдесят на пятьдесят. А вот потом это соотношение начало бы изменяться в более благоприятную для него сторону.

— Значит, положение не было безнадежным.

— Нет, конечно. Но, как я ему и сказал, могло случиться так, что после операции он остался бы на всю жизнь прикованным к постели.

— То есть вы не удивились, узнав о его самоубийстве?

— Видите ли, я — врач. Самоубийство для нас лишено здравого смысла. Но ему предстояла очень рискованная операция и трудный, продолжительный период выздоровления, исход которого оставался неясным. Услышав о его смерти, я, конечно, огорчился, даже почувствовал собственную вину... может, не стоило мне ему все объяснять. Но, должен сказать, полной неожиданностью его самоубийство для меня не стало.

— Вы знали его жену?

— На прием она приезжала вместе с ним.
— На здоровье не жаловалась?
— Выглядела вполне здоровой.
— Они были близки?
— Да, жить друг без друга не могли.
— Доктор, что такое «Люминакс»?
— «Люминакс»? Это — комбинированный антидепрессант, одновременно снимает боль и тревогу. Я практически не знаком с принципом его действия.
— То есть вы не прописывали «Люминакс» Сэму или его жене?
— Нет... и я никогда ничего не стал бы прописывать супруге моего пациента, если только она сама не лечилась бы у меня. А что?
— При вскрытии у обоих в крови выявлено необычайно высокое содержание этого препарата.
— У обоих?
— Вот именно.
Доктор Шелдон покачал головой.
— Странно... Это и была причина смерти?
— Нет, их убила окись азота.
— Ага. Их автомобиль?
— Да, в гараже.
Доктор покачал головой.
— Полагаю, не самый худший способ ухода из жизни. И все же...
Тол взглянул на листок с пометками, сделанными по ходу расследования.
— В доме я нашел страховой полис из Центра поддержки кардиологических больных. Что это значит?
— Я предложил, чтобы он и Лиз обратились туда. Они работают со смертельно больными и ожидающими опасной операции людьми, с кандидатами на трансплантацию. В основном, занимаются консультированием и психотерапией.
— Могли они прописать этот препарат?
— Возможно. У них в штате есть и врачи.
— Я бы хотел с ними поговорить. К кому мне обратиться?
— Директор центра — доктор Питер Дехоивен. Они находятся в корпусе Джей. Вернитесь в главный вестибюль, на лифте поднимитесь на третий этаж, поверните налево и прямиком попадете к ним.

Тол поблагодарил доктора и вышел в приемную. Использование сотовых телефонов в больнице запрещалось, вот он и попросил Маргарет разрешить ему позвонить по одному из телефонных аппаратов, что стояли на ее столе. Она небрежно кивнула и вновь уткнулась в компьютер. Часы показывали 3:45. Через пятнадцать минут Тол должен был встретиться с Грегом Ла Ту.

Трубку взяла одна из секретарш отделения расследования убийств, и он попросил передать Ла Ту, что немного задержится.
— Но он уже ушел, — удивленно ответила секретарша.
— Ушел? Мы же договорились о встрече.
— Он ничего такого не говорил.

Разозленный, Тол положил трубку. Неужели Ла Ту просто посмеивался над ним, соглашался помочь в расследовании лишь для того, чтобы он, Тол, от него отвязался?

Он позвонил в Центр поддержки кардиологических больных. Доктора Дехоивена на месте не оказалось, но он договорился о встрече с ним на следующий день, в половине девятого утра.

— Все клапаны? — переспросил семидесятидвухлетний Роберт Коуви у своего кардиолога, сидевшей напротив. Надпись на нагрудном кармане белого халата гласила «Доктор Ленсдаун», но с ее светлыми волосами, забранными в пучок на затылке, и ярко-красной помадой на губах, он воспринимал ее исключительно как «доктора Дженни».

— Совершенно верно, — она наклонилась вперед. — И это еще не все.

Следующие десять минут она объясняла, какие еще медицинские пытки придется ему выдержать, чтобы получить шанс встретить свой семьдесят третий день рождения.

«Несправедливо, — подумал Коуви. — Чертовски несправедливо все складывается». Действительно, при росте в шесть футов весил он, насколько себя помнил, порядка 180 фунтов. Курить бросил сорок лет назад. Каждые несколько месяцев один уик-энд проводил с Вероникой в пешем походе. После того, как потерял ее, присоединился к клубу туристов, в походах без труда обгоняя вдов, которые не переставали с ним флиртовать.

— Вы женаты? — спросила доктор Дженни.

— Вдовец.

— Дети?

— У меня — сын.

— Живет неподалеку?

— Нет, но мы часто видимся.

— Рядом с вами живет кто-нибудь из родственников, близких друзей?

— Нет. Пожалуй, что нет.

Доктор Дженни пристально смотрела на него.

— Это тяжело, услышать все, что я сказала вам сегодня. А дальше будет еще тяжелее. Я бы хотела, чтобы вы кое с кем поговорили в больнице Уэстбрука. У них есть специальная служба для сердечников. Центр поддержки кардиологических больных.

— Психиатрическая служба?

— Скорее, психотерапевтическая.

— Они ходят в коротких юбках? — спросил Коуви.

— Мужчины — нет, — сухо ответила доктор Дженни.

— Туше. Спасибо, но это — не для меня.

— Все равно, возьмите телефон. Вдруг захочется просто поговорить. — Она достала карточку Центра и положила на стол.

Коуви задал несколько вопросов о предстоящих ему операциях, спросил о своих шансах. Поначалу ей отвечать не хотелось, но она поняла, что он умеет держать удар.

— Шестьдесят на сорок, не в вашу пользу.

— Это — оптимистический прогноз или пессимистический?

— Просто реалистический.

Коуви направился к двери. Доктор последовала за ним. Он решил, что она хочет проводить его, но Дженни протянула руку: он забыл карточку Центра поддержки кардиологических больных в Уэстбрукской больнице с номером телефона.

— Мне винить свою память?

— Она у вас лучше, чем у меня, — подмигнула ему Дженни и вернулась за стол.

Коуви согласовал с регистратором время сдачи анализов и вышел из здания, все еще держа в руке карточку Центра поддержки. Заметил урну. Направился к ней, поднял руку, чтобы бросить карточку в кучу пустых банок из-под газировки и мятых газет, но в последний момент передумал.

Чуть дальше по улице нашел телефон-автомат. С состоянием, превышающим пятьдесят миллионов долларов, Роберт Коуви полагал сотовые телефоны ненужной роскошью. Положив карточку на полку у телефона, он надел очки для чтения и полез в кожаный кошелек за монетами.

Доктор Питер Дехоивен, высокий, светловолосый мужчина, говорил с акцентом, который Тол никак не мог определить.

Они встретились ранним утром, как и договаривались, и теперь Дехоивен рассказывал Толу о миссии Центра помощи кардиологическим больным. Как выяснилось, сотрудники ЦПКБ помогали тяжело больным пациентам менять диету, подбирать комплекс физических упражнений, объясняли природу заболеваний сердца, боролись с депрессией и тревогой, находили сиделок, консультировали членов семьи. Помогали и с подготовкой похорон, с заключением страховых договоров, с завещаниями.

— В наши дни продолжительность жизни все увеличивается, — акцент Дехоивена то усиливался, то пропадал, — поэтому нам приходится дольше жить со своими болезнями, более продолжительный период времени осознавать, что смерть — рядом, на расстоянии вытянутой руки. Это — трудно. Вот мы и помогаем нашим пациентам лучше подготовиться к последнему этапу их жизни.

Когда доктор закончил свой рассказ о ЦПКБ, Тол объяснил, что приехал по поводу Уитли.

— Вы удивились, узнав об их самоубийстве? — спросил он, поправляя узел галстука.

— Удивился? — Дехоивен помялся с ответом. Может, вопрос поставил его в тупик. — Я как-то не думал, следовало мне удивляться или нет. Лично я Сэма не знал. Поэтому...

— Вы никогда с ним не встречались?

— У нас очень большая организация. С пациентами работают наши консультанты. Моя жизнь — бюджет, планирование и строительство нового здания на этой же улице. Вот на что и уходит практически все мое время. Мы расширяемся. Но я выясню, кто работал с Сэмом и его женой. — Чтобы получить эти сведения, он позвонил секретарю.

Как выяснилось, Уитли консультировала Клер Маккэффри, как объяснил Дехоивен, дипломированная медсестра и социальный работник-консультант. В ЦПКБ она работала уже больше года.

— Она — молодец. Представитель нового поколения консультантов, экспертов по старению, да. По этой теме она защитила диплом.

— Я бы хотел поговорить с ней.

Вновь пауза.

— Полагаю, это нормально. Могу я спросить, почему?

Тол достал из кейса вопросник и показал доктору.

— Я — статистик полицейского управления. Слежу за всеми смертями в округе и собираю о них информацию. Рутина, знаете ли.

— Ага, рутина. Но мы удостоены персонального визита. — На лице Дехоивена отражалось любопытство.

— Детали, зачастую, самое важное.

— Да, конечно. — По голосу Дехоивена чувствовалось, что искренность Тола не показалась ему убедительной.

Он позвонил медсестре. Как выяснилось, Клер Маккэффри собиралась на встречу с новым пациентом, но могла уделить Толу пятнадцать или двадцать минут.

Дехоивен пояснил, как пройти к ее кабинету. Но Тол ушел не сразу.

— Еще несколько вопросов.

— Да, сэр?

— Вы здесь прописываете «Люминакс»?

— Да, очень часто.

— Этот препарат выписывали Сэму? Мы не нашли в доме пузырек.

Дехоивен пробежался пальцами по клавиатуре компьютера.

— Да. Наши врачи несколько раз выписывали ему этот препарат. Он начал принимать «Люминакс» месяц назад.

Тол рассказал Дехоивену о высоком содержании «Люминакса», обнаруженного в крови обоих Уитли.

— Как такое могло быть?

— В три раза больше нормы? — Дехоивен покачал головой. — Не знаю, что и сказать.

— Они также немного выпили. Но мне сказали, что этот препарат не мог как-то повлиять на их смерть. Вы с этим согласны?

— Да, да. Препарат — неопасен. Может, разве что, вызвать сонливость и легкомысленность.

— Сонливость и легкомысленность одновременно? — переспросил Тол. — Вроде бы странное сочетание.

— Ничего странного здесь нет. «Люминакс» снимает тревогу и позволяет человеку расслабиться, вот почему мы широко его применяем. Он одобрен Администрацией по контролю за продуктами питания и лекарствами. А нас это очень радует. Кардиологические больные могут принимать его без опаски усугубить проблемы с сердцем.

— Какая компания производит препарат?

Дехоивен взял с полки толстый том, пролистал его.

— «Монтроз фармацевтик» в Парамасе, штат Нью-Джерси.

Тол записал название и адрес компании.

— Доктор, а был ли среди пациентов вашего центра... Дон Бенсон?

— Фамилия мне не знакома, но, как уже говорил, я знаю мало кого из пациентов. — Дехоивен вновь пробежался пальцами по клавиатуре. — Нет, у нас нет пациента по фамилии Бенсон. А почему вы спрашиваете?

Тол постучал пальцем по вопроснику.

— Статистика. — Он убрал листок в кейс, пожал доктору руку и направился в кабинет медсестры, который находился в том же коридоре, через четыре двери от кабинета Дехоивена.

Клер Маккэффри оказалась стройной брюнеткой его возраста. Забранные в конский хвост волнистые волосы, открытое, симпатичное, в веснушках, но усталое лицо.

— Доктор Дехоивен звонил насчет вас. Детектив...

— Симмс. Но зовите меня Тол.

— А я отзываюсь на Мак. — Она протянула руку, и, когда он ее пожал, на запястье зазвенели колечки браслета-амулета. Заметил он и золотое колечко на правой руке.

Она предложила ему сесть. Места в просторном кабинете хватало для письменного стола, двух кресел, дивана и кофейного столика. И здесь было куда уютнее, чем в кабинете Дехоивена. Стены украшали фотографии и постеры, с растениями, букетами цветов, морскими берегами, пустынями, лесами.

— Вас интересует Сэм Уитли, так? — В голосе сестры слышалась тревога.

— Совершенно верно. И его жена.

Она кивнула, и на лице ее отразилась печаль.

— Из-за этого я всю ночь не могла уснуть. Ужасно. Не могу в это поверить.

— У меня лишь несколько вопросов. Надеюсь, вас не затруднит ответить на них.

— Да, конечно.

— Вы виделись с ними в тот день, когда они умерли? — спросил Тол.

— Да. Мы встречались регулярно.

— И что вы делали?

— То же, что и с остальными пациентами. Следила за тем, чтобы они соблюдали диету, заполняла страховые формы, убеждалась в действенности препаратов, которые они принимали, помогала с тяжелой работой по дому... Возникли какие-то проблемы? Полиции что-то не ясно?

Глядя в ее встревоженные глаза, Тол решил не прикрываться вопросником.

— Это — необычная смерть. Она не укладывается в статистический профиль большинства самоубийств. По их разговорам у вас не возникло ощущения, что они намерены покончить с собой?

— Нет, разумеется, нет, — быстро ответила она. — Я бы постаралась помешать этому. Естественно.

— Но? — Тол почувствовал, что она выговорилась не до конца.

Клер не отрывала глаза от стола, переложила какие-то бумаги, закрыла папку.

— Просто... понимаете, есть один момент. Последние два дня я только и думала о том, что они мне говорили, искала какие-то намеки. И вспомнила, как они сказали, что им очень нравилось работать со мной.

— А что тут странного?

— Сказали об этом в прошедшем времени. Не нравится работать со мной. Им нравилось работать со мной. Тогда я тоже не увидела в этих словах ничего странного. А теперь... Мне следовало вслушиваться в то, что они говорили.

Чувство вины. Похоже, у Клер Маккэффри, как у адвокатов двух покончивших с собой супружеских пар, как у их врачей, чувство это могло задержаться надолго.

Может, навсегда...

— Вы знали, что они приобрели книгу о самоубийствах? «Последнее путешествие»?

— Нет, я этого не знала. — Клер нахмурилась.

— Они принимали «Люминакс», так?

Она кивнула.

— Это — хороший препарат, снимающий тревогу. Мы следим за тем, чтобы он был у пациентов под рукой, чтобы они могли принять его, если их вдруг охватит паника, или они начнут впадать в депрессию, — объяснила Клер.

— После смерти Сэма и его жены в их крови обнаружено необычно высокое содержание «Люминакса».

— Правда?

— Мы пытаемся выяснить, куда подевались рецепт или пузырек. В доме найти их не удалось.

— Они у них были, я знаю.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Не знаю, сколько еще таблеток они могли получить по рецепту. А пузырек... Может, они как раз выпили все таблетки и выбросили его?

— Уитли никогда не упоминали Дона и Сай Бенсонов? — продолжал Тол.

— Бенсонов?

— Из Грили.

— Нет. И я никогда о них не слышала.

— В тот день был в доме кто-нибудь еще?

— Не знаю. Пока я находилась там, мы были одни.

— А когда вы уехали?

— В четыре часа или чуть раньше.

— Вы так уверены во времени?

— Да. Я знаю, потому что по дороге домой слушала свою любимую радиопередачу. «Час оперы» на Эн-пи-эр. Они транслировали отрывки из «Мадам Баттерфляй».

— Это не о японке, которая... — он недоговорил.

— Покончила с собой. — Мак посмотрела на постер национального парка Гранд-Титон, потом на другой, с приливом на Гавайях. — Моя жизнь посвящена увеличению продолжительности жизни других людей. Это известие о Сэме и Лиз потрясло меня. Я говорила с доктором Дехоивеном. Он приехал из Голландии. Там на смерть смотрят иначе. К эвтаназии и самоубийству относятся более благожелательно... Узнав о смерти Сэма и Лиз, он лишь пожал плечами. Как будто это — пустяк. Но я не могу выбросить их из головы.

Пауза. Она моргнула, вновь посмотрела на часы.

— У меня — встреча с новым пациентом. Но, если могу чем-нибудь помочь, дайте мне знать. Кто вы... на самом деле? Детектив из отдела расследования убийств?

Тол рассмеялся.

— На самом деле я — математик.

— Он там, и я не могу его выгнать. Не знаю, что и делать, босс.

В панике Тол подумал, что разъяренная Шелли, указывая на его кабинет, говорит о самом шерифе, который спустился с последнего этажа, чтобы лично уволить Тола за команду 2124.

Но нет, она имела в виду совсем другого человека.

Тол вошел в кабинет, и его брови удивленно взлетели вверх, когда он увидел Грега Ла Ту.

— Я думал, мы договаривались встретиться вчера...

— Так где ты был? — пробурчал Ла Ту. — Проспал? Значит, так. Я получил информацию по завещаниям. Оба изменены...

— Что ж, это подозрительно.

— Дай мне закончить. Нет, не подозрительно. Они не оставили все свои деньги какому-то гуру, который взял под контроль их разум. У Бенсонов детей не было. Поэтому они добавили в завещание несколько благотворительных фондов и создали фонды для нескольких своих племянников и племянниц, на обучение в колледже. По сотне тысяч долларов каждый. Ерунда. Дочь Уитли ничего от них не получила.

Далее, сами Уитли, по прежнему завещанию, оставляли дочери треть своего состояния. Она получает столько же и по новому завещанию, но может получить больше, если займется созданием семейной библиотеки Уитли. Короче, завещания отпадают. Та же история со...

— ...страховками.

— Именно это я собирался сказать. Страховка Бенсонов идет на уплату некоторых долгов и на вознаграждение ушедших на пенсию сотрудников его компаний. Двадцать, тридцать тысяч. Нет там ничего подозрительного... Что нашел ты?

Тол рассказал о докторе Шелдоне, кардиологе, потом о Дехоивене, Мак и Центре поддержки кардиологических больных.

— И Бенсон, и Уитли — пациенты Шелдона? — тут же спросил Ла Ту.

— Нет, только Уитли. То же — и с Центром поддержки.

— Нам нужна связь, как я и говорил. Что-нибудь...

— Вроде бы одна есть, — быстро вставил Тол. — Наркотики.

— Что, старики толкали наркоту?

Тол рассказал о «Люминаксе».

— От него человек одновременно становится сонным и счастливым. Может принять неправильное решение или согласиться на самое дикое предложение.

— К примеру, вышибить себе мозги? Чертовски хорошее предложение.

— Если принять тройную дозу...

— Ты думаешь, кто-то «накормил» их «Люминаксом»?

— Возможно, — кивнул Тол. — Консультант из Центра поддержки кардиологических больных уехала из дома Уитли в четыре часа. Они умерли около восьми. Достаточно времени для того, чтобы кто-то заехал к ним в гости и попотчевал «Люминаксом», скажем, растворенным в спиртном.

— Ладно, Уитли его принимали. А Бенсоны?

— Их кремировали на следующий день после смерти, помнишь? Мы никогда не узнаем.

— Ладно, твоя... как ты там ее называешь? Теория?

— Теорема.

— Состоит в том, что кто-то подсыпал им этого дерьма? Но кто? И почему?

— Эта часть мне еще не известна.

— Эти части, — поправил его Ла Ту. — Кто и почему. Две части.

Тол вздохнул.

— Ты действительно думаешь, можно дать кому-то наркотик, сказать, что они должны покончить с собой, и они это сделают?

— Давай это выясним.

— Как?

Статистик просмотрел свои записи.

— В компании, которая производит этот препарат. Она находится в Парамасе. Съездим и поговорим.

— Черт. В Нью-Джерси.

— У тебя есть идея получше?

— Мне не нужны никакие идеи. Это — твое расследование.

— Может, я и отдал команду двадцать один двадцать четыре. Но теперь — это общее расследование. Поехали.

Она выглядела бы прекрасно в короткой юбке, решил Роберт Коуви, но, к сожалению, пришла в брюках.

— Мистер Коуви, я — из Центра поддержки кардиологических больных.

— Зовите меня Боб. А не то я чувствую себя таким же старым, как ваш старший брат.

На его вкус, она чуть не вышла ростом, но тут же ему пришлось напомнить себе, что она здесь — с одной целью: помочь пережить тяжелые моменты жизни, когда ему в грудь будут вставлять свинячьи органы да латать прохудившиеся вены и артерии. А кроме того, он всегда говорил, что не в его правилах встречаться с женщинами, которые прожили на свете в три раза меньше, чем он.

Коуви распахнул дверь и с легким поклоном пригласил ее войти. Провел в гостиную, усадил на диван.

— Добро пожаловать, мисс Маккэффри...

— Может, лучше Мак? Так звала меня мама, когда я хорошо себя вела.

— А как она звала вас, когда вы вели себя плохо?

— Тоже Мак. Только с другими интонациями. Так что, начинайте.

— Начинать что?

— То, что собирались мне высказать. Что я вам тут совершенно не нужна. Что вы не нуждаетесь в чьей-либо помощи, что пригласили меня лишь для того, чтобы ублажить вашего кардиолога, что вас не нужно водить за ручку и гладить по головке, что вы не собираетесь менять диету, не хотите заниматься физическими упражнениями, не собираетесь бросать курить и не желаете отказываться от... — она посмотрела, какие бутылки стоят в баре, — ...от вашего портвейна. Правила у нас следующие. Я не собираюсь водить вас за ручку или гладить по головке. Это — моя часть сделки. Но да, вам придется бросить курить...

— Бросил еще до того, как вы появились на свет, спасибо вам большое.

— Хорошо. И вы будете заниматься физическими упражнениями и перейдете на кардиологическую диету, продукты, полезные для вашего сердца. Что же касается портвейна...

— Подождите...

— Думаю, мы ограничимся тремя стопками на вечер.

— Четырьмя, — быстро вставил он.

— Тремя. И я подозреваю, что на самом-то деле обычно вам хватает двух.

— Я готов согласиться на три, — пробурчал Коуви.

Черт, она ему понравилась. Он всегда любил женщин с сильным характером. Как Вероника.

А она перешла к другим темам. Объяснила, чем занимается Центр поддержки кардиологических больных и чем не занимается.

— Как я понимаю, вы — вдовец. Сколько лет вы прожили с женой?

— Сорок девять.

— Так это же прекрасно.

— Мы с Вер жили душа в душу. Я страшно разозлился из-за того, что нам не удалось отметить пятидесятую годовщину. Я планировал большой прием. С арфистом, буфетом и баром. — Он вскинул брови. — Хотел заказать марочный портвейн.

— У вас есть сын?

— Совершенно верно. Рэндолл. Живет в Калифорнии. Руководит компьютерной компанией. Той, что действительно зарабатывает деньги. Только представьте себе! Носит длинные волосы, живет с женщиной... а ведь следовало бы жениться... но он — хороший мальчик.

— Вы с ним часто видитесь?

— Постоянно.

— Когда говорили в последний раз?

— Вчера.

— Вы сказали ему о вашем состоянии?

— Будьте уверены.

— Хорошо. Он собирается приехать сюда?

— Через неделю. У него много дел. Он готовит крупную сделку.

Мак что-то достала из сумочки.

— Наш доктор в клинике прописал вам вот это. — Она протянула ему пузырек. — «Люминакс». Препарат, снимающий тревогу.

— Я говорю «нет» наркотикам.

— Это — препарат нового поколения. Вам предстоит многое пережить. Эти таблетки вам помогут. У них практически нет побочных эффектов.

— Вы хотите сказать, после их приема я не превращусь в битника, каким был много лет тому назад, когда жил в Виллидж? Пожалуй, я откажусь.

— Он пойдет вам на пользу. — Сестра вытрясла две таблетки в крышку и протянула ему. Прошла в бар и налила стакан воды.

Наблюдая, как она ведет себя, будто хозяйка, Коуви недовольно пробурчал: на переговоры не идете?

— Нет, если знаю, что я права.

— Суровая женщина. — Он вновь посмотрел на таблетки. — Если я их приму, то мне придется отказаться от вечернего портвейна, так?

— Ничего подобного. Вы же знаете, умеренность — ключ ко всему.

— Вы не кажетесь мне умеренной женщиной.

— Да нет же, никакая я не умеренная. Но я сдерживаю себя, когда читаю проповедь. — И она протянула ему стакан с водой.

В Нью-Джерси они поехали уже во второй половине дня, ближе к вечеру.

Тол включил радио. Попытался найти программу «Час оперы», о которой упоминала медсестра Мак.

Ла Ту удивленно глянул на приборный щиток, словно и не подозревал, что в автомобиле установлен радиоприемник.

Пройдясь по всем диапазонам, Тол нашел несколько программ «Нэшнл паблик рейдиоу», но только не «Час оперы». В какое время она слушала «Мадам Баттерфляй»? Он не мог вспомнить. Сдавшись, Тол остановился на новостном канале. Ла Ту послушал новости пять минут, а потом переключил радиоприемник на средние волны, на спортивный канал.

Автомобиль он вел отвратительно. Постоянно менял полосы движения, то значительно превышая разрешенную скорость, то резко тормозя. Иногда показывал водителям средний палец.

Наконец Ла Ту свернул с автомагистрали на извилистую боковую дорогу.

Компания «Монтроз фармацевтик» занимала несколько зданий из стекла и хрома на территории технопарка. Судя по количеству «мерседесов», «ягуаров» и «порше» на стоянке для автомобилей сотрудников, дела у компании шли очень даже неплохо. В элегантной приемной жетоны управления шерифа округа Уэстбрук вызвали удивленно поднятые брови. Но, как заключил Тол, именно внушительные габариты Ла Ту и его злобные взгляды помогли им миновать все секретарские баррикады.

Пять минут спустя они сидели в кабинете президента компании, Даниэля Монтроза, энергичного лысеющего мужчины, вплотную приблизившемуся к пятидесятилетнему рубежу. По светящемуся в глазах уму и измятой одежде Тол догадался, что видит родственную душу: скорее ученого, чем бизнесмена. Монтроз качался взад-вперед на стуле, вглядываясь в них сквозь очки в тонкой стальной оправе.

Какое-то время все молчали, и Тол физически чувствовал, как нарастает напряжение. Он искоса глянул на Ла Ту, который сидел, откинувшись на спинку кожано-хромированного стула, и неспешно оглядывал кабинет.

— Мы готовились к конференции наших оптовиков, — внезапно подал голос Монтроз. — У нас — хорошие результаты.

— Правда? — спросил Ла Ту.

— Совершенно верно. Продажи растут. В этом году мы проводим конференцию в Лас-Вегасе.

— Расскажите нам о «Люминаксе», — перешел Ла Ту к цели их приезда.

— «Люминакс». Точно, «Люминакс»... Я бы хотел узнать, если, разумеется, не нарушу этим ваши правила, для чего вам это нужно? И почему вы приехали сюда? Вы ведь ничего не объяснили.

— Мы расследуем несколько самоубийств.

— Самоубийств? И «Люминакс» как-то в этом замешан?

— Да, конечно.

— Но... его основа — легкая производная диазепама. И трудно даже представить себе, какой должна быть смертельная доза.

— Нет, люди умерли по другой причине. Но мы обнаружили...

Неожиданно открылась дверь, и в кабинет вошла ослепительно красивая женщина. Увидев посетителей, она растерянно моргнула.

— Извините. — В тоне извинительные нотки отсутствовали напрочь. — Я думала, ты один. — И положила несколько папок на стол Монтроза.

— Это — полицейские от округа Уэстбрук, — пояснил президент компании.

— Полиция? Что-то не так?

Тол дал ей на вид сорок лет. Удлиненное лицо, холодные глаза, красота европейской модели. Стройные ноги с накачанными бедрами любительницы бега.

Ни Тол, ни Ла Ту на вопрос не ответили. Монтроз представил им женщину — Карен Биллингс. Должность у нее была очень длинная, что-то связанное с продвижением продукции компании на рынок и связей с пациентами, то есть конечными потребителями.

— Они спрашивают насчет «Люминакса». Говорят, что возникли кое-какие проблемы.

— Проблемы?

— Они только что сказали... — Монтроз передвинул очки выше по переносице. — Так что вы сказали?

Ответил ему Тол.

— Два человека покончили с собой. Содержание «Люминакса» в их крови в три раза превысило норму.

— Но от этого они не могут умереть. Не могли. И я не понимаю, почему... — Карен посмотрела на Монтроза. На их лицах не отражалось никаких эмоций. Потом холодно спросила Ла Ту: — Что вы хотели бы знать?

— Прежде всего, как препарат мог попасть к ним в кровь? — Ла Ту откинулся на спинку стула, который протестующе заскрипел.

— Вас интересует, как он мог попасть в организм?

— Да.

— Только через рот. В виде инъекций препарат не выпускается.

— Но его можно смешать с едой или напитками?

— Разумеется, — ответил президент. — Препарат растворим в воде. Горькая добавка...

— Горь?..

— Сам препарат не имеет вкуса, но мы вводим горькую добавку, чтобы дети выплевывали таблетку, если случайно сунут ее в рот. Но горечь можно замаскировать сахаром или...

— Алкоголем?

— При приеме препарата рекомендовано воздерживаться от... — вмешалась Биллингс.

— Я говорю не об инструкции, — прорычал Ла Ту. — Я спрашиваю, можно ли убрать горечь, растворив таблетку в спиртном?

Она помялась. Потом ответила: «Можно», — и раздраженно забарабанила ногтями по столу.

— А как он действует на человека?

— Снимает тревогу и поднимает настроение. Но не как таблетка снотворного. Человек просто расслабляется и чувствует себя более счастливым.

— Действует на способность соображать?

— Есть некоторая когнитивная димунация.

— Нельзя ли попроще? — буркнул Ла Ту.

— Человек испытывает легкую дезориентацию... как бывает, когда он счастлив.

Тол вспомнил ошибки в предсмертных записках.

— Может препарат влиять на почерк и правописание?

— Да, может.

— Может воздействовать на оценку ситуации?

— Оценку ситуации? — переспросила Биллингс. — Это — субъективно.

— Что вы хотите этим сказать?

— Нет четких критериев, позволяющих определить способность человека что-либо оценивать.

— Нет? Как насчет человека, который сует ствол пистолета в рот и нажимает на курок? — спросил Ла Ту. — Я называю это неадекватной оценкой ситуации. Есть шанс, что вы со мной согласитесь?

— К чему вы клоните? — взвизгнула Биллингс.

— Карен, — остановил ее Монтроз, снял очки и протер глаза.

Она босса проигнорировала.

— Вы думаете, они приняли наш препарат и решили покончить с собой? Вы думаете, мы в этом виноваты? Этот препарат...

— Этот препарат приняли двое людей, может, четверо, а потом покончили с собой. Что мы можем сказать по этому поводу с точки зрения статистики? — Ла Ту повернулся к Толу.

— Существуют серьезные предпосылки для установления связи между двумя этими событиями.

— Вот видите. Наука сказала свое слово.

— Может передозировка «Люминакса» ухудшить способность человека правильно оценивать ситуацию? — продолжил Тол.

— Не настолько, чтобы они решили покончить с собой, — твердо ответила Биллингс. Монтроз промолчал.

— Это и ваше мнение? — спросил его Ла Ту.

— Да, — после паузы ответил президент.

Тол гнул свое.

— Но этот препарат делает человека более восприимчивым к предложениям других людей?

— Я не понимаю, о чем вы! — воскликнула Биллингс. — Это... безумие.

— Мог кто-нибудь убедить человека, принявшего слишком много «Люминакса», покончить с собой?

В кабинете воцарилась тишина.

— Я в этом сильно сомневаюсь, — нарушила ее Биллингс.

— Но вы этого не отрицаете, — пробурчал Ла Ту.

Биллингс и Монтроз переглянулись.

— Да, мы этого не отрицаем, — проговорил Монтроз, отводя взгляд.

Перевод с английского Виктора Вебера.

Окончание следует.

Ленские Столбы

Эти величественные скалы сплошной стеной тянутся по правому берегу красавицы Лены. Вблизи каждый столб напоминает волшебное изваяние, гениальную скульптуру, нечто феерическое и фантастичное. А многим они напоминают средневековые замки, церкви, восточные колонны, древние города. Ленские столбы (Туруук Хайалара) протянулись вдоль берега реки более чем на 40 км. На них обнаружены многочисленные наскальные писаницы, выполненные желтой минеральной краской древними жителями этих мест. Высота Ленских Столбов определяется глубиной вреза долины р. Лены в Приленское плато и составляет около 200 м. Эти произведения природы поражают своими размерами, внушая чувство восхищения и ощущения собственной миниатюрности.

История возникновения этого природного памятника уходит в глубокое прошлое. В раннем кембрии здесь, над Оймуранским барьерным рифом, плескалось неглубокое теплое море, на дне которого формировались карбонатные осадки. За это время вследствие глубинных тектонических процессов территория Сибирской платформы поднялась на 200 м. В земной коре возникли глубокие зоны разломов, и началось врезание рек, в том числе и Лены, с образованием обрывистых берегов.

6 августа 2007 г. стало известно, что заповедник «Ленские Столбы» в 2009 г. будет включен в список памятников природного наследия человечества как «Природный ландшафт «Ленские Столбы».

Альберт Зялаев

Александр Малышкин

Комнаты

Александр Георгиевич Малышкин *(1892-1938)* – один из немногих писателей советской эпохи, кого при жизни не подвергали разгромной критике, а после смерти не забыли и регулярно печатали.
Сын приказчика бакалейной лавки в уездном Макшане, он первый в роду получил гимназическое, а затем университетское образование. Полюбить литературу ему помогла Лермонтовская библиотека в Пензе, где он учился в гимназии. Тогда же, в начале 1910-х годов, публикует свои первые стихи и рассказы.
По окончании Петербургского университета, а вслед за тем школы прапорщиков, Малышкин досрочно производится в офицеры и направляется на Черноморский флот.
Полгода он служит младшим флотским офицером в бригаде тральщиков в Севастополе, а в связи с революционными событиями становится командиром матросского отряда. После демобилизации он возвращается в родные края, сотрудничает со многими газетами и журналами. Спустя полтора года Малышкин вновь призывается в армию и служит при штабе командарма М.В.Фрунзе.
Его опыт участия в революционных событиях, память о боях за Перекоп послужили главным материалом для создания повестей **«Падение Даира»** *(1923)* и **«Севастополь»** *(1929)*. Эти произведения, а также рассказы, написанные в 1920-х годах, привлекли внимание критиков и читателей к нему как к яркому и самобытному явлению новейшей русской литературы. Трагическое и обыденное в его прозе, неоднозначной, противоречивой, волнует и сегодня, заставляя более пристально вглядеться в наше прошлое.
Предлагаем вашему вниманию один из неопубликованных рассказов, написанный в 1922 году.

Все-таки еще оставалось что-то...

А ведь как будто канули навсегда все одиннадцать фронтов, протопавших через город сапогами красных, белых, маруськинцев, махновцев; уже иные налаживались годы – усмиренные, стихающие, как откатная волна.

И уже в открытую, спокойно, выходили из нижнего этажа, от Шмуклеров, каждое утро с корзиною на Проспект, в «собственный» магазин, с той же зеркальной выставочкой в цветных лампионах. Правда, весь магазин – караты, золотники, пробы – укладывался пока в одной корзине и на ночь – обратно домой, тиском на дно старых кованых сундуков; на сундуках, покряхтывая, улягутся на ночь сами супруги Шмуклер. И мясник из надворного приземистого флигеля встал за прежний, тот же третий от края прилавок в сумрачных, задавленных кровавыми мясами катакомбах; к ночи во флигеле, как когда-то давно, высыпалась дневная добыча на стол – рыхлыми ворохами кредиток, досыта перемусливалась обмороженными за день, изалкавшимися пальцами, перевязывалась в тугие, сладко стучащие пачки и опасливо пряталась под изголовье. И во втором этаже, у Пучковских, давно сняли упрятанную мебель с чердаков, в зале на прежнем месте пианино. По навощенному паркету – ковры, комнаты нарядились пестротой резных полочек, сервизных горок, этюдиков, кружевных гардин – будто здесь и не топали никогда грязные красноармейские боты, будто опять, как давно, в Варшаве – вечерние приемы, окна на Маршалковскую – в веселую толпу, в лепет и сверканья улыбающихся экипажей.

На плечах у Веры Адамовны – каракулевый сак, извлеченный после стольких лет из тайных нафталинных хранилищ. Вера Адамовна, постаревшая только около глаз и не утратившая былой красивости, так же статно и с достоинством сплывала по парадному на базар, с изящным чемоданчиком в руках. В чемоданчике – вазочки, кувертики, ложечки: жалованья мужа и старшей Софочки все равно не хватало. Но мимо этих «нуворишей», Шмуклеров, мясников, тех, с третьего этажа – заведующих губкопом – или как там? – по-прежнему Вера Адамовна проходила с прежней манерой своей, не замечая, брезгливо опустив глаза: как будто и теперь что-нибудь значило, что в прошлом муж,

Андрей Капитонович — действительный статский, ордена, влиятельные знакомства, и что в Варшаве когда-то так незабываемо, так блистательно прошумела младость...

Над Днепром залечен взорванный гайдамаками чугунный пролет, опять задышали, загудели поезда. На пустырях, помнящих рычание шестидюймовых из-за Днепра, заелозили каменщики и плотники из губкоммунхоза. Побежал трамвай мимо кафе-баров, аукционов, конфексионов, зеркальных берегов улиц, оживших беспечно плещущей толпой. Разве не все, как тогда?

Вместе с магазинами и трамваями пришел великий голод. Из зачумленных, где-то за степями, деревень дополз и до города, в нищенские слободы, в низы. Голодные валялись в смрадных отрепьях по панелям, по шелудивой мостовой базаров, раззевали земляные рты, дышали воем...

Особенно беспокойно было от пустырей, от пепелищ, от выкорчеванных ям на бульварах, хранивших еще дикое дыхание тех лет. Даже из центра многолюдного города, с горба щеголеватых, европейских когда-то улиц сквозил всюду дымный нелюдимый Днепр, голые степи. Будто неотступные чьи-то глаза выискивали, обнажали самые сокровенные недра магазинов и квартир.

У голодных были такие глаза. Их выгоняли с парадных, боялись.

И только ночью — вместе с сонным светом ламп — могли отдохнуть комнаты и спокойно раскинуть свои тихие замкнутые царства. Из окон, наглухо заложенных ставнями, уходили степи; уюты были укрыты за прочными каменнейшими стенами.

... И ночь, комнаты, степи плоско лежали, жили на яркой карте оперативного штаба по борьбе с бандитизмом. Степи огромны, желты. На картах через Днепр, через петлистые разбеги дорог вьется ядовитая алая стрела — путь той самой банды Цивюка, Гринько или кого там. Ветер свищет в перекидку над пустыми осенними шляхами; конные в краснозвездых шлемах рыщут по пустым шляхам — нет, нет никого. Степь ползет тьмой в подмостные балки, в пригороды, базарные притоны, в пустыри. Над трубами сизая с Днепра муть, воет в трубы степь.

Ночью, в четыре, в лохматых сумерках коптилок просыпались — будила пронзительная тоска, вставшая вдруг из вещей. Что-то огромное придвигалось к ставням — слишком тонким, слишком хрупким — шарило голодными глазами в упрятанном, ничего не чующем мирке, комнаты дрожали от застенных ветров. Где-то бахали выстрелы: опять налет. Люди в одном белье ползли к окнам, слушали — опять не было ни стен, ни крыш, ни безмятежных лет: степь, одна степь свистала кругом, крутилась, покрывала того, кто во тьме...

Дом — почти в центре, но за флигелем двор открыт, забора нет, какие-то на версту огороды, детский приют, пустырь, глинистый скат в слободскую балку. Оттуда могли прийти...

В шесть запирали парадное на болт и на крючок. Наглухо закрывались ставни, во всех квартирах зажигались керосиновые лампы, начиналась возня и стукотня. У Шмуклеров и у мясника гвоздями заколачивались на ночь обитые изнутри железом двери и ставни, на третьем этаже возили по полу чугунные ящики и сундуки, громоздя их куда-то, у Пучковских в мерзлой кухне и в боковой, нежилой комнате, у окон и дверей, настораживали особую западню из ведер, табуретов, щеток и самоварной трубы, с таким расчетом, чтобы все с грохотом рухнуло при малейшем толчке.

Хлопотал Андрей Капитонович, щуплый, с красным слезящимся клювиком из-за поднятого воротника пальто. Старшая, Софочка, тоскливо слонялась мимо, ежила плечиком, нервно бросила:

— Папочка, бросьте, смешно. Кого это испугает?

В восемь стихали стуки, мурлыкало пианино внизу, у Шмуклеров; дочь Шмуклеров, Фея, вывизгивала прилежно свои колоратуры из «Риголетто». Бриллиантам было тепло лежать где-то в крепких сундуках, старики примащивались под ужин, в железные ставни и двери ночь стучалась дико и бессильно. Ария Джильды звучала — будто кругом мир непоколебимо спокойных, обычных событий; барышне мечталось о многолюдных, ярко освещенных залах, где веселились и рукоплескали. Все это еще будет, будет...

И у мясника, в спертых заколоченных горницах, в красных пологах над дубовой постелью,

в толстоногих комодах и стульях — тесно, тепло, блаженно. Выпить у шкафа рюмку разведенного спирта, пока перед ужином спит жена, сесть у абажура, развернуть толстую приходно-расходную книгу — там цифры мчат, как разогнанный под уклон поезд, само мчит блаженно и налажено к зеркальным, к собственному гастрономическому на Проспекте.

Хорошо, у кого сбываются сны!

Во втором этаже, после желудевого кофе, ложился в постель Андрей Капитонович, в фуфайке и жениной теплой кофте. У головы — коптилка, в руках — старый «Вестник Европы», на носу — очки. В постели, в медлительно по-старому рассказывающих страницах, отходили колючие унизительные дни, с несчастным бухгалтерством в финотделе, семейные дрязги, назойливые и прожорливые Шмуклеры. О, эти Шмуклеры, которые, задыхаясь, лезут из всех щелей, торопливо и цепко хватая жизнь — их дочерям манто, шикарная лакированная поступь по панелям, дорогие музыкальные курсы, все! А он уже слаб телом, ему нужно отдохнуть, не такую силу надо в ветрах, в упрямых зияющих пустырях...

В зале, за круглым столиком, шуршало шитье на коленях у Веры Адамовны, шуршали листы старых варшавских журналов у барышень — по журналам, по иллюстрациям легче было вспомнить польский: документы на оптацию могли прийти каждый день. Шипела чугунная печка за японской ширмой (чтобы не нарушать стиля), на стене, в красноватом ламповом озарении — нет, не та — иная Вера Адамовна, с гордо приподнятым подбородком, с орлиным взметом бровей. Это тех времен, когда шумные вечерние приемы, с дочерями прогулки по магазинам — вдоль чудесных, опьяненных, затопленных вещами миров — дочери тогда в пейсиках, в капорах, в чулочках выше колен. И вечером — на варшавской квартире — бурный, ликующий о жизни гром рояля в раскрытое над городом окно.

Об этом текут долгие рассказы, мерно, уютно, как щебет. Все могло бы быть опять, если бы у них, как у Шмуклеров или у мясников, у этих хамов... если бы у папы не больное сердце. Вере Адамовне грустно думать про дочерей. Софья изнервничалась, вместо курсов — на этой идиотской службе, которая почти ничего не дает. Был жених, железнодорожный инженер, или там техник, занимал в революцию ту заколоченную комнату. Софье он нравился: по вечерам, когда ложились все спать — по голодным и страшным тем вечерам хихикали, весенним ветром шепталась в темных уголках младость. Но тогда отговорили, потому что хам, потому что отец крестьянин, хохол из какой-то там Снигиревки, еще вопрется в комнаты, имеет право... Потом так чуть-чуть, так смутно стало жаль Вере Адамовне — маме: будто она виновата, что у грубой басовитой Софочки спрятанная, нерассказанная никому боль, что счастье, может быть, пропущено навсегда, что девичье, нежнейшее, единственное — тускло, не изжито идет на ущерб...

А вторая, Лидочка, со слезящимся клювиком, как у папы, с красным, словно обваренным лицом — глуха к жизни, к певучей радости всего, что бывает в двадцать два, любит под шаль, около мамы, только комнаты, дом, жадно поесть...

О, если бы Польша, прекрасная Польша!..

К стенам вплотную приступала ночь, за стенами — за Днепром скакали настороженные, подбородками к гривам; кто-то из зорких и властных высот бодро стерег громады степей: на картах они лежали плененно и покорно... В пустырях корчилось и выло, как голодным ртом; может быть, заглядывало жадно в комнаты — в устойный покой вещей, в запертое алчно и боязливо от них. И вдруг чугунным грохало на потолке; Вера Адамовна и Лидочка переглядывались застигнуто, с немеющими руками...

Софья раздраженно дергала плечом.

— Ч-черт!.. эти там... ж-жиды... возятся с разными своими...

Вера Адамовна, боясь тишины, слащаво просила:

— Софочка. Сыграй, милый друг!.. Я нашла утром те ноты, которые подарил Домжиковский, помнишь гимназию?

Гимназия...

Бездонные ковры лестниц, влюбленные шепчущиеся переднички, во сне — лиловый ветер из рекреационного садика, из сирени...

Где, не навсегда ли?..

Софочка с недовольным лицом — оно было таким всегда — зажигала коптилку у пиа-

нино, сердито листала ноты, тусклые лики вспыхивали. Толстые пальчики тыкались в клавиши, брели медленно, мучительно, капля за каплей — «Смерть Азы», любимую. Русая курносая головка дергалась непоспевающими прыжками от нот к клавишам, от нот к клавишам. Но все-таки, но все-таки...

— Ра-ра-буммм... Ра-ра-буммм.

Есть, есть это — мир светлых, нежных, иных людей, комнаты, распахнутые в безбрежные светы, в радость — в них будто медленно и упоенно летели со смеженными глазами.

Документы придут, они уедут, уедут...

И комнаты, полузакрыв глаза, слушали, дышали, оживали теплотой — объятиями раскрытых кресел, мучительной жадностью шуметь, пылать, трепетать всеми извивами, блесками, уютами ласковых любовных уголков...

Сколько лет не горели канделябры! Сколько лет не снимались чехлы!

Правда, бывали еще гости, но кто.

Клочки разметанных жизнью знакомств, чаще старики, важные смешной важностью того, что давно и дотла смыто бурей... муж в седой гриве, в лиловых жилках, любящий кудревато и скучно поговорить о религии, об оккультических чудесах; жена — в густо накрученном старомодном шиньоне, с лицом будто из папье-маше, до того густо белы лоб и нос и розово-сини щеки, с трубным голосом, знающим наизусть, где и как надо удивиться, воскликнуть, сочувственно вознегодовать...

Вера Адамовна надевает тогда шелковое и величественный воротник «медичи»; подбородок у нее, как на портрете. Андрей Капитонович в сюртуке и стоячих. Он, не спеша, почмокивая губами, чинно рассказывает — не как на хамской службе, где все на скаку, срывом; здесь слушают вежливо и приятно каждое слово. На столе торжественно — вазочки, блюдечки, дорожки на скатертях, печенье с кардамоном, монпасье, настоящий чай; дочерей называют «девочками», они в светло-сероголубых, от гимназических выездов платьях, в кружевных воротничках, и Лидочке торжественно, уютно до сжимания сладчайшего в сердце.

Но Софье кажется тогда все особенно унизительно жалким: и что ходят только эти старики, от которых будто тухлая, тоскливая моль на душу — и эти вазочки, блюдечки, печенье на сахарине и эта бурная радушность, будто от изобилия, а ведь у них, как в голодные годы, сахар делится на четыре доли, по счету, и каждый к чаю выходит со своей коробочкой, — и это мамино «медичи», устаревшее, каких теперь не носят, жалкая, ненужная величественность...

Порой нахлынет, стиснет горло — вот топнуть, вот такое, чтобы свернуло лица у тех стыдом и ужасом. Так — сладко...

— Ра-ра-буммм... Ра-ра-буммм...

Комнаты шли ко сну, папа уже тихо посапывал, забыв снять очки, ему еще вставать, слушать дом. Вера Адамовна целовала девочек — уходила, унося в себе наигранную клавишами грусть, всхлынутое из давнего; на затихший клювик Андрея Капитоновича, проходя, смотрела почти мстительно — это он, он нарочно не хочет...

Софочка бросалась в подушки — волной всходили, кипели улицы чудной земли, улыбки того, кто был там, за далекими рубежами — был ли?.. Вечеровые трубы пели в садах пронзительно и душно...

Польша, прекрасная земля...

И Лидочке снилось: в огромной столовой — весенние окна в сад, нарядная мама, солнечным вечером гости, колыбельная, детской беспечностью опахнутая жизнь...

У комнат своя неслышимая музыка — креслами, тьмами углов, лампадами в надворном флигеле — в самую кровь — гвоздь за гвоздем — каждому свое.

— Ра-ра-буммм... Ра-ра-буммм...

В нижнем этаже, где в потушенных комнатах бриллианты могли вспыхнуть страшными огнями — или это глаза, тысячи обезумевших глаз из-за ставень? — в нижнем Фее снятся ярчайшие залы, она сама снится себе — провожаемая шепотами, толпой взглядов вслед, к подъезду, к своему автомобилю обольстительнейшей, знаменитой...

И глухо спали во флигеле у мясника. Там на столе с вечера приготовленный автомобильный рожок, под кроватью, ближе к изголовью, топор. Могли прийти.

Только стены отделяли от краев бездонного, поглотившего мир ветрами и тьмой. Кто знает, какие могли прийти в глухой, задавленный снами час...

И ночью пришли.

... Все сразу проснулись, вырванные из теплых снов, посаженные броском на кровати, с отупело раскинутыми глазами. Предчувствие дикой беды жило, неслось бураном.

Девочки выкатились в столовую, завернутые наскоро в шали поверх рубашек.

— Что это, папа?

У Андрея Капитоновича пыхала коптилка в трясущихся руках. В меховом пальто, в кальсонах, сгорбился среди столовой, прислушивался. Во флигеле, во всех темных квартирах, накинув на себя что попало, вставали на цыпочки, прислушивались. Вера Адамовна пробрела со страдальческим лицом из спальни, упала на диван, закрыв, сдавив глаза.

— Это — ад, ад!

Андрей Капитонович плачуще махал рукой.

— Шшш!..

Снизу снова загрохотало в паркет, кто-то. Валясь от ужаса, взвыл.

— Ооо... Ооо...

Это — от Шмуклеров.

Андрей Капитонович волок табурет, торопясь и пошатываясь, влез на стол и концом длинной щетки застучал в потолок: это был условный знак верхним. Сверху тотчас же застучали в ответ; вдруг загрохотало и из стен: услышали и давали знать из соседних квартир. Снизу Шмуклеры продолжали надрывно кричать, набарабанивать. Из всех темных углов дробно скакало, как зубы.

К Шмуклерам ломились через подвальный черный ход — со двора.

Было слышно, как тупо ухали там, били сапогами в железные двери, ветром или человечьим криком лаяли:

— Ааy!.. Ааy!..

И под полом, не спуская, должно быть, потных обезумевших глаз с шатающейся двери, стонали:

— Кто-о?.. Кто-о?..

Со двора, торопясь, нагло ухали.

— Ааy!.. Ааy!..

И стуки бежали. Стуки бежали, как пламя, из квартиры в квартиру, шатали весь дом: каменный корпус, запертый на все щели, топал и стучал и рычал трусливо в лезущую злобным приступом тьму. Съеженные в одном белье подползали к ставням, к замкам, щупали, крепко ли; за стенами мерещилось искаженное, оскаленное убийством безлюдье, ночь: страшно было подумать, не только выйти, выглянуть.

Искали трясущимися руками щетки, палки, кочерги, стучали.

Стучала, стиснув зубы, Софочка, стучал Андрей Капитонович. Комнаты стали незнакомыми, вышедшими из воли. Шкафы, впадины дверей пугливо шарахались, приседали, метались, как люди — укрыться, бежать. Столовая будоражилась в хаосе прыгающих теней, взрытой постели, стульев и столов не на своем месте; две женщины, придавленные, под шалью, упали в кожаный угол дивана, жались...

И зал стоял в глубине — паникадильно, недвижно, обреченно.

Стройно, до канделябр, высились сумерки, слегка освещенные через раскрытые двери столовой, дышали волнующей теплотой, странной жизнью. Мечтательно поблескивали зеркала, полированные спутанные стебли ножек, округлости кресел, листья пальм лились беззвучно в темноватые сказочные шатры, там грезило о каких-то несвершенных балах — будто накануне праздничного рассвета, окон, залитых огнями.

От Шмуклеров корчилось, выло сквозь грохоты:

— Ооо!.. Ооо!..

Вера Адамовна не вытерпела, соскочила с дивана, белые губы на Андрея Капитоновича трубкой, злобой навзрыд:

— Это ты, ты!..

Стучала кулачками по столу.

— Ты не хотел, чтобы мы вырвались из этой проклятой страны! Скажи, чего мы ждали до сих пор? Почему уехали Домжиковские, Сафронские? Мы имеем право на оптацию, непра-авда, мы прожили там двадцать лет! Ты, ты, со своим упрямством, ты губишь всех, всех...

Андрей Капитонович, трясясь, стоял, глаза из пальтеца заострились злобно, измученно.

— Опять... тебе говорить. Куда поедем, издыхать? Чтоб я бросил... бросил все вещи... Тут за бесценок! Их никогда... теперь никогда... Куда мы там... нищие.

— Твои вещи-и-и! — с ядом, с уничижением, с горечью. — А это вот лучше? — Вера

Адамовна грозно повела рукой на окно. — Так надо? Твои вещи-и-и!

— А!

Лидочка мучительно крикнула:

— Папа!

Он, коротко отмахнувшись, схватившись со стоном за сердце — всегда, всегда после таких сцен — бежал уже в темный коридорчик, на кухню, там споткнулся, западня из ведер и поленьев обрушилась вдрызг, летела во все стороны с грохотом и звоном.

Софья, бросив стучать, запыхавшись, нагнала.

— Ты с ума сошел? Куда?

В темноте остановился, тяжело дышал.

— Я сейчас... посмотреть... окно...

Плакал, что ли?

Она потянулась, хрустнула руками изнывно, презрительно, устало.

— Ах... все вы...

В мерзлой кухне зажигал свет — бережно, в ладонях, чтоб не потратить лишнюю спичку. Дочь глядела, горько качая головой — какой старый, больной, загнанный человечек. Тот ли это папа, который провел через жизнь трудный, драгоценный корабль дома, семьи, когда-то огромный и всемогущий папа, папа — бог! А теперь — как плоска, как жалка, как слишком понятна вся жизнь, ничего, ничего нет...

Она сжала пальчиками папильотки на висках, шаль разъехалась — грудь крутая, взмываемая горячим дыханием — ей жить, жить, пить обжигающую жизнь. Нет, не давать прыгать губам, она все-таки сильнее всех, должна быть сильнее, жить.

— Боже! Эта хамская власть! Бросают на произвол, режь, грабь! В конце концов, уеду одна, брошу все... Ч-черт!

За тонкими ставнями грохало всем домом, стараясь запугать мрак, в подвале выло задушенным ртом, ночь скалилась нелепая, ополоумевшая, не людская. Сквозь нее вылезали дни, прожитые вчера, позавчера, протащившиеся на горбе тусклой, медленной реки — нет, и они были не лучше. Все глядело, утыкалось в омерзительную тупь... когда же конец, когда? Комнаты Лидочкиным голосом хныкали:

— Папа, папа!..

Пора было вернуться. Все так же сидели на диване: Вера Адамовна лицом в ладони, Лидочка с боязливо подвернутыми ногами — под шаль, под мамино, не греющее крыло. В паркет стучали бурей: будто там уже врывались — будто последнее спасение — проломиться, прорваться вверх...

Вой шел хрипло, не человечьи.

Будто другой, не всегдашний, ночной Шмуклер валялся в кровавой луже, руки, протянутые к потолку, плясали.

— Ооо! Ооо!..

Лидочка, оцепенев, глядела в зал. Туда тянуло жутко и неотвратимо.

Грозовое дыхание было над скученностью теплых и пушистых уютов, зеркал, невнятных ковров. Зияние комнаты было бездонно — омутом через все этажи. Это к ней, к ней, к ее замурованной роскоши, к скопленному, жадно укрытому рвались, хрипя, двери задыхающимися бешеными сапогами раскрамсывая.

... Подползшие из подмостных притонов, из мерзлой и лютой степи, вышибленные из всех человечьих дорог — те, которых завтра, послезавтра где-нибудь в подвале пулей в затылок — уже гладили, ласкали вещи ознобными пальцами, захлебываясь от алчности, от тепла...

Хотела закрыть глаза, но уже было нельзя — они мучительно видели сами — насильно.

... Папа, папа — ведь это в полированных ножках, в лакированных выгибах, в стеблях ссохлых цветов — его узловатые, синие от астмы руки и ноги, как в тот припадок... Ведь в дереве, в воздушных, будто невинных этюдиках, в сияющем никеле постелей, в бронзе канделябров — его живое, жалобное мясо, годы истоптанных в девять утра улиц и лестниц, служебных волнений, кем-нибудь не так сказанных слов, от которых еще немного надорвется сердце... нет, никто не смел, не смел даже думать, этого не могло быть — вычеркнуть годы, всю жизнь в одну ночь...

— Па!.. — пискнула она, задохнувшись; ее всю скомкало, повело навзничь.

Софочка, с сердцем отшвырнув палку, побежала за водой, Вера Адамовна, выглянув, опять спрятала голову в ладони, качалась...

Чтобы каждым качанием, как кнутом, по тому — эгоист... эгоист...

И на всю ночь вдруг густо застонало автомобильным рожком от мясника: отчаяшись у нижних, уже лезли одурело туда, дубасили в дверь. Андрей Капитонович перестал стучать, стоял растерянно, оглушенно. А если придут к ним? Что значили эти игрушечные ставни, хрупкие никелированные цепочки на дверях...От Шмуклеров отчаянно завопило в вокзальный колокол — там вспомнили теперь от радости, нашли и бешено названивали. Сверху раздирающе били в железный заслон.

Дом одичал, ходил ходуном, во дворе уже пугались, орали злобней.

Софочка, сцепив зубы, крутилась.

— Мне бы наган... из кухни дверь на цепочку, в спину бы... ввот! ввот! ввот!

Зубы наскрипывали.

И уже от мясника истошно и глухо выл человечий голос сквозь камни — там метались в горницах, сдвигая пудовые столы и комоды к дверям и окнам. Рожок пронзительно и дрожно стонал, колокол бил оглушительно, пожарно, сверху шаманили в заслон. В приюте, за пустырем, проснулись перепуганные дети, зарыдали, заныли в ночь тысячами тонких безумных скрипочек.

Ночь сходила с ума.

Софочка бегала по комнате растерянно.

— Я не могу больше. Папа же, так больше нельзя! Я работаю, я отдаю вам все жалованье, когда же конец всему этому, когда? Я жить хочу! Ч-черт мне со всеми вашими...

— Софья... — изнемогал в пальтеце, уныло присев на стул, добитый. — Какие вы все... безжалостные...

Софья топала каблучком, папильотки взлетали дыбом, визжали вместе с ней:

— Уйду!

И на улице бабахнуло под самым окном. Кто-то бежал по камням мостовой, торопливо нырял в темноте, вышаривал. Бабахнуло в воротах.

Спасенье?

Стуки сразу стихли, ночь стояла, как всегда в четыре — в глухом океане сонности.

На дворе дико свистнули, просыпали топотом по камням. Еще свистнули — где-то далеко в пустырях. В пустыри уходили.

Подоспевшие рыскали во дворе, стопывали вниз, в подвальный, перекликались деловитым и успокаивающим говорком. В квартирах еще не верили, сидели, замерев. Но сплывал, таял страх, тьма стала иной, дремотной и пустоватой, в ней чуялось, как за Днепром, за дымами деревень, поднимающихся в утро в сумерках светцов, по балкам, по опушкам заледенелых перелесков — за ветром выгоняло зарю.

Андрей Капитонович лежал с заостренным клювиком, впалости глаз темнели пятаками, как у мертвеца. Девочки молча суетились, прикладывали припарки к левой стороне груди. Вера Адамовна у печки кипятила воду, нахохлилась в огонь — тусклая, сгорбленная птица...

Спали.

За ставнями дули по улицам утренние суетливые ветры, брызгали в лицо морозом, выгоняли стучать топорами и молотками в мерзлое — в пустыри, в недостроенные, продутые холодом корпуса. У костров в степи уже варился обед и резкой бескрайной далью звало жить, скакать, двигать холодеющими, общипленными ветром руками.

И рассвет сочился сквозь щели ставень туманным свечением. Было безжизненно тихое, воздушное рождение комнат. Как травы с подводных тускловатых глубей плелись стеблями, немыми объятиями вещи.

... Внизу у Шмуклеров, в железных дверях, в ставнях мрак, во мраке задушенных, тесно набитых сундуков — бриллианты, как огненная клюква, кровь.

Ночные еще не ушли от дверей, только заникли. У спящей в глубокой кружевной постели — будто дымные тиски пальцев на прекрасной шее...

И в душной горнице мясника, — в обеременевших сытостью, приземистых стульях, комодах, развороченных, раздвинутых, как попало, в духоте двухспальной — в таких вот найдут однажды с разломанным черепом, навзничь, с закинутыми руками и теменем в пол. И нет никого в комнатах — следы голодных, исползавших все ног, подмостных грязей, волчьей алчбы...

1922 год

Публикация Станислава Никоненко.
Иллюстрация Романа Львова

Да здравствует мыло душистое!

Игорь Опарин

Видимо, в древние времена люди особо не обращали внимание на личную гигиену, что, правда, отнюдь не мешало им стремиться к красоте и по мере возможности достигать ее.

Ну, а с дурными запахами, неизбежно возникавшими при таком, прямо скажем, наплевательском отношении к чистоте своего тела, научились как-то справляться — их заглушали духами и всяческими притираниями.

Историки считают, что первое мыло появилось у шумеров — они делали его из щелочной соли, растений, золы и животных жиров. Однако употреблялось оно как угодно — в качестве лекарства, помады для волос, только не для мытья.

Геродот рассказывает, что в V веке до н.э. скифские дамы изобрели нечто вроде мыльного скраба, — они растирали в порошок древесину кипариса и кедра, добавляли воду и ладан, натирали полученной смесью тело, а потом смывали ее водой — кожа делалась гладкой и чистой. Зато их мужчины, говорил греческий историк, вообще не мыли тело водой.

В античном мире много времени проводили в банях, которые были своеобразным клубом — здесь встречались с нужными людьми, узнавали последние новости, заключали сделки, отдыхали и развлекались. В здоровом теле — здоровый дух — провозгласили римляне, и, приходя в бани, покорно отдавались в руки рабов, смазывающих их тела всяческими мазями, которые потом снимались специальным скребком, а вместе с мазью удалялась и грязь. Но мазь — это все-таки еще не мыло.

Плиний Старший свидетельствует, что в Древнем Риме на рынках продавали привозное германское мыло из козьего и бычьего жира с примесью золы бука; оно было трех сортов — твердое, мягкое и жидкое. Этот товар был довольно дорогим и доступным лишь аристократам. Менее зажиточная публика использовала в качестве моющих средств глину, золу, мед, мыльные травы, пемзу, бобовую муку, ячменную закваску.

Дикие галлы, обитавшие на территории современной Франции, накладывали на волосы смесь из растительных масел и красной земляной краски. При добавлении воды эта смесь образовывала пену, и, смыв ее, галлы получали чистые пушистые волосы — может, потому у них были такие роскошные шевелюры. Галльские составы тоже попадали в Рим. И, возможно, однажды какой-то древнеримский щеголь додумался для пущего эффекта прибавить к галльской смеси золу морских растений или древесный уголь — наверное, так и был открыт один из способов получения мыла.

В темное средневековье людям стало не до чистоты и мыла, главное было – просто выжить, и о мыле на время забыли. Зато арабы, для которых многократные ежедневные омовения являлись религиозным ритуалом, о нем знали и помнили – они просто заново его изобрели.

В конце VIII века знаменитый арабский алхимик Габир ибн Хайен придумал, как получить твердое мыло — он смешал известь, поташ, козий жир, оливковое масло, золу морских водорослей. Но мыло не стало предметом ежедневного обихода, и еще в XI веке знаменитый Ибн Сина (Авиценна) рекомендовал использовать его для обмывания больных, например, прокаженных, а здоровым советовал пользоваться глиной.

От арабов о мыле узнали испанцы. В Кастилии сей продукт считался роскошью и применялся лишь в домах высокородных грандов.

В 1123 году Венецианская республика завоевала земли на Ближнем Востоке, и в Венецию потекли восточные товары, среди которых было и мыло. А после 1200 года венецианцы научились и сами его производить — они использовали золу от особых кустарников, произраставших в Сирии, с высоким содержанием соды. В XIII веке у Венеции в мыловарении появился конкурент — французский Марсель. Но тут, наверное, венецианцам помог их покровитель — святой Марк. Венеция выиграла эту мыльную войну, задавив марсельцев масштабами производства и экспорта продукции. Вскоре венецианское мыло, приобретя привычную нам форму брикета, завоевало всю Европу и стало главным товаром ве-

нецианских купцов. Только в 1511 году Венеция экспортировала 480 центнеров мыла!

Мыловарение становится государственным делом и попадает под заботу правителей государств, секреты производства различных сортов хранятся как коммерческая тайна. В Англии члену гильдии мыловаров запрещалось ночевать в одном доме с представителями других цехов — а вдруг тайны мыловарения узнают коварные соперники! В Германии мыловарам покровительствовал сам император Карл Великий, а во Франции во второй половине XVII века король издал указ, в соответствии с которым варить мыло разрешалось только летом, и только из золы, поташа и оливкового масла.

Однако мыло по-прежнему оставалось предметом для избранных. Так, в Англии с 1399 года существовал основанный еще королем Генрихом IV орден, члены которого получили особую привилегию — им позволялось в бане мыться с мылом. Большая честь!

Жизнь не стояла на месте, и во второй половине XV века придумали пену для бритья – этот болезненный процесс превратился в весьма приятное и освежающее занятие.

Для женщин в тот же период стали производить самые разные мыла — розовое, гвоздичное, мускусное, лавандовое и так далее. Среди аристократов рождается мода быть чистыми, мыть руки с мылом перед едой и после посещения туалета. Более того, начали и одежду стирать с мылом. Конечно, знать этим себя не утруждала — на это были прачки. Правда, все эти гигиенические новшества пока касались только лица и рук — тело по-прежнему мыли редко, да и белье стирали нечасто — его же никто не видит, чего зря переводить такой дорогой продукт, как мыло. А с дурными запахами боролись с помощью духов. Ну, а если на теле и в пышной одежде заводились насекомые, это считалось признаком нравственного несовершенства.

В деле распространения мыла большую роль — и отрицательную! — сыграла медицина. Еще в начале XIX века врачи убеждали публику, что мыло раздражает кожу, что мытье волос вызывает головную боль, а принятие ванны — нервное расстройство.

В России мыло появилось в XV веке, правда, оно долго оставалось предметом роскоши. Его дарили на дни рождения, на свадьбу.

Русский крестьянин почитал, в отличие от своих современников, живших в Европе, чистоту и ухитрялся мыться и стирать с помощью полусырого картофеля, куска глины, щелоком — древесной золой, распаренной в печке и залитой кипятком. Промышленным способом мыло стали производить во времена Петра Первого, но вплоть до середины XIX века им пользовались только дворяне — в деревнях крестьяне обходились по-старому, щелоком. Главным поставщиком мыла был город Шуя — на его гербе даже изображен кусок мыла. Славились и московские фабрики — Ладыгина, Альфонса Ралле (будущая «Свобода»), Генриха Брокара. Знаменательно, что и тогда дешевые сорта назывались русскими словами, а дорогие — французскими. Среди русских мыловаров выделялся Генрих Брокар. Поначалу на его фабрике из оборудования было лишь три котла, печь и каменная ступка, и работали там сам Брокар да двое рабочих. А стать настоящим мыльным королем ему помогла идея о выпуске первого в России дешевого мыла, оно так и называлось — «Народное», стоило копейку за брусок и было доступно беднякам. Это мыло пользовалось огромным успехом, и высокие доходы позволили Брокару расширить производство

и перейти к дорогим сортам, а уж потом и к духам и одеколонам. Кстати, на Западе тоже производили разное мыло для разных социальных групп. Так, в Англии для рабочих делали «Ливерпульское мыло для бедных», для среднего класса выпускали «Виндзорское мыло», а королева Виктория, проявляя определенный непатриотизм, умывалась импортным, французским, лавандовым или розовым.

Вскоре идеи гигиены стали очень популярны в обществе. Дамы, занимавшиеся благотворительностью, старались привить навыки умываться бедному населению. Одна француженка, поборница здорового образа жизни, объявила, что каждый вымытый с мылом мальчик может получить у нее 5 сантимов, а девочка — 10, в результате, по утрам она находила толпу причесанных и умытых детишек у дверей своего дома.

Но вернемся в Россию, к Брокару. Этот предприимчивый немец, осевший в России, сумел придать своей продукции, кроме всего прочего, привлекательный для покупателя вид. Например, он придумал сделать мыло в виде огурца, которое покупали только из любопытства, производил он и мыло для детей — с выбитыми буквами.

Брокаровское мыло, сравнявшееся по качеству с европейским, стало столь популярно, что фирма вынуждена была ввести даже специальные наклейки на свою продукцию, поскольку появилось очень много подделок.

В 1912 году Г. С. Петров впервые получил моющее вещество из нефти. Для мыла из этого вещества не требовались жиры. Однако так называемый «Контакт Петрова» не вызвал интереса у промышленников и был напрочь забыт. А в 1930-е годы его заново получили американцы и запустили производство синтетических моющих средств — стиральных порошков, шампуней, мыла, всего того, что ныне украшает и облегчает нашу жизнь, все эти очаровательные бутылочки и пахучие смеси, стоящие у нас на полках в ванных. Так мы потеряли приоритет на весьма важном фронте — производстве моющих средств. К сожалению, в российской истории такого рода потери — дело нередкое.

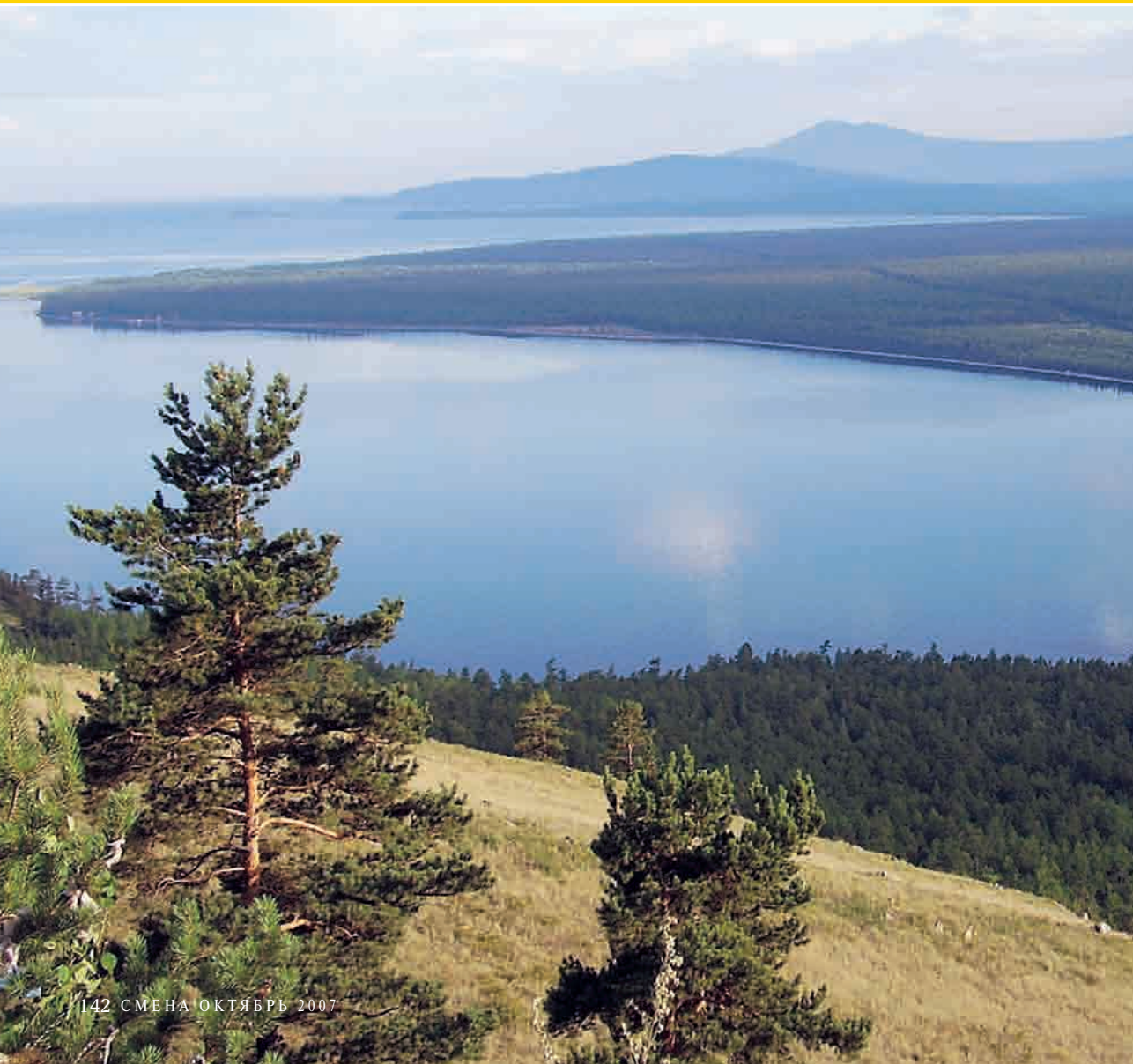
После революции в России был провозглашен культ чистоты и здоровья, и в продаже появились марки мыла с названиями, выполнявшими политическую задачу.

Например, мыльный порошок «Сберкасса», мыло «Беломорканал», «Герои Севера», «ГТО», «Привет челюскинцам», «Ударница полей», «На посту».

На Западе названия были другие — то эротичные, сулящие победы на любовном фронте, то сентиментальные, то философские. Работали тут и художники — придумывали формы упаковки всей этой пахучей продукции, мимо которой потребитель не мог бы пройти, не захотев страстно тут же приобрести сей товар. Нужно было завоевывать покупателей — мужчин и женщин, детей и старушек, и на этом пути — все средства хороши!

В общем, «Да здравствует мыло душистое, и полотенце пушистое, и зубной порошок!»

И сейчас производство и продажа мыла разных сортов, видов и назначений (мыло для зубов — зубная паста, мыло для волос — шампуни, гели для душа и многое другое) — одно из самых развивающихся направлений в мировой экономике. Этот необыкновенно прибыльный бизнес никогда не умрет, ведь каждый человек каждый день заходит в ванную и по несколько раз моет руки с мылом, чистит зубы, принимает душ и при этом обязательно открывает изящные, отвечающие последнему слову промышленного дизайна, баночки, бутылочки и тюбики с ароматными моющими средствами...



Озеро Байкал

Величайшим созданием природы Восточной Сибири является красавец Байкал, длиной – 636 км и шириной в 25 – 81 км .

В Байкал впадает более трехсот рек, а вытекает единственная – Ангара. Вода необыкновенно прозрачна, чиста и насыщена кислородом, с давних времен она считалась целебной. Самая большая глубина установлена на отметке 1637 метров, это – рекордная глубина для всех озер земного шара! Объем воды в Байкале составляет 20% мировых и 90% российских запасов пресной воды. По площади водного зеркала Байкал занимает 31,5 тыс. км^2 – это равно, примерно, площади таких стран, как Бельгия, Нидерланды или Дания. Здесь живет уникальное, типично морское млекопитающее – байкальская нерпа. Предполагается, что она попала сюда из Ледовитого океана в ледниковый период по Енисею и Ангаре.

Уникальность Байкала состоит еще и в том, что он имеет не только признаки моря, но его даже называют прообразом океана: огромные глубины, колоссальное количество воды, внутренние волны, сильные штормы и, наконец, расширение котловины за счет раздвижки берегов.

Название озера произошло от тюркского Бай-Куль, что дословно переводится как «богатое озеро». И действительно, Байкал является богатством планеты, как колодец, хранящий мировые запасы чистейшей питьевой воды и уникальные формы жизни животных и растений, нигде более не встречающиеся.

Светлана Стельмашенко,
г. Северобайкальск

Денис Логинов

«Питомец муз, волшебник милый»

Осенью 1836 года у одного из причалов Петербурга бросил якорь неприметный корабль, прибывший из Италии.
Петербургские любители живописи долго ожидали прихода этого корабля. Он привез очень ценный и уникальный груз: картины русских художников, живших в то время в Италии – полотна Брюллова и Бруни, гравюры Иордана, портреты Кипренского.

Первым на палубу поднялся писатель Нестор Кукольник. Он прошел в каюту капитана, поздоровался с ним и назвал свое имя. Капитан привстал, приветствуя писателя, и, выдвинув ящик стола, достал оттуда небольшой конверт. Кукольник нетерпеливо вскрыл предназначенное ему письмо.

«В сентябре Орест Кипренский занемог жестокой горячкой, от которой усердием доктора начал было поправляться, как простудился снова, и горячка возвратилась. Художник более не вставал. Он скончался здесь, в Риме, третьего прошедшего октября».

Кукольник пристально посмотрел на капитана и с горечью произнес:

— Вы привезли тяжелую весть. В Риме умер один из величайших художников нашего века, мой соотечественник Орест Кипренский.

А в России ни одна из газет не откликнулась на смерть художника.

Кукольник поначалу недоумевал, ждал, а через месяц сам поместил в газете небольшую заметку.

«Отчего не раздались даже обычные газетные элегии над гробом знаменитым? Отчего не отдана последняя дань уважения художнику? Решить не можем, но причины когда-нибудь обнаружатся...»

А причина была одна-единственная и очень простая: Кипренский уже не нужен был России...

Можно сказать, что Кипренский-художник сбился с пути и умер гораздо раньше, чем спился и умер Кипренский-человек.

Родился Орест Кипренский в 1782 году в городке Копорье Ораниенбаумского уезда. Судьба обделила его семьей — он был незаконнорожденным сыном крепостной крестьянки Гавриловой и небогатого помещика Дьяконова, проживавшего в своем имении неподалеку от Копорья. Вскоре после рождения ребенка Дьяконов выдал Гаврилову замуж за своего же крепостного Адама Швальбе и приказал тому усыновить мальчика. Никто из них не дал ребенку свою фамилию. При крещении настоящий отец записал его как Копорский, видимо, по месту рождения.

До шести лет мальчик рос в семье Швальбе. Он был очень одинок и предоставлен самому себе. Никто ребенком не занимался. Его первыми «наставниками» оказались старые матросы из морской богадельни, находившейся по соседству. Они вели монотонный образ жизни: или все время спали, или неторопливо беседовали, за что в округе их называли «сурками». Беседы эти проходили, в основном, в воспоминаниях о далекой Италии, утопающей в оливковых рощах, и в мечтах о тихой жизненной гавани. Именно благодаря этим воспоминаниям Италия с детских лет поселилась в сердце мальчика в образе яркой, волшебной, озаренной полуденным солнцем страны.

Иногда шестилетний Орест пробирался к пустовавшему Ораниенбаумскому дворцу и, прижав лоб к стеклянным дверям, подолгу рассматривал старинные портреты, висевшие в залах.

А потом, дома, пытался по памяти копировать их, эти надменные лица королей и императоров, так поразившие его.

Адам Швальбе тайком от Ореста показывал эти рисунки Дьяконову. Они были настолько хороши, что отец решил отдать мальчика в

Судьба обделила его семьей — он был незаконнорожденным сыном крепостной крестьянки Гавриловой и небогатого помещика Дьяконова, проживавшего в своем имении неподалеку от Копорья.

Академию художеств и повез его в Воспитательное училище при академии.

Именно здесь ему сменили фамилию с Копорского на Кипренский. (В то время незаконнорожденным детям разрешалось менять фамилию по их желанию.)

И именно здесь, в Воспитательном доме, а затем в Академии, и прошли все детство и юность будущего художника.

Его учителями были Угрюмов и Дойен, страстно любившие живопись и весьма строго относившиеся к своим ученикам.

Они даже заставляли их учиться рисовать с закрытыми глазами.

Дойен любил повторять на уроках:

— Изучайте лица людей и краски своего века, если хотите стать его живописцами!

И Кипренский старался следовать советам своего строгого учителя, изучая «лица людей и краски своего века» со всей присущей ему горячностью.

Орест был необычным юношей: с одной стороны, большой романтик и мечтатель, с богатым внутренним миром, с другой же — светский повеса, беспокойная жизнь которого протекала среди балов, бессонных ночей и бесчисленных увлечений петербургскими красавицами.

Сегодня он, возвращаясь из гостей на рассвете, мог завороженно стоять и восторгаться торжественностью и безлюдьем петербургских площадей, прозрачностью воздуха и красотой чистого неба, думая при этом: «Как я счастлив, что родился в России! Где я возьму красок, чтобы изобразить этот блеск, эти дворцы, утратившие объем и тяжесть? И, наконец, волнение своего сердца? Какой Божественной кистью смогу передать восторг этого утра?»

А завтра, забыв обо всем и отложив кисти, уже спешил на парад, где перед императором Павлом замирали, вытянув носки, целые полки. Снова щеголь, снова повеса, снова влюбленный в очередную прелестницу, на этот раз любительницу военных учений.

Как-то девушка сказала Кипренскому: «Я могла бы отдать свое сердце только военному».

И помня эти слова, Орест, во время очередного парада, прорвав строй солдат, бросился к Павлу с криком:

— Ваше величество! Я — художник, но хочу променять кисть на саблю. Молю принять меня в армию.

Павел презрительно посмотрел на молодого франта и процедил сквозь зубы:

— Убрать его! Военный парад есть таинство. Никому не вольно нарушать его безрассудными криками.

Этот случай имел очень неприятные последствия. В присутствии всех учеников Академии Кипренский получил жестокий выговор от начальства. А друзья пожимали плечами, не понимая, как юноша, наделенный таким особым талантом, мог столь легкомысленно променять его на расположение какой-то женщины.

Кипренского мучил жестокий стыд, но, увы, недолго. Вскоре он совсем забыл об этом злополучном эпизоде благодаря своему легкому нраву и беззаботности.

Наверное, именно эти черты, сохранившиеся и в зрелые годы, да еще погоня за внешним блеском, в конце концов, и погубили прекрасного художника. Но это произойдет еще нескоро.

Орест был необычным юношей: с одной стороны, большой романтик и мечтатель, с богатым внутренним миром, с другой же — светский повеса, беспокойная жизнь которого протекала среди балов, бессонных ночей и бесчисленных увлечений петербургскими красавицами.

А пока, несмотря на любовь к ночным балам и к светским красавицам, несмотря на показную браваду, придававшую ему вид мота и повесы, Кипренский много и серьезно работает.

Его первые, написанные еще в Академии пейзажи полны прелести, мягкости и тишины. Друзья шутливо называли Ореста «ночной птицей», потому что по-настоящему он начинал работать только в сумерках, когда не только природа, но и лица людей казались таинственными и особенно вдохновенными.

Тогда же, в Академии, Кипренский написал портрет своего отца.

С этим портретом связана одна интересная история. Много лет спустя Кипренский выставил его в Неаполе, чем привел неаполитанских художников в большое волнение. Кипренского пригласили к президенту Неаполитанской академии художеств Николини.

Старый желчный итальянец встретил Кипренского подозрительно и сообщил ему, что после тщательного исследования портрета лучшими знатоками живописи было решено, что он никак не мог принадлежать кисти художника XIX века, а, скорее всего — это работа Рубенса, которую русский портретист выдает за свою.

Кипренский расхохотался ему в лицо, а позднее легко доказал, что портрет написан именно им и еще долго издевался над неаполитанцами.

В 1803 году Орест Кипренский блестяще завершил свою учебу в Академии, после чего начались лучшие годы его жизни.

Он создал целую галерею портретов, в которых были изображены не просто лица писателей, поэтов, полководцев, блиставших в обществе женщин, детей, а их страдания, мужество, порывы, нежность и любовь.

Один из современников Кипренского говорил, что когда он смотрит на эти портреты, ему кажется, что он слышит голоса людей, изображенных на них.

Кипренский любил рисовать и самого себя. Его кисти принадлежат несколько автопортретов, и везде он — нервный, романтичный, тонкий, с взлетающими вверх бровями. А один из близких друзей даже написал как-то: «Был он среднего роста, довольно строен и пригож, но еще более любил делать себя красивым».

Академия художеств наградила своего блистательного выпускника поездкой в Италию, о которой Кипренский мечтал с детства. Но, увы, эта долгожданная поездка состоялась только через одиннадцать лет. Сначала ее заставили отложить европейские события — по Европе победоносно маршировала армия Наполеона, и искусство уступило место лафетам, гвардии и санитарным повозкам. А когда границы вновь открылись, Кипренский сам еще на несколько лет оттянул поездку, самозабвенно занимаясь живописью. Он с удовольствием брался за все: участвовал в создании икон для Казанского собора, помогал Мартосу в работе над памятником Минину и Пожарскому, а главное — увлеченно рисовал портреты. Казалось, легкомыслие покинуло его, в

Портрет отца.
Художник Орест Кипренский, 1804 г.

своих работах он глубоко и смело передавал то, что чувствовал сам, что волновало его как художника и человека. А вдохновение он черпал в общении со своими необыкновенными друзьями и знакомыми: братья Тургеневы, дом Муравьевой, Оленин, Вяземский, Крылов, Батюшков, Жуковский, Давыдов и, конечно, Пушкин. Недаром говорили тогда, что Кипренского «одушевил» гений Пушкина.

Слава молодого художника стремительно росла. Вся столица восторгалась «волшебным карандашом» Кипренского, а легкость, с какой он создавал портреты, многим казалась просто чудом.

Его приглашали ко двору писать портреты великих князей, а петербургская знать добивалась чести стать моделью Кипренского, не думая, к сожалению, о его блестящем талан-

те, а превращая художника в пустую и трескучую моду петербургского высшего света. Да, он стал моден, как были модны тогда коралловые ожерелья у женщин и звонкие брелоки у мужчин.

Свет подхватил брошенное кем-то высказывание, что краски Кипренского действуют на людей, как шампанское, и при этом все-таки склонял голову перед почти магическим мастерством, умением рождать неожиданные переходы от улыбки к необъяснимой печали, от восторга к философской задумчивости.

Вера в светлый дар своих рук, своего ощущения мира держала Кипренского в состоянии постоянной внутренней дрожи, заставляла смеяться от радости при каждом удачном мазке кисти, страдать от бессонницы, бродить по ночному Петербургу, всматриваться в спящую воду Невы, любоваться блеском белых ночей, чтобы потом передавать эти краски на полотнах.

Но, увы, лишенный упорства и мужества и от природы наделенный легкомыслием и даже неким нарциссизмом, Кипренский с наслаждением все глубже погружался в блеск окружавшей его славы. От успеха кружилась голова, дни мелькали в жестоком напряжении, и где-то в глубине уже рождалась усталость и грызла его, пока, правда, осторожно, вызывая лишь приступы головной боли. Он нашел «лекарство» от усталости и боли — заглушал их вином, не понимая, что слава для таких, как он, — страшнее смерти, забывая, что живопись существует не для славы, и пренебрегая словами друга Пушкина, что «служенье муз не терпит суеты».

За все это впоследствии художник расплатился тяжело и жестоко.

Сам он тайно сознавал, что живет как-то не так, но, не привыкший разбираться в своем душевном состоянии, не мог понять, где и в чем искать выход. Не умея самостоятельно справляться со всем этим, он мечтал о близком друге, который удержал бы его от погони за удачей и славой, вылечил бы от безволия. Тоска о таком ангеле-хранителе преследовала Кипренского почти до самой смерти, но жажда успеха и легкой жизни, к сожалению, всегда брала верх.

Наконец, о Кипренском заговорили и в Западной Европе. Снова встал вопрос о поездке в Италию, и в 1816 году ее все-таки удалось осуществить.

Вот и Рим. Отравленный славой Кипренский неожиданно для самого себя растерялся в этом загадочном городе. Он хотел покорить его, как в свое время покорил Петербург, но не знал, как это сделать. В очередной раз Кипренский выбрал для себя легкий путь — из его тщательно выписанных картин как бы ушла душа большого романтика. Все выходило сухо, мертво, казалось, глаза уже не видели живых красок.

Ему по-прежнему хотелось блистать не только в живописи, но и в повседневной жизни, по-прежнему он желал, чтобы за ним летела громкая слава, кружила голову, дарила богатство и преклонение.

Как ни странно, именно в Риме пришло время окончательного выбора между суровой жизнью настоящего художника и позолоченным существованием модного живописца. К сожалению, Кипренский выбрал второе.

К тому же это было время, когда остались позади войны и революции, Европа изнывала в сонном воздухе. Постепенно умирала романтика, и вместе с ней медленно умирал Кипренский-художник.

Теперь он писал слащавые портреты — жеманных красавиц, скучных богачей, равнодушную знать, ошибочно полагая, что одежда, перстни, кресла и трубки смогут рассказать о человеке больше, чем рассказывала раньше его гениальная кисть.

Как ни странно, именно в Риме пришло время окончательного выбора между суровой жизнью настоящего художника и позолоченным существованием модного живописца. К сожалению, Кипренский выбрал второе.

Портрет А. С. Пушкина.
Художник Орест Кипренский, 1827 г.

Портрет П. А. Оленина.
Художник Орест Кипренский, 1813 г.

Однажды в его жизнь вторглось загадочное событие, покрывшее черной тенью всю будущую жизнь художника.

Он давно замыслил написать картину «Анакреонтова гробница» и долго искал для нее натурщицу с яркой, даже экзотической внешностью. Наконец, он нашел подходящую модель для этой картины, ею оказалась некая цыганка, которую он случайно увидел на улице. Она часто приходила к нему позировать и приводила с собой маленькую дочку Мариуччу. Девочка была настолько прелестна, что Кипренский решил изобразить на картине и мать, и дочь.

Работа продвигалась довольно быстро, но роковой случай помешал закончить ее. Как-то утром натурщицу нашли мертвой. На ней лежал холст, облитый скипидаром и подожженный. Женщина умерла от ожогов.

А через несколько дней в городской больнице от непонятной болезни скончался слуга Кипренского.

По Риму поползли глухие слухи. Сам Кипренский считал, что этот слуга и является убийцей натурщицы. Полиция начала расследование, но ничего не установила.

А слухи все ширились: обыватели говорили, что молодую женщину убил не слуга, а Кипренский. Рим отвернулся от художника. Когда он выходил на улицу, мальчишки свистели ему вслед и кидали в него камни, а соседи посылали громкие проклятия, грозясь в отместку убить его.

Не выдержав такой травли, Кипренский решил уехать из Рима в Париж. Перед отъездом от отвел маленькую Мариуччу в сиротскую школу для девочек, оставил настоятелю деньги на ее воспитание и попросил друзей, которые не отшатнулись от него, заботиться о девочке и сообщать ему о ее судьбе.

В Париже Кипренского тоже не приняли — слухи об убийстве дошли и сюда, устроенная им выставка прошла незаметно, ни одна газета на нее даже не откликнулась. Его просто выбросили из общества.

Оставалось только одно место на Земле, куда он мог уехать, забыть произошедшее, как страшный сон, и снова взяться за кисть. Это — его покинутая Родина, видевшая расцвет и славу художника.

Душевные раны залечивались очень медленно. Бывшие друзья не знали, о чем говорить с Орестом, даже при встречах не расспрашивали его об Италии. Заказы он еще получал, но это было уже не так, как прежде. Глаза потускнели, в них появилось беспокой-

Работа продвигалась довольно быстро, но роковой случай помешал закончить ее. Как-то утром натурщицу нашли мертвой. На ней лежал холст, облитый скипидаром и подожженный. Женщина умерла от ожогов.

ное выражение, голос ослаб, здоровье пошатнулось. По утрам он долго лежал в постели, ни о чем не думая, ничего не желая...

Из этих последних петербургских лет лишь одно событие всколыхнуло душу былого романтика — работа над портретом А.С.Пушкина, написанным в 1827 году.

Сегодня этот идеализированный образ великого поэта стал почти хрестоматийным, его знает каждый школьник. Но художник намеренно идеализировал Пушкина, желая не столько показать его человеческую сторону, сколько, по возможности, передать всю трепетную прелесть пушкинской поэзии. Поэтому акцент он делал не на лицо, а на глаза и руки, придав глазам чистоту и спокойствие, а рукам — нервную тонкость и силу.

Во время сеансов Пушкин выглядел каким-то озабоченным, хотя и пытался, как всегда, шутить, лицо его казалось утомленным, даже слегка болезненным.

Когда портрет был почти готов, Пушкин внимательно посмотрел на него и грустно произнес:

— Ты мне льстишь, Орест. — И тут же начал читать свои стихи.

— Александр Сергеевич, я хотел бы унести твой голос с собой в могилу, — сказал Кипренский, нанося на холст последние мазки.

— Полно, Орест, — развеселился Пушкин, и атмосфера в мастерской слегка разрядилась...

Больше ни один из созданных Кипренским портретов не достигнет такой выразительности и силы. Им художник как бы подвел определенную черту в своем творчестве.

А позже появились знаменитые пушкинские строки, посвященные Кипренскому.

Любимец моды легкокрылой,
Хоть не британец, не француз,
Ты вновь создал, волшебник милый,
Меня, питомца чистых муз...
Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит.
Оно гласит, что не унижу
Пристрастья важных аонид.

Пять лет пребывания в России совсем надломили духовные силы Кипренского. Кроме того, он тяжело пережил расправу над декабристами, среди которых у него было немало друзей. Он снова стал мечтать об Италии, где, помимо всего, росла оставленная, но не забытая девочка Мариучча.

Портрет Д.В. Давыдова.
Художник Орест Кипренский, 1809 г.

В 1827 году Кипренский возвращается в Рим. Он надеялся, что именно здесь былая слава вернется к нему. Но этого не произошло, жизнь близилась к концу, талант прекрасного портретиста был уже исчерпан.

Работа быстро утомляла, а без нее не было денег. Оставалось писать по заказу неинтересных, но богатых римлян, предавая свое мастерство и превращая его в настоящее ремесленничество.

От тоски и необъяснимой тревоги Кипренский начал много пить. Он проводил все время в тавернах, откуда часто уносил с собой куски хлеба, чтобы покормить бездомных собак, ходивших за ним стаями. По этим собакам заказчики иногда и находили художника, заставая его за столом, уставленным

бутылками. Выпивка помогала ему гнать от себя тревогу и мысли об одиночестве и медленном умирании.

И снова Кипренский ищет спасение не в самом себе, а в помощи со стороны.

Юная, прекрасная, очень привязанная к нему Мариучча должна своим постоянным присутствием спасти его. Девушка не любила Кипренского, но всегда помнила, что он спас ее от нищеты и голода, поэтому и приняла предложение художника. А он ради нее перед женитьбой даже принял католичество.

Чтобы содержать молодую жену, надо было много работать. Ради заработка Кипренский был готов на все. Он начал писать модные тогда слащавые пейзажи, договаривался и продавал в Россию копии картин знаменитых итальянцев, унижался перед графом Шереметевым, снабжавшим художника деньгами, даже осмелился попросить у Бенкендорфа двадцать тысяч рублей взаймы и намекал, что за прошлые заслуги ему могли бы пожаловать хотя бы какой-нибудь орден.

Но Петербург в ответ молчал.

Понимал ли художник глубину своего падения? Наверное, нет, но все же чувствовал, как теряется в тумане прошлого образ веселого романтического юноши...

Он продолжал пить и каждую ночь возвращался к жене пьяным, приводя с собой случайных собутыльников. Потерявшая терпение Мариучча часто не впускала его в дом, и ему приходилось ночевать под дверью.

В одну из таких ночей Кипренский сильно простудился, и Мариучча вызвала старого доктора Риккарди, лечившего всех русских художников, живших тогда в Риме.

Откинув со лба блестящие от испарины волосы больного, он долго смотрел на его бледное осунувшееся лицо, а потом обратился к Мариучче:

— Синьора, у вашего мужа — горячка. Он — очень плох. Надо пустить кровь.

Неожиданно Кипренский открыл глаза и схватил доктора за руку.

— Александр Сергеевич, — тихо произнес он, и слезы поползли по небритым щекам. — Спасибо... как же ты шел так далеко, милый... Ночь такая ненастная, а ты меня не хотел оставить... — Он вдруг очнулся и тревожно спросил: — Вы кто? Цирюльник?

— Я — доктор, — медленно ответил Риккарди. — Что вы хотите сказать?

— Выпустите кровь! Она уже не греет меня, а холодит сердце.

— Хорошо, — согласился доктор.

— Что вы понимаете? — прошептал Кипренский. — Великие, благородные люди, блиставшие умом и талантом, благословляли мое имя. Сам Жуковский поцеловал меня в голову, а Пушкин посвящал мне элегии... — Слезы обильно продолжали течь по щекам. — Друзей! — вдруг дико закричал Кипренский и сел на кровати. — Друзей! — Он снова упал в постель, его глаза закрылись, а лицо постепенно становилось прекрасным, как когда-то, словно очищенным от всех прошлых пороков и страданий.

Юная, прекрасная, очень привязанная к нему Мариучча должна своим постоянным присутствием спасти его. Девушка не любила Кипренского, но всегда помнила, что он спас ее от нищеты и голода, поэтому и приняла предложение художника. А он ради нее перед женитьбой даже принял католичество.

Так умер великий художник и последний романтик своего века. А над Римом все так же продолжал шуметь осенний ветер...

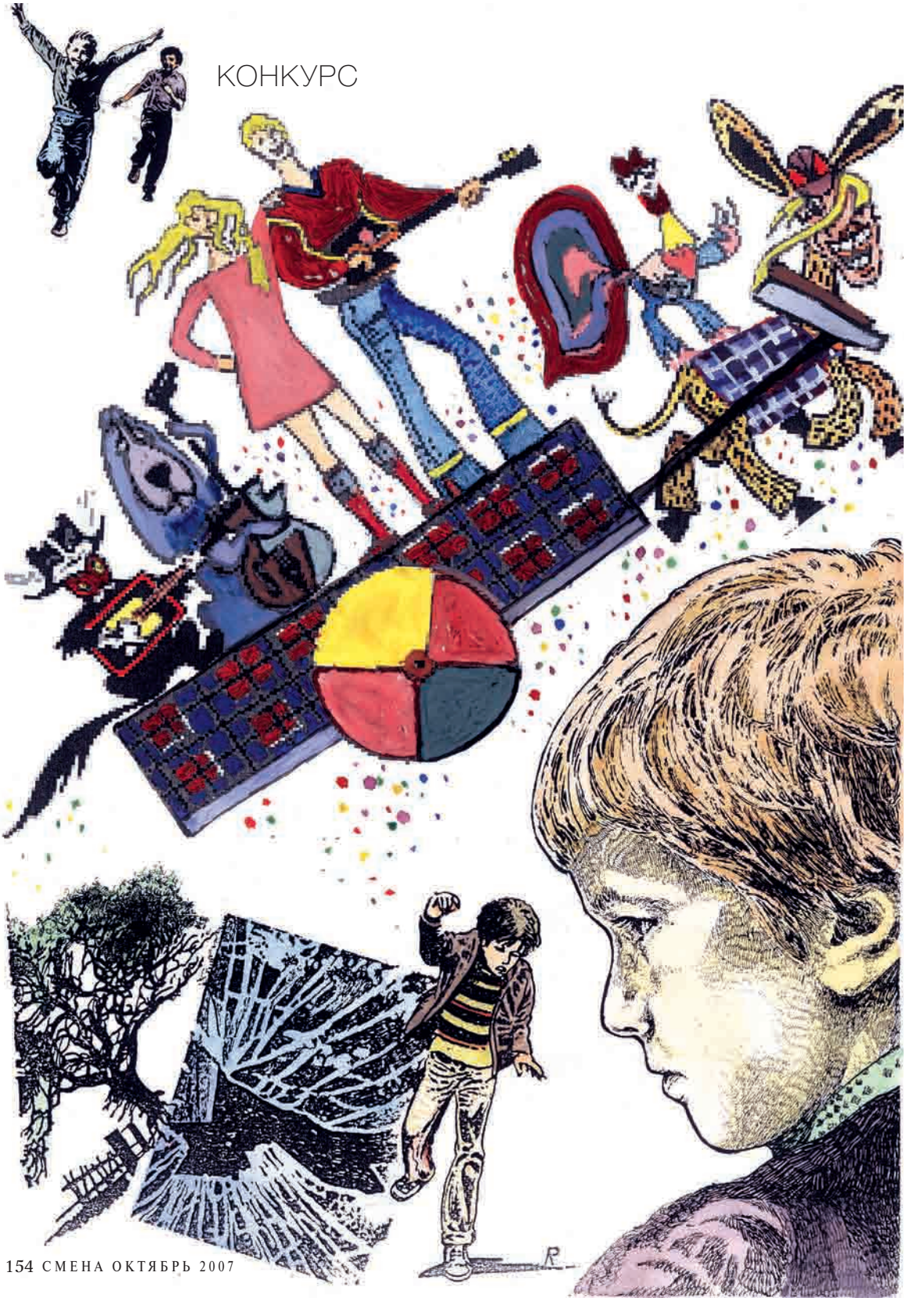
В октябре 1836 года А.Иванов, живший тогда в Риме, написал отцу: «Знаменитый Кипренский скончался. Стыд и срам, что забросили этого художника. Он первый вынес имя русское в известность в Европе, а русские всю жизнь считали его за сумасшедшего, старались искать в его поступках одну безнравственность, прибавляя к ней кому что

Девочка в венке из маков
с гвоздикой в руке (Мариучча).
Художник Орест Кипренский, 1819 г.

хотелось. Кипренский никогда не был ничем отмечен, ничем никогда не жалован от двора, и все потому только, что он был слишком благороден и горд...»

Да, он был горд и благороден, этот верный служитель искусства, умевший проникать в тайны человеческого духа и внесший в искусство драматическое дыхание жизни.

Повинуясь голосу сердца и велению чувств, он творил, спрашивая самого себя: «Кто говорит, что чувства нас обманывают? Разум может обманывать, чувства — никогда»



Игорь Молчанов,
г. Калуга, 43 года, менеджер

Вторая поездка

— Скорее, скорее... Торопись, сынок, беги. Беги... — подгоняла Васятку мама. — Поезд длинный, а нам — почти в хвост состава...

Она быстро шагала по перрону вдоль стоящего на путях поезда, разыскивая свой вагон. Протискивалась между пассажирами с чемоданами, мешками, баулами и корзинами.

Горячие борта вагонов усиливали духоту закованной в асфальт платформы. Т-э-э-э-э-э... Тэ-э-т-э-э... — перекликались невидимые локомотивы. Люди что-то говорили, кричали друг другу, смеялись, плакали; стоял галдеж. В динамиках громкоговорителей женский голос гулко и невнятно объявлял прибытия, стоянки и отправления поездов. Обычный шум перрона большой станции. Все и вся движется, торопится, спешит.

Сын еле успевал перебирать ногами, крепко держась рукой за мамину ладонь. Он с недоверием воспринимал этот необычный мир огромного вокзала в большом городе. Раньше Вася уже бывал здесь проездом с родителями, и в его воспоминаниях кое-что осталось: темный, непонятный монумент на привокзальной площади, автобусы, набитые пассажирами, какие-то магазины, апельсины, рассыпанные матерью из авоськи. Он помнил, как наклонился и стал быстро складывать обратно в сетчатую сумку ароматные оранжевые шары с пупырчатой кожей. Волшебные фрукты — такие сладкие, сочные. Жаль только, что ел он их не часто — редко встречались они на полках магазинов.

Ему шел восьмой, а он уже перешел во второй класс, окончив первый на «отлично». Вася вел самостоятельную жизнь у себя в таежном поселке. Относительно, конечно. Родители днем работали, Вася учился. После школы возвращался домой, обедал, катался на лыжах возле дома — благо лес начинался сразу за огородом, слушал радиолу и пластинки. Часто играл на улице с Вовкой Русских, соседским мальчишкой. Они учились в одном классе. Вовка, правда, в отличие от послушного дружка, был двоечником и любил проказничать. То из рогатки по девчонкам стрелял, то слова какие-то говорил, за которые Васятку родители строго ругали и грозились отлучить от дружбы с Вовкой. А мог и с чужого огорода что-нибудь стянуть. Но это лишь то, что взрослые видели.

Не знали они, как задушевно пел Вовка песню вместе с Васей о красном герое Щорсе, забравшись в щель между поленницами. Как он выводил от всего сердца: «Э-э-й, э-э-й, красный командир». Не знали они, что головастиков Вовка ловил лучше всех мальчишек с их улицы, и что у него была настоящая деревянная сабля с эфесом. Вася долго просил отца сделать ему такую же, как у соседа. Отец согласился, но такой красивой, как у дружка, Васина сабля не получилась.

Да что там! Далеко теперь Вовка, вчера утром они попрощались перед дальней дорогой. Вовка дал другу настоящее зеленое стеклышко, взглянув через которое, весь мир становился необыкновенного цвета. Изумрудным. Если, конечно поднести стеклышко к самому глазу. Вот драгоценность! Не пожалел! Взрослым не стоит об этом говорить, не поймут. Не знают они, что это самое стеклышко и являлось главным богатством Вовки. Не сабля, нет! Все мальчишки и девчонки их улицы мечтали выменять драгоценное зеленое стеклышко правильной овальной формы у Русских. Вовка берег его, и ни на какие мены не соглашался. А тут...

— На, бери, — сконфузившись, протянул он Васятке ладонь с лежащим на ней стеклышком.

Приятель удивленно раскрыл рот.

— Ты уезжаешь. Вдруг мы больше не увидимся, — продолжил Вовка, почесав живот.

— Но мама говорит, что на две недели, — ответил Вася, — скоро вернемся.

— Возьми. Может, оно будет помогать тебе в дороге. Если станет грустно, достань его из кармана и долго смотри на него, тогда все, что загадаешь — сбудется!

— Спасибо. — Васятка бережно взял драгоценность и долго держал ее в руке, не будучи уверен, что Вовка не передумает.

***

А теперь мальчик бежал, держась за мамину руку.

— Четырнадцатый? — спрашивает усталая мама у сердитого дядьки с флажком в руках.

Васятка остановился и присел на корточки. Он смотрел вдаль под вагон и видел лишь множество колес стоящих на путях поездов да ноги невидимых пассажиров.

Неужели нет конца этому вокзалу?! — думал мальчик.

Дядька в форменной фуражке не знает, как долго мама стояла в шумной толчее очереди у билетной кассы. Оттуда она поглядывала иногда на сына, сидевшего невдалеке на том самом чемодане. Все лавочки оказались занятыми. К удивлению Васятки, некоторые люди даже спали на лавочках. То ли дома своего у них не было, то ли билетов... Странно и непонятно. Город! Что еще скажешь.

Васе было скучно, ему казались невыносимо долгими минуты, плавно переходящие в часы, те, что они провели возле кассы в ожидании билетов. Мама медленно приближалась к заветному окошечку, стиснутая со всех сторон взбудораженными вокзальной суетой пассажирами. Вася не сомневался, что никаких билетов, кроме тех, что продают на поезд, везущий пассажиров в глушь тайги, туда, где стоял их деревянный домик, им не достать. Он вынул из кармана драгоценное Вовкино стеклышко, посмотрел сквозь него на огромные вокзальные окна, наполненные синью неба. Силуэты расплылись, приняв зеленый оттенок. Очертания изменились, и Васе представился старинный королевский замок. Он видел такой на картинке из сказки: высокие узкие окна с цветными стеклами, башни с узкими бойницами, красные черепичные кровли, тяжелые деревянные ворота на толстых цепях. Сам Васятка чувствовал себя лазутчиком в чужом замке. Вот бы жить в таком замке в те времена.

Он взглянул на маму, но ее не было видно среди стоящих близко друг к другу пассажиров. Вася не сомневался, что она — там.

— Пусть мама поскорее купит билеты хоть куда, — загадал Вася, поглядев на мир через стеклышко.

И вот дядька стоит на подножке вагона и недовольно смотрит на Васю и его маму.

— Четырнадцатый. — Наконец-то отвечает он. — Билеты есть? — Он снимает синюю форменную фуражку с красивой кокардой и долго вытирает пот на лбу большим измятым платком.

— Есть, есть. — Мама торопливо достает из кармана платья сложенные вдвое билеты и жесткие картонные прямоугольники с надписями.

— А на мальчика? Сколько ему лет?

— Есть и на него. Ему уже — семь. — Она подхватила сына на руки и поставила на ступеньки вагона:

— Поднимайся, Вася, скорее, минута осталась. — Она подсадила Васятку в вагон.

Проводник долго рассматривает билеты и какие-то дырочки на картоне.

— Давайте багаж, женщина. — Это кто-то из пассажиров помогает Васиной маме поднять чемодан в вагон.

И действительно, только они поднялись на ступеньки, поезд плавно дернулся и совсем неслышно поехал. Медленно, медленно, понемногу ускоряясь.

Поплыли окна вокзала, лица людей, вокзальные шумы, вывески. Вася привычно читал все надписи, что видел.

«Свердловск» — промелькнули крупные буквы на самом большом здании. Вася знал, что это — название города, он часто слышал это слово. Затем мелькнула надпись «буфет», это он тоже знал — там едят стоя. В городе все можно, даже стоя есть. Дома мама запрещает есть не за столом, а город — у него другие законы.

Следом «выход в город» и стрелка. Понятно, нарисовали в какую сторону идти, здорово! Вокзал-то огромный, заблудиться легко!

Столько входов, лестниц, дверей, даже под землей дорожки и электрический свет.

Затем что-то непонятное: «Багажное отделение» — они что, багаж от людей отделяют? Чемоданы забирают? Хорошо наш не успели отделить! Он не долго об этом думал, вывески исчезали быстрее и быстрее. «Парикмахерская» — прочитал дважды Вася, так и хотелось исправить вывеску — парихмахерская, видно, ошибку допустили. «Милиция» — понятно, вот и двери их. Бандитов ловят. «Слава КПСС» — это что за надпись? «Зинка любит Кольку...» — это уже на заборе. Вокзал закончился. Мелькали многоэтажки, деревья, перекрестки, автомобили. Карусель картинок ускорялась и ускорялась.

Мама, взяв в руки чемодан, пошла по длинному узкому коридору вагона, ища свободные места. Вася двигался следом. Проводник захлопнул дверь. Свердловск закончился.

— Ничего на свете лучше не-ету, чем бродить друзьям по белу све-ету,

Тем, кто дружен не страшны трево-оги, нам любые дороги доро-оги, — пел Васятка себе под нос песню из своей любимой-прелюбимой сказки.

Если сказать, что ему нравилась эта сказка — значит, не сказать ничего. Эта сказка являлась частью жизни маленького Васи. Слушая повествование, он представлял себя отважным Трубадуром, сражающимся за добро, дружбу и справедливость со злыми разбойниками и глупым, бессердечным королем. Светило солнце, а в тени крон высоченных деревьев Васятка катил в повозке вместе со своими друзьями Ослом, Котом, Псом и Петухом.

Ла-ла-ла-ла-ла, ла-ла-ла-ла-ла, ла-ла-ла, е, е-е, е-е! — подпевал Вася бесстрашному Трубадуру.

Ему было уже совсем не страшно. Поезд успокоил мальчика. Дальней дороги он не боялся, ведь рядом невидимо присутствовали его друзья — смелые бременские музыканты.

***

В вагоне, как и во всех поездах дальнего следования, надо было жить, есть, спать. Это же так интересно! Едешь, смотришь в окно на людей, которых уже никогда не увидишь, на города и поселки, на длинные изогнутые клинки рек и сверкающие под солнцем кольчуги озер. И не угадаешь — встретишь или нет все это еще раз в своей жизни? Замечаешь разницу между укладом того места, где живешь сам, и тех мест, которые тебе приходится проезжать, и удивляешься непохожести. Люди — как будто такие же, а и говор у них уже иной, привычки не те, одежда совсем иная.

А еще интересно днем лежать на верхней полке, свешивая голову, чтобы увидеть больше в вагонном окне, и махать рукой стоящим вдоль путей людям, также машущим в ответ. Можно пить чай из необыкновенной посуды: стаканы в металлических подстаканниках с мчащимися паровозами по бокам. Чай горячий. А сахар — совсем не такой, как дома: два плоских кусочка в обертке, наподобие конфетного фантика. На обертке тоже поезд изображен. Здорово! А когда поезд мчится через тоннель в горах — дух захватывает от страха и восторга.Тусклые вагонные лампочки загораются с опозданием, несколько секунд совсем ничего не видно, душа прячется где-то в пятках от неизвестности. Взрослые смеются, а вообще-то жутковато...

И такие странствия Васе очень нравились. Дух неутомимых первопроходцев, исследователей просторов земли, храбрых путешественников жил в нем. Его влекли неизведанные Земли. Захватывала ширь и бесконечность земли, томила непонятная грусть при виде далеких гор, одиноко стоящих домиках с дымящимися трубами. Может и там живет какой-нибудь Васятка, и не знает он, что его тезка мчится сейчас рядом, в удобном вагоне поезда дальнего следования.

Поезд вез их в далекий город с труднопроизносимым названием, где жил брат мамы с семьей. Для чего ехали, Вася так и не понял. Ехали и ладно. У этого самого брата, которого следовало называть «дядя», имелось два сына — старший Сергей, девяти лет, и младший Коля, три года от роду.

Как там сложатся его отношения с двоюродными братьями? Какие они? Почему-то представлялись они Васе наподобие Сашки

Арефьева, его одноклассника — высокими, кудрявыми и черноволосыми. Лиц их представить он не мог. Только волосы и виделись в образах братьев. Хотя, что об этом сейчас думать. Через две ночи встретимся, и там все узнается.

А ведь помогло стеклышко, — подумал он про себя. — Не обманул Вовка, когда вернусь, все ему расскажу.

Время в поезде промелькнуло незаметно, хотя добирались почти двое суток.

Неизвестный город встретил их теплым грибным дождиком. Капли падали на сухую землю, но солнышко лукаво выглядывало из-за соседней тучи, веселясь и играя с людьми.

Поезд остановился. Само здание вокзала меньше, чем в Свердловске, да и составов на путях стояло всего два. Но все равно, город — не маленький. Большой.

Пассажиры, измученные духотой, высыпали на перрон станции, как горошины из банки. Мама спустилась с высоких ступенек вагона и сняла с лесенки Васю. Тяжелый чемодан уже стоял рядом. Сердитый проводник, оказавшийся не таким уж и строгим, как сначала показалось мальчику, улыбался, прощаясь с пассажирами.

Дождик вскоре закончился, и на небе, прорвав редкий пух облаков, вновь играло яркими жгучими лучами летнее солнце.

Мама долго стояла на одном месте, пока не увидела кого-то среди встречающих.

— Валентин! — позвала она, помахав рукой.

К ним подошел худощавый светловолосый дядька.

— Привет, сестричка! — сказал он и улыбнулся. — Здорово, Васек! Как доехали?

И ничего больше. Вася, ожидавший более теплой встречи, растерялся.

— Здравствуйте, — пробурчал Васятка, поглаживая рукой драгоценность, хранящуюся в кармане костюмчика. Хоть и улыбался его дядя, но искреннего интереса к Васе не проявил, а потому и не захотел Васек становиться его другом. А дядя Валентин этого даже и не заметил.

Затем они ожидали электричку и еще долго куда-то ехали, пока за окном не стало смеркаться. Вася удивился самому факту того, что пришлось ехать на электричке в близлежащий город. Он почему-то представлял, что утомительная долгая дорога прекратится, когда пассажирский поезд прибудет на станцию.

Но всему наступает конец, и дороге тоже. Вскоре они добрались до конечного пункта маршрута.

Еще немного на автобусе, чуть-чуть пешком — и на месте. Как их встретили, кто открыл дверь — Васятка уже не помнил. Он начал засыпать еще в автобусе и держался из последних сил, а перед домом не выдержал, уснул на маминых руках.

Тело Васятки плыло куда-то, его качало, кружило. Стало необыкновенно хорошо, и он, так как будто мама находилась где-то очень далеко, услышал ее голос:

— Утомился, бедняга. Спи, спи, Васенька. Я раздену тебя.

Вася потянулся, поняв, что лежит на постели, накрытый простыней. Разомкнуть глаза не хватило сил. Повернулся на правый бок, засопел и услышал песню:

Луч солнца золотого тьмы скрыла пелена,
И между нами снова вдруг выросла стена.
Ночь пройдет, наступит утро ясное
Знаю счастье нас с тобою ждет.

— Трубадур! — воскликнул Васятка. — Ты здесь?

— Я рядом, друг мой.

Перед мальчиком появился высокий стройный юноша с гитарой в руках.

— Я знал, что ты есть на самом деле! — обрадовался Васятка.

Трубадур улыбнулся.

— Почему ты назвал меня своим другом?

— Разве это не так? Я знаю, что ты хотел бы дружить со мной, что ценишь моих верных помощников — Осла, Пса, Кота и Петуха, что любишь правду и добро. И даже готов сражаться за них. Но скажи, зачем ты взял пластинку с нашими приключениями с собой в дорогу?

— Мама говорила, что я должен подарить братьям что-то, что мне дорого. Я выбрал. Она спросила меня, дарю ли я то, что сам люблю, или не нужную мне вещь? И добавила, что дарить нужно то, что нравится самому. Иначе будет нечестно.

— Кажется, ты немного расстроен?

— Да. Мне жаль. Если бы это была моя сабля, или новый грузовик — тот, что папа купил. Они — не живые. А пластинка... Это ваша жизнь, жизнь моих друзей.

— Васятка, не переживай. Я буду рядом, даже, когда ее не окажется с тобой. А сейчас дай мне взглянуть на стеклышко, что подарил тебе Вовка.

— Конечно. — Васятка полез в карман брюк, но стеклышка там не было. Где же оно? Неужели затерялось? Вася стал шарить руками по карманам, но пальцы никак не попадали в узенькие кармашки костюмчика.

— Просыпается. — Это слышится мамин голос.

Вася открыл глаза и увидел, что стало совсем светло. Солнечные лучи плясали по стенам. В просвете между оконными шторами виднелась узкая полоска голубого неба. Мама стояла рядом с кроватью и теребила волосы Васятки.

— Вставай, герой. Все уже давно на ногах.

Вася потянулся и обнял маму. Как все-таки здорово, что мама рядом!

В комнату вошел крупный, слегка полноватый мальчик.

— Это — Сергей, — представила мальчика мама. — А это, Сережа, — твой двоюродный брат Вася. В общем, знакомьтесь, а я пошла.

Вася удивился — его брат оказался розовощеким и светловолосым. Совсем не похож на Ваську Арефьева. Волосы у Сергея надо лбом образовывали странный вихор, изгибаясь в виде волны. Цвет глаз брата тоже поразил. Они излучали небесную синь в самый пригожий день.

— Ты в клек умеешь играть? — спросил Сережка.

— Не-а.

— Пойдем, научу. А то меня пацаны на улице ждут.

— Пошли. — Вася быстро оделся, но перед тем, как выйти, проверил карман штанишек своего костюмчика, висевшего рядом на спинке стула. Стеклышко было на месте.

— На бутерброд, — протянул Сережка брату ломоть непривычно белого хлеба с куском розовой колбасы.

Такой колбасы не было у них в поселке, да и хлеба такой белизны он не припоминал.

— А завтракать? — позвала их вышедшая из кухни женщина с озабоченным лицом. Мать Сергея. За руку она держала мальчика с плаксивой гримасой на лице, готового вот-вот капризно закричать. Очевидно, это — Коля, младший брат Сергея.

— Здравствуйте, — поздоровался Вася.

— Здравствуй, здравствуй, племянничек, — улыбнувшись, проговорила она. — Давай познакомимся. Меня зовут тетя Тоня.

— Ну, мама, — вмешался Сергей, — нас ждут. Мы побежали. Вот, бутерброды взяли с собой.

— Ладно, бегите. На обед возвращайтесь, — крикнула она вслед мальчишкам.

***

Во дворе между высокими белыми пятиэтажными домами мальчишки играли в не известную Васятке игру. Они кидали длинные палки, похожие на посохи странников, целясь в стоящую метрах в десяти от них мятую жестяную банку из-под тушенки.

— Серый! Серый, скорее к нам, — закричали они, увидев Сергея.

— Это — мой двоюродный брат, — представил он Васятку. — Будет с нами пока. Если что, смотрите, чтобы никто его не обижал.

— Ладно. Вставай за нашу команду.

Пацаны азартно спорили, кидали палки в цель, «мазали». А если все же кому-то удавалось попасть и сбить банку с места, то он кричал: «Клек! Баталки ни с места». Тогда все, как один, бежали к заветному кругу, для того, чтобы ткнуть своей палкой, или как ее называли — баталкой, в центр круга.

— Пока смотри и учись, — велел Васе запыхавшийся от беготни Сергей. — Научишься, потом возьму к себе в команду.

Вася был ему благодарен за щедрое предложение и силился понять принципы игры. Пока же он понял, что Серого во дворе уважают.

Скоро клек всем наскучил, и мальчишки гурьбой бросились играть в догонялки. «Пятнашки» — так называли эту игру там, где жил Вася, а здесь — «маяться».

Пацаны убегали от «маявшегося», прячась на крышах гаражей, стоявших рядком неподалеку. Вася еле успевал за мальчишками, в компании брата все оказались старше. Они перепрыгивали с крыши на крышу, кричали, подзадоривали «маявшегося».

Неожиданно из одного гаража выбежал мужчина и с руганью бросился догонять мальчишек.

— Я вас проучу! Сколько раз предупреждал не скакать на крыше моего гаража! Уши надеру.

— Тикай! — крикнул Серый и полез в узкую щель между бетонным забором и металлической стеной гаража. Вася испугался. Сердце заколотилось. Только сейчас он понял, что мальчишки, бегая по крышам, явно нарушали порядок. Но почему же его не предупредили? А если бы он попался? Он побежал вслед за братом. Компания развалилась. Нет, с этими городскими мальчишками надо держать ухо востро.

— Ладно. Пойдем, голубей покажу, — предложил Сережка.

— А чего их смотреть? Я их много раз видел.

— И турманов?

— Кого, кого?

— Значит, не видел. Пошли, познакомишься.

Они направились к маленькому металлическому сарайчику, стоящему одиноко, в центре двора. Сарайчик блестел серебром свежей краски. Рядом, под кроной раскидистого дерева, притулился сколоченный из грубых досок стол да две скамейки.

— Привет, дядь Петь, — обратился брат к дядьке, возившемуся внутри сарайчика.

— А-а. Серый. Привет, — дядька вылез наружу.

Изнутри слышалось голубиное: «Гуль-гуль-гуль. Гуль-гуль-гуль.»

— Я брата привел, твоих голубей показать.

— Ну, что ж, показывай. Серега забрался в голубятню и вышел оттуда с голубем в руке, с необыкновенно белым оперением. Такое белое, что только со снегом и сравнить. Васятка раньше видел голубей все сизых и серых, диких. А этот не только цветом, но и формой тела, головы отличался от «дикарей».

— Видишь, какой красавец. Дядь Петь. Разрешишь? — Сережка качнул голубя в руке, как будто подкидывал его в воздух.

— Давай. Пора уже им размять крылья.

Брат подкинул голубя вверх и захлопал в ладоши, подгоняя его набрать высоту. Птица начала кружить над голубятней, поднимаясь все выше.

— Улетит?! — испугался Васятка.

— Не улетит, — уверенно ответил брат. — Здесь ему лучше. Здесь вся его семья. Кормежка. Красавец! Жди.

— Чего ждать?

— Увидишь. Сейчас он кувыркаться начнет.

— Ка-ак?

— Через голову.

И действительно, голубь начал выполнять невиданные раньше Васяткой кувырки, задерживаясь на мгновение на одном месте в момент переворота.

А Сергей тем временем подкидывал в воздух других голубей, и уже не один, а несколько птиц выполняли странные перевороты.

Правда, вскоре Васятке наскучило это зрелище, но сказать Сереге об этом он не мог. Тот завороженно наблюдал за полетом птиц.

— Вот вырасту и свою голубятню построю. Ты тоже себе обязательно построй. Или, ладно, если уж не сможешь, то держи голубей в моей. Я твоих к себе возьму, пока ты собственной голубятней не обзаведешься. Ну, потом, конечно, заберешь...

Погуляв еще немного, они отправились домой. Там их ждал вкусный борщ, приготовленный тетей Тоней. На столе стояла банка варенья, одна из тех, что привезла Васяткина мама.

— Это что за ягода? — спросил Сергей.

— Брусника. — Настал черед Васятки просвещать брата.

— А как она растет?

Васятка с большой радостью рассказал брату о том, как и где растет брусника, и не только она. Он долго говорил о тайге, о том, какая она красивая, таинственная и могучая. Рассказывал о животных, которых видел в тайге, о своем поселке, ледоходе на мутной речке с быстрым течением. О лайках, выискивающих белку, об огромных лосиных ро-

гах, висящих в прихожей дома их друзей, о своей школе и друзьях.

После обеда Вася намеревался отдать Серому свой подарок — пластинку с любимой сказкой. Он достал волшебное стеклышко, и, словно набираясь сил, приник к нему глазом. Два чувства боролись в нем. Конечно, ему хотелось подарить двоюродному брату то, чем он сам дорожил, тем более, что Серый — такой добрый и честный. И в то же время не мог он расстаться с любимой сказкой.

— Сережка, — позвал Вася.

— А? — откликнулся брат.

— Вот. — Васятка просунул руку в большой мамин чемодан и извлек оттуда замечательную с красочными рисунками обложку, внутри которой лежала его пластинка. — Подарок тебе.

— О! Спасибо. Что это?

— Это такая сказка... Такая сказка! — Васятка не мог подобрать слов.

— Давай слушать, — предложил брат.

Он деловито открыл крышку радиолы, включил необходимые кнопки и вскоре они вместе подпевали глупым и трусливым солдатам короля:

Почетна и завидна наша роль
Не может без охранников король...

Сережка быстро вошел в роль и выводил пискляво:

Ох, рано встает охрана.

К ним присоединился и Коля. Его вечная плаксивость улетучилась, он подхватывал окончания слов, кувыркался через голову на полу.

Братья развеселились — танцевали, бегали по комнате, изображая короля и его солдат.

— Вот здорово! — радовался Серый подарку. — Будем слушать с тобой ее каждый день.

Он потянулся к звукоснимателю, чтобы вернуться еще раз к песне и ... вдруг раздался скрежет иглы о пластинку. Вася вздрогнул от неожиданности. Дома у него было много детских пластинок, и он знал, что с ними надо обращаться бережно, ведь исцарапанные, они уже никуда не годились. А в таежном поселке достать любимые записи совсем не просто. Универмагов там не было. Единственный магазин — рубленая избушка чуть просторнее обычного жилого дома.

Сережка, казалось, не обратил на это никакого внимания.

— Не испортилась? — робко спросил Васятка.

— Еще, еще, — канючил Коля, готовясь зареветь.

— А? Что? Ах, это. Да ничего, все в порядке. — Брат снова нашел понравившуюся песню. — Ох, рано, встает охрана... — подпевал он.

Те несколько дней, что Васятка с мамой гостили в семье ее брата, пролетели очень быстро. Мальчишки целыми днями пропадади на улице. Много новых игр узнал Васятка. Запоминал правила, чтобы поделиться со своими друзьями там, дома.

Сергей показал младшему братишке все окрестности. Большое здание трехэтажной школы из желтого кирпича, в которой учился Сергей, впечатляло своими размерами. Невдалеке находилась еще одна школа, за дальними домами — следующая. Сколько же школ в этом городе? Не сосчитать. Серый сказал, много.

Ближний гастроном поразил Васятку обилием сверкающих витрин с большим выбором продуктов. Мороженое четырех видов — всегда в продаже! Хочешь — покупай сливочное и ешь его деревянной палочкой, хочешь — пломбир в вафельном стаканчике! Шоколадное, молочное! А рядом с гастрономом — кафе-пельменная. Пельмени Васятка любил, но не знал, что их можно запросто купить и съесть в каком-то кафе. А не дома или в гостях. Вот это да! Самому не нужно лепить! Покупай готовые.

Трамваи тренькали, пролетая по соседней улице. Желтые, глазастые, проносились они по городу, обгоняя автомобили. И прокатиться можно запросто. Конечно, не одному, а с Серым. Три копейки проезд.

Никто не ходил в болотных сапогах, не носил длинные брезентовые плащи и двустволки, не прятался от въедливой болотной мошки. Не было дощатых тротуаров вдоль

домов. Такие тротуары спасали от грязи в непогоду. Здесь все дорожки покрылись ровным, почти что гладким асфальтом. Город, что и говорить! Будет что рассказать Вовке Русских.

Скоро подошел и день отъезда. Родители, прихватив с собой маленького Колю, ушли по делам. Сережа и Васятка остались одни дома. Они сидели на диване и мечтали о будущем.

— Ты как учишься? — начал старший.

— На пятерки.

— А-а. Понятно. Но это — ерунда, к четвертому классу станешь троечником.

— Мне мама строго-настрого запретила на тройки учиться. А я и не могу по-другому, мне нравится в школе. Все понятно и просто.

— А мне не нравится. Ну их. Бегать мало дают. Вот на уроке физкультуры здорово, да на трудах. Физрук у нас клевый.

— А-а, — протянул Васек, хотя так и не понял, что «клевый» значит — хороший или плохой.

— А эти книги я вообще не переваривaю! — продолжал Сергей. — Училки только и говорят, что ничего из вас лодырей не получится, если читать не будете. Как будто для гонщика чтение — главный предмет. А ты кем собираешься стать? — сменил тему Сергей.

— Я еще не знаю. — Васятка задумался. В голову ничего не приходило. — Вообще-то, мне кино нравится. Может, артистом?

— Да. Это отлично придумано. Представляешь, ты приезжаешь к нам в город, идешь по улице, все ахают от удивления. Приехал знаменитый артист Василий! Нет, не так. Самый знаменитый артист сегодня в нашем городе! Все билеты проданы! Мест нет! Кругом айкают и ойкают. Мечтают попасть на концерт, но бесполезно. Все продано.

— Удивляются все кроме тебя. Ведь ты будешь моим лучшим другом. И пройдешь без билета в первый ряд на лучшее место.

— Ну, да. А я иду и всем говорю, что это — мой младший брат.

— Здорово! — Васятка мечтательно прикрыл глаза. — А ты кем станешь?

— Наверное, гонщиком. Буду на мотоцикле участвовать в соревнованиях. Или нет, лучше стану я капитаном какого-нибудь корабля, и буду катать людей в выходные. Тельняшка, черные клеши, фуражка белая с черным козырьком. Тебя, конечно, на катер без билета пропущу. Хоть целыми днями со мной плавай.

— Спасибо, Серега, — благодарно выдохнул Васятка.

— А вот представь, идешь ты по улице и вдруг находишь кошелек. В нем — десять рублей. Что ты сделаешь? — неожиданно спросил Сергей.

У Васятки аж дух захватило от необычайного богатства, свалившегося на него.

— Я... я ровно половину тебе отдам, ведь ты — мой лучший друг и... мы вместе пойдем в магазин игрушек. Я себе «Бременских музыкантов» перво-наперво куплю.

— Молодец. А я, если найду кошелек со ста рублями, тоже половину отдам тебе.

Вася еще сильнее обрадовался Сережкиной щедрости. Даже пятидесяти рублей — такого богатства не пожалел для брата, точнее, лучшего друга.

— И пойдем мы, — продолжил Сергей, — не в магазин игрушек, а туда, где продают снасти для рыбалки. Выберем по самой лучшей удочке, лесок разных, грузил, блесны, крючков... Я отца просил, но он сказал, что это — очень дорого. А турманов сколько сразу себе куплю!

Еще долго братья делились друг с другом своими тайными мыслями и желаниями. Они уснули, обнявшись, не услышав возвращения родителей. Собранный к скорой дороге чемодан уже ждал наготове.

Утром, когда город еще только просыпался, дядя Валентин проводил сестру с племянником на станцию, в соседний город. Серый спал очень крепко, и будить его не стали. Он улыбался во сне. Васе очень хотелось попрощаться с братом, но пусть спит, время раннее.

Мама и Васятка в точности повторили маршрут, по которому приехали в гости к родне. Автобус, электричка, поезд, пересадка в шумном Свердловске, толчея в билетной кассе и — снова поезд.

Билеты в их направлении в кассе имелись. Погода стояла солнечная. Они даже немного погуляли по Свердловску, в ожидании отправления своего поезда. Вася еще раз осмотрел не понятный ему монумент на площади перед вокзалом, поел мороженого на палочке. Его уже не удивляло множество людей, спешащих неизвестно куда. Мама купила ему новую интересную игру с кубиком и фишками — Васятке не терпелось распечатать ее и начать играть. Но терпел до дома.

Там их ждал отец. Все складывалось чудесно. Васятка с чувством необыкновенной радости вспоминал дни, проведенные у родственников. Он полюбил брата и даже восхищался его простотой, смелостью, находчивостью и самостоятельностью. Жаль, что Сережка остался так далеко.

Вернувшись в поселок, он вновь окунулся в свой мир, теперь уже не казавшийся ему лучшим на свете.

Васятка долго рассказывал Вовке Русских о брате, жившем в далеком городе. О высоких домах, быстрых желто-красных трамваях, мороженом и газировке. О том кинотеатре, что вместит дважды поселковую школу. О красочных афишах на улицах, о парке с аттракционами, о длинных улицах, у которых не видно ни начала, ни конца. Васятка рассказал Вовке о том, как помогло ему в дороге волшебное стеклышко.

— Спасибо, Вовка. Возьми его назад. — Вася достал из кармана подарок друга. Он давно решил вернуть его Вовке. Ему не хотелось, чтобы друг навсегда лишился своей самой любимой вещи.

Русских обрадовался. Та вещь, которую он утратил навеки, вновь возвращается к нему. Он взял в руки волшебное стеклышко и уже собрался положить его в карман, но остановился.

— Нет. Оно — твое. Я отдал его насовсем, — произнес он и протянул ладонь с драгоценностью Васятке.

— Не-а, — покачал головой Васятка. — Я не могу. Я решил.

— Тогда... Тогда давай закопаем его, пусть это будет нашим секретом. И оно станет помогать нам обоим! Лишь загадай желание.

— Здорово. Давай.

Друзья вырыли неглубокую ямку за забором Вовкиного дома и положили в нее стеклышко. Даже воткнули рядом с кладом сухую ветку, чтобы лучше запомнить место.

Лето закончилось быстро. Холод вместе с мрачными кудлатыми тучами долетел до поселка с той стороны, куда летом не заходило солнце. Говорят, что там — север, там — вечные льды и никогда не тает снег. Дни становились все короче. Дома вновь потрескивала березовыми поленьями печка, разгоняя страхи и грусть.

Часто в свободное время Васятка, как и прежде, слушал на родительской радиоле все те пластинки, что и раньше нравились ему. Не было среди них только одной-единственной, любимой. Той, что владела его мыслями и воображением. Но история музыкантов, их дружба, удаль, веселые песни никогда не покидали Васятку, ведь он помнил все наизусть. Текст, интонации, мелодию...

Родители знали о том, что сын грустит без любимой пластинки, но в поселковом магазине она больше так и не появлялась. До ближайшего городка — сто с гаком верст по кишащей гнусом тайге. Ничего, кроме железной дороги, не связывало их с той самой страной во всем ее многообразии и красоте. Но родители работали и времени на поездки не имели, а Васятка смирился с утратой.

Ранняя зима вновь вернула его на лыжи. След от накатанной им лыжни начинался прямо от калитки и петлял между тех самых берез, которые они с Вовкой летом использовали под парашюты. Глядя на эти березы, он уже вспоминал длинные каучуковые шланги, на которых качались они летом во дворе Сережкиного дома.

***

Ближе к середине весны, когда снег побурел и покрылся толстой коркой наста, Васятка услышал разговор родителей о переезде. Никаких чувств от этой новости он не испытал. Ему казалось, что переезд сродни поездке в отпуск. Повидали мир и вернулись. Но, прислушиваясь, Васятка понял, что уедут они именно в тот город, где живет его брат.

Он наблюдал, как родители обсуждают детали своих поступков, связанных с таким важным делом. Друзья родителей, заходя в гости, грустно вздыхали. Васятка напротив — был бодр, ведь Серый будет там, рядом. Кто-то пытался заводить разговоры о том, чтобы остаться, но это лишь придавало родителям дополнительную уверенность в правильности сделанного выбора. Только сейчас мальчик понял, что уезжают они навсегда. Что он очень долго (слово «совсем» не укладывалось в голове) не увидит Вовку Русских, одноклассников, свой дом, поленницу за углом, клад с волшебным стеклышком, мутную усталую реку, мошкару и кромку дремучего леса за забором огорода.

Когда снег совсем сошел, первые листья и травы освежили серость земли и безжизненность деревьев, а до конца учебы оставалось каких-то три недели, все вещи вместе с мотоциклом погрузили в большой металлический контейнер, который отправился в долгий путь по железной дороге.

Пустой дом, казалось, особенно грустно поскрипывал половицами, пищал несмазанными дверными петлями, прощаясь с хозяевами. Мама плакала, а Васятка в последний раз обошел все свои любимые уголки во дворе. Впервые за все время разлилась в его сердце странная боль, сладостная и томительная. Он неожиданно, отчего сам не понимая, стал грустен. Эта тонкая боль перебивалась новым сильным чувством увлекательной поездки. Именно как поездку, а не переезд, принимал Васятка нынешнее мгновение жизни.

И поезд унес всех их на юго-запад, туда, где белые катера разбивали носом волнистую гладь большой воды. Где в магазинах продавали четыре сорта мороженого, а на каждом углу стояли урчащие автоматы с газировкой.

Две первых недели в городе, пока не получили временное жилье от предприятия, с которым родители заключили договор, они жили в двухкомнатной квартире дяди Валентина. Серега очень обрадовался приезду двоюродного брата! Родители предполагали устроить сына в ту же школу, в которую ходил его брат. Учиться рядом со старшим братом: о таком Васятка и не мечтал. Все складывалось удачно. Коля подрос и уже не плакал постоянно, как раньше.

Васятка все не успевал сделать то, чего ждал очень долго. Послушать свою любимую сказку, так ни разу не слышанную им за год. Устройство в школу, семейные заботы, Сережкины игры — это все отнимало время.

Наконец, в один из дней, когда Сергей отсутствовал, а Васятке не предстояло никаких дел, он спросил разрешения у своей тетки включить проигрыватель. Искать конверт пришлось очень долго. Все пластинки были рассованы и распиханы в разные ящики стола, пылились в коробке под столом, валялись под детской кроватью. Васятка нашел свою в той самой пыльной коробке под столом. Красивый красочный конверт порвался в нескольких местах от неаккуратного обращения. Но, кажется, сама пластинка цела. Мальчик включил проигрыватель.

... Страшный треск исцарапанного винила раздался в динамиках радиолы. Звук начал «заедать» с первых же музыкальных аккордов. Игла не могла двигаться по своей дорожке из-за глубоких царапин. Васятка попытался вручную помочь игле правильно проделывать свой путь. Он подталкивал звукосниматель пальцем в местах «заикания». Но это приходилось делать постоянно.

Слушать заикающиеся голоса Трубадура и его друзей оказалось невозможным, и мальчик выключил радиолу. Он повертел пластинку в руках. Изменил угол наклона так, чтобы солнечные лучи, пробежав по черной поверхности, осветили тонкие кольца записи, и только тогда заметил множество глубоких и мелких царапин с обеих сторон. Казалось, что пластинку специально терли о какой-то шершавый предмет.

Мальчк заплакал. Как? Как мог Серый так бездушно обойтись с такой драгоценностью? Ведь Васятка подарил ему самую любимую свою вещь, то, дороже чего не имел. То, что даже не надеялся больше никогда иметь. Почему брат не хранил ее бережно, так как это делал всегда он сам?

Обида заполнила сердце. Но если Серега так отнесся к его подарку, значит ли это, что ему безразлична эта сказка? Или он просто не понимает, что купить подобную Вася не мог целый год. Разве может Сережка оставаться лучшим другом после этого?

Поплакав, Васятка понемногу успокоился, хорошо хоть то, что никто не видел его слез. А то скажут — нюни распустил! Да было бы из-за чего! Нашел тоже, пластинка!

Нет, обижаться на Серого не за что. Он не разбил, не потерял, не променял подарок. Всего лишь не почувствовал его величину. Может, он и другое не сможет почувствовать? Стоит ли ему доверять свои самые сокровенные мечты и тайны?

Васятка по-другому взглянул на все поступки Сергея. Он еще не понимал, что люди совсем не похожи друг на друга, что нельзя примерять на себя чужие дела. Не понимал, но почувствовал это сердцем, которое сжалось от горечи. Не маленькой горечи от обиды на брата, а неведомого ранее чувства утраты вселенской справедливости. Он понял, что люди могут быть безразличными к тебе, твоим мыслям, желаниям, словам. И еще: стоит ли дарить, действительно, самое-пресамое свое любимое? То, без чего плохо самому. То, что составляет твой мир. Оказывается, у Сережки он — другой, этот мир. Ему нет дела до того, что переживал Васятка...

Вася совсем успокоился. Он принял решение во что бы то ни стало купить себе новую пластинку. Сегодня же он попросит маму. Подарок лег на свое место, в пыльную коробку под столом.

Ночью ему снова приснился Трубадур.

— Трубадур! — обрадовался мальчик. — Ты вернулся?

— Конечно, друг мой.

— И уже не уйдешь?

— Нет. Не уйду. Теперь я буду рядом всегда. Я пришел, чтобы пригласить тебя в путешествие по моей сказке. Ты согласен?

— Да.

— Готов ли ты сражаться за правду, за справедливость? Бороться против злобы, глупости и зависти?

— Да, да, да.

— Тогда, друг мой, давай руку ... — Васятка вложил свою ладонь в крепкую ладонь Трубадура, и они шагнули туда, где волшебный мир сказки собирал своих друзей.

Васятка улыбнулся во сне и повернулся на бок. Шла седьмая ночь его жизни в новом городе, в который он приехал уже не в гости. Навсегда.

Иллюстрация Льва Рябинина

Чегемское ущелье

Северный Кавказ: Чегемское ущелье. Одно из красивейших мест среди кавказских гор на территории России. Каменный мешок ущелья достигает в высоту 3000 м. при ширине – не более 15 м. Живописная местность с дикой природой: величественные водопады, чистые реки, узкие каньоны, древнее Г ородище с мавзолеями и развалинами древних храмов... Греческая лестница и Г реческие пещеры, кто знает , может быть, эти места посетили аргонавты в погоне за золотым руном?

От других ущелий это от личается тем, что дорога идет почти по его дну, а теснина очень узка и имеет высокие отвесные стены. Самая узкая часть теснины не превышает 16-20 м., а высота стен в этом месте достигает 200-300 м. Благодаря обилию тепла и влаги серые отвесные скалы ущелья не выглядят мрачно, в отдельных местах на совершенно, казалось бы, голых камнях растет высокая трава и пестреют яркие цветы, а кое-г де прямо из расщелин тянутся к свету сосны и березы.

В узком коридоре ущелья мчит свои воды река Чегем, а водопады похожи на потоки слез, низвергающиеся с высоты 50-60 м. в потоки бурлящего Чегема. Зимой – потрясающий воздух, энергетика, красивые горные массивы. Здесь можно забыть обо всем, наслаждаясь красотой этого чу да. Поистине, одна из достопримечательностей Кавказа, наравне с Д омбаем и Э льбрусом. Место, кот орое должны посещать туристы.

Любовь Русева

Верный слуга престола

Рисунок Геннадия Новожилова.

«Талантливые люди — талантливы во всем». Эта формула вполне применима и к гениальным представителям рода человеческого, по крайней мере, к Екатерине Великой. Одно из проявлений ее гениальности заключалось в умении подбирать на государственные должности людей. Среди активных деятелей «золотого века» нашей истории был и князь Александр Алексеевич Вяземский, возглавлявший Сенат на протяжении 29 лет.

Критиковать действия правительства легко, поливать грязью ненавистных чиновников — и того проще. Но так ли легко на самом деле управлять государством, тем более таким огромным, как Россия?

Екатерине II империя досталась в плачевном состоянии: казна пуста, законы не действуют, цены взвинчены, чиновники — сплошь взяточники и казнокрады, крестьяне бунтуют... К тому же «добрые» соседи ятаганы точат.

Как же удалось императрице вытащить государство из такой бездны и превратить его в мощную державу? Куда больше этому поражаешься, когда читаешь, что почти во весь период ее царствования сенатом управлял всего лишь один человек, и тот слыл в Петербурге весьма ограниченной личностью.

Был ли на самом деле генерал-прокурор таким? Или сенат не играл никакой роли при Екатерине Великой? Приподнимем слегка завесу над кухней управления государством: ведь прошлое любопытно, и из него можно многое перенять, или, по крайней мере, сделать какие-то выводы.

В былые времена россияне тепло относились к знаменитому роду Вяземских. Родоначальник их, князь Андрей Владимирович, прозванный «Долгая рука», получил в удел Вязьму, откуда и пошла фамилия. Этот отпрыск Владимира Мономаха одним из первых сложил свою голову в столкновении с мощной силой, шедшей на Русь в XIII веке. Князь Андрей Владимирович геройски погиб в знаменитой кровавой сече на реке Калке в 1224 году.

Потомки его верно служили Отечеству и прославились на разных поприщах. Среди них были оружничьи и стряпчие, стольники и воеводы, сенаторы и губернаторы. Нам с детства знакомы стихи поэта Вяземского — друга Пушкина, а современники наслаждались оперой «Княгиня Острожская», написанной князем Григорием Николаевичем.

К этой же ветви рода принадлежал и государственный деятель Александр Алексеевич Вяземский, родившийся 3 августа 1727 года в семье морского офицера.

Тринадцатилетний княжич поступил в самое престижное учебное заведение — шляхетный сухопутный кадетский корпус. Образование и воспитание в «кузнице кадров» Российской империи (или, как ее называли, Академии рыцарей) получили самые выдающиеся деятели нашей державы.

Представление об успехах Александра дает одна из аттестаций корпуса: «Скончал геометрию и регулярную фортификацию; учится иррегулярной с атакою; рисует ландшафты красками хорошо; разумеет и говорит по-немецки; переводит с российского на немецкий язык, нарочито сочиняет немецкие письма по диспозиции и переводит с немецкого на российский язык; учится истории универсальной; географии по Гоманским картам и истории специальной новейших времен; фехтует несколько; танцует минуеты».

Семь лет пролетели незаметно, и в 1747 году двадцатилетний князь становится прапорщиком армии. Вяземский отличился в сражениях Семилетней войны, он «разъезжал» по европейским странам с важными и чрезвычайно

Москва.
«Дом Пашкова».
Гравюра Ж. Лори по рисунку Делабарта. 1799 г.

рискованными «тайными поручениями». Некоторые из них едва не стоили ему жизни.

Молодой, исполнительный, трудолюбивый и честный офицер быстро продвигался по службе. К моменту вступления на престол Екатерины II он был уже в чине генерал-квартирмейстера.

Состояние империи в это время выглядело весьма печально: почти повсеместно началось волнение заводских и монастырских крестьян, к ним стали присоединяться и помещичьи. Особенно серьезное положение сложилось на Урале. Туда для усмирения заводских крестьян Екатерина отправила двух генералов — Александра Алексеевича Вяземского и Александра Ильича Бибикова. Напутствуя князя, государыня наказывала:

— Александр Алексеевич, вы, прежде всего, должны привести крестьян в послушание, потом сыскивать подстрекателей. Если, несмотря на увещания и угрозы, крестьяне не придут в повиновение, то смирить их оружием, однако к делу не приступать без самой крайности.

Исполнивши это, вам надлежит собрать все жалобы с доказательствами и исследовать их беспристрастно, выслушивая обе стороны, ибо как крестьянская предерзость всегда вредна, так и человеколюбие наше терпеть не может, чтоб порабощали крестьян свыше мер человеческих.

С приказчиков непременно взять подписки, чтоб они отнюдь с крестьян ничего лишнего не требовали, особенно же удерживались от мучительства, какое оказалось на Петровском заводе Евдокима Демидова. Если действительно найдется, что приказчики виноваты, то наказать их.

Если кто из приказчиков уличится в крайнем бесчеловечии, такого можно наказать и публично.

Окончив это дело, вы, князь, должны рассмотреть состояние заводов, осведомиться, не лучше ли горные работы производить вольнонаемными работниками, чтоб этим, если можно, отвратить на будущее время все причины к беспокойствам, и работу сделать прочнее и полезнее».

Получив подробные инструкции от императрицы, князь Вяземский строго следовал им. Он регулярно и подробно сообщал Екатерине о результатах своих исследований и предпринятых им мерах. Картина в его письмах вырисовывалась ужасающая.

«Выехав из Казани, старался я в разнородных деревнях разведать о поведениях Казанской канцелярии: везде я нашел не только подтверждение донесенному уже о мздоимствах, но нашел еще и то, сколько собираемо было с каждой души ясачных крестьян для поднесения приказным служителям за поданные в прошедшем году к будущей ревизии сказки и сколько собирается на вальдмейстеров при каждом их посещении. В татарской деревне, называемой Агрызы, два сотника уверяли, что за поданные сказки разошлось по 9 и 10 коп. с души; а с вотяков, как с людей очень простых и добросовестных, и более. Вальдмейстеру в каждый его приезд сбирается по 3 и 4 коп. с души, а с вотяков — по 4 и 5 коп.

Все цели и задачи, которые ставила перед собой Екатерина Великая, она реализовала, все, что начинала, непременно доводила до конца. И достигалось это исподволь, без шума и крайне осторожно.

Когда я спросил, за что же они такие большие подарки дают, то получил в ответ: несколько лет тому назад поупрямились они своею сотнею и не дали ничего вальдмейстеру, который за то репортовал, что они рубят заповедный дубовый лес, и губернская канцелярия, не принимая их оправдания, взыскала штрафа 800 рублей; так они теперь уже и дают подарки, потому что хотя никакого дубового леса вальдмейстер не найдет, то смотрит сани и, найдя дубовые полозья, рапортует в губернскую канцелярию о порубленном дубе...»

Такое же положение было и в других губерниях. В Оренбургской, например, «лихоимство нижних губернских чинов не менее прочих; главный между ними надворный советник Каптяжев, который, по слухам, не давал без взятки жалованья нижним чинам».

В Симбирске дворянство сильно негодовало на воеводу князя Назарова, который «сам старался заводить между дворянством ссоры и после беспримерными взятками пользовался, по воровским и разбойническим делам приметывался и разорял до самой крайности с мучительством».

Много жалоб поступило на демидовского приказчика прапорщика Кулалеева. Вяземский «нашел в нем человека с нечистою совестью», взяточника и сместил его, но уголовное наказание тот не понес, хотя «неведомо за что изрубил саблею до смерти» крестьянина Алексеева.

Екатерина понимала, что действиями и распоряжениями генералов в корне пресечь зло невозможно, необходимы кардинальные изменения в государственном управлении и новое законодательство, поскольку «беспорядок господствует не только в частностях управления, но и в законах».

Желая, чтобы «каждое государственное место имело свои законы и пределы», императрица начала свои реформы с сената, который, по ее мнению,

«вышел из своих оснований» и присвоил себе слишком много власти, подавляя всякую самостоятельность подчиненных ему учреждений.

Все цели и задачи, которые ставила перед собой Екатерина Великая, она реализовала, все, что начинала, непременно доводила до конца. И достигалось это исподволь, без шума и крайне осторожно. При Екатерине над сенатом ничего не стояло (как, например, Кабинет при Анне Иоанновне), и его возглавить должен был преданный и исполнительный человек.

Выбор государыни пал на Вяземского. Деятельность князя на Урале доказала его честность и искренность, в чем так нуждалась молодая императрица.

Генерал-прокурор

В 1764 году Екатерина увольняет с должности генерал-прокурора бравшего взятки Глебова (по причине «худого поведения, корыстолюбия, лихоимства») и назначает Вяземского.

— Александр Алексеевич, в поведении вашего предместника было много сокровенного. Ничего не может быть вреднее для общества, как такой генерал-прокурор, который не имеет откровенности и чистосердечия к своему государю, а чрез это и сам не пользуется его доверенностью.

По должности своей генерал-прокурор обязан оказывать сопротивление наисильнейшим людям, для него же есть одна подпора — власть монарха. Если вы окажете прилежание в исполнении возложенных на вас обязанностей и чистосердечие, то получите от меня доверенность беспредельную.

Я прошу вас всегда говорить мне правду и во имя правды спорить со мной без малейшего опасения. Я слышала о вас как о честном человеке и докажу, что с подобными качествами и при дворе люди живут благополучно.

Предупреждая о трудностях управления канцелярией сената, Екатерина напомнила Вяземскому слова французского кардинала:

— Де Ришелье говорил, что ему менее труда составляет управлять государством и вводить в свои виды Европу, нежели править королевскою антикаморою, ибо все праздно живущие придворные старались препятствовать ему своими интригами. Для вас, впрочем, здесь есть средство, которое Ришелье не имел: я даю вам право переменить без пощады всех сомнительных и подозрительных.

В сенате, князь, существуют две партии, и каждая будет стараться склонить вас на свою сторону. Вы, Александр Алексеевич, не должны уважить ни тех, ни других. Обходиться со всеми должно учтиво и беспристрастно, выслушивать всякого, но иметь в виду только пользу Отечества и справедливость. В сомнительных случаях обращайтесь ко мне. Я вас не выдам. Соблюдая упомянутые принципы, вы заслужите почтение у представителей обеих партий. Не худо бы изыскать меры для пресечения в государстве корчемства, в котором столько виновных, что пришлось бы наказывать целые провинции.

Российская империя, князь, есть столь обширна, что, кроме самодержавного государя, всякая другая форма правления вредна ей: ибо все прочие медлительнее в исполнениях и многое множество страстей разных в себе имеют, которые все к раздроблению власти и силы влекут, нежели одного государя, имеющего все способы к пресечению всякого вреда, и почитающего общее добро своим собственным, а другие все, по слову евангельскому, наемники суть.

Вид на Адмиралтейство.

Назначение Вяземского на столь важный и высокий пост вызвало в столице недоумение, общественным толкам и слухам не было конца. Порошин (воспитатель великого князя Павла) записал в дневник: «Никита Иванович Панин изволил долго разговаривать со мною о нынешнем генерал-прокуроре князе Вяземском и удивляется, как фортуна его в это место поставила; упоминаемо тут было о разных случаях, которые могут оправдать сие удивление».

За Александром Алексеевичем прочно закрепилась репутация весьма ограниченного человека, но время и дела его доказали правильность выбора Екатерины. Не случайно у графа Румянцева как-то вырвались слова:

— Ваше величество делает чудеса: из обыкновенного квартирмейстера у вас вышел государственный человек.

Назначая Вяземского генерал-прокурором, Екатерина написала ему собственноручно секретную инструкцию, в которой очертила круг его деятельности: зорко наблюдать за привыкшим не соблюдать законы сенатом и за его канцелярией; обратить внимание на денежное обращение, на соль и вино, составляющие «великое отягчение для народа», и на «соединение в одно всех частей России».

«Малороссию, Лифляндию, Финляндию, а также и смоленскую провинцию подлежит легчайшими способами привести к тому, чтобы они перестали глядеть как волки к лесу, — писала Екатерина, — ибо хотя они и управляются особыми конфирмованными привилегиями, которые нарушать

вдруг было бы весьма непристойно, однако же и назвать их чужестранными и обходиться с ними на таком основании есть больше, нежели ошибка, а можно назвать с достоверностию глупостию».

Также императрица поручила генерал-прокурору умножить «циркуляцию денег» и вникнуть в дело о «выписывании серебра, хотя сия материя деликатна, и многим о сем неприятно слышать».

Екатерина общалась с верховным органом через князя Вяземского, который непосредственно ей докладывал обо всех дела и решениях и объявлял сенату высочайшие повеления и резолюции.

Подобно своей повелительнице Александр Андреевич также умел подбирать себе достойных помощников. Воспользовавшись данным ему правом беспощадно увольнять «всех сомнительных и подозрительных», генерал-прокурор вскоре очистил сенатскую канцелярию от взяточников и проходимцев. При нем служили многие выдающиеся люди, в том числе Храповицкий, будущий министр финансов Васильев и Державин.

Финансист

Ко времени вступления на престол Екатерины II казна фактически была опустошена Семилетней войной, и главной заботой правительства новой императрицы стали финансы. Беспорядки в этой сфере усилили неприязненное отношение государыни к сенату, который имел весьма приблизительное представление о доходах и расходах государства. Затраты на военные нужды породили дефицит, войска не получали жалованья. Хаос в финансовом управлении окончательно запутал и без того плачевные дела. Навести порядок стало первостепенной задачей генерал-прокурора. А труд предстоял поистине титанический.

До сих пор финансовое управление в России не было централизовано: каждое крупное ведомство имело в своем заведовании источник доходов, из которых и производило расходы.

До сих пор финансовое управление в России не было централизовано: каждое крупное ведомство имело в своем заведовании источник доходов, из которых и производило расходы.

Александр Алексеевич приступил к централизации финансового управления. Для этого были учреждены казенные палаты и казначейства, куда стекались доходы. Под контроль князя отдается перевод казенных денег за границу, впоследствии императрица поручает ему заведование всеми денежными делами за границей. Постепенно в руках Вяземского сосредотачивается и финансовая отчетность по Синоду, а также губернскому управлению.

В 1769 году князь Вяземский составил окладную книгу поступлений доходов. Он возглавил учрежденную при сенате экспедицию о государственных доходах и разделил ее на четыре части: доходов, расходов, ревизских счетов и движения монеты. Все ведомости в конце каждого года Александр Алексеевич представлял государыне. Вместе с тем была учреждена должность государственного казначея, которую временно исполнял генерал-прокурор.

Вяземский принимал непосредственное участие в проектах, касающихся выпуска и обращения ассигнаций, которыми покрывалась львиная доля государственных расходов. К концу царствования Екатерины казна насчитывала 157 миллионов рублей. Генерал-прокурор периодически протестовал против увеличения количества ассигнаций, но, к сожалению, с его мнением считались не всегда.

Александр Алексеевич оправдал надежды государыни и пользовался полным ее доверием. Он управлял банками, водяной коммуникацией, государственными доходами, монетным департаментом и многими другими ведомствами.

Екатерина была им довольна и, отказывая кому-либо в деньгах, постоянно ссылалась на Вяземского. Она сдержала свое слово и никому не отдала на растерзание преданного ей генерал-прокурора, который своей честностью и принципиальностью нажил массу врагов среди сильных мира сего, в том числе и среди близких людей государыни.

Александр Алексеевич оправдал надежды государыни и пользовался полным ее доверием. Он управлял банками, водяной коммуникацией, государственными доходами, монетным департаментом и многими другими ведомствами.

Императрица по достоинству оценила титанический труд генерал-прокурора. 6 января 1773 года она пожаловала его кавалером ордена святого Апостола Андрея Первозванного и удостоила рескриптом: «Известно нам, сколько вы во время исправления нынешнего вашего чина во всех делах оказывали прилежания, усердия и ревности к пользе службы; но отменный ваш труд в приведении Государственных доходов в порядок и в сочинении окладной Государственным доходам книги, о которой чрез лет старание поныне тщетно прилагаемо было, доказал еще более, что сие полезное и великое дело вашему токмо трудолюбию совершить надлежало».

Помимо непосредственной деятельности в финансовом управлении Екатерина возлагала на Вяземского и многие другие обязанности. Она назначила его членом совета при Высочайшем дворе и начальником канцелярии опекунства над иностранными поселенцами. Кроме того, Александр Алексеевич возглавлял межевую экспедицию, ему же поручили почтовое дело, осушение болот под Петербургом «строение» Фонтанки, Екатерининского канала, городового вала и театра, а также водяные работы в Риге.

Председатель Комиссии

Финансовая реформа благодаря деятельности князя Вяземского начала приносить свои плоды. Но как можно успешно править государством, если законодательство не работает? Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года давно устарело. Попытки предшественников Екатерины II привести в «систематический кодекс» всю громаду отдельных законоположений, накопившихся со времени Уложения, потерпели фиаско.

Императрица отвергла этот сизифов труд и пошла другим путем. Для чего приводить в систему старое законодательство, если оно не соответствует современному состоянию страны и народа? Необходимо создать новое, ко-

торое содействовало бы установлению порядка и законности в государстве. Россия — европейская страна. Петр I ввел западные обычаи, а она, Екатерина II, внесет в русские законы общеевропейские начала.

Задумав выработать новое законодательство, Екатерина учредила знаменитую «Комиссию для сочинения проекта нового Уложения», которой предстояло «изменить к лучшему весь быт государства в целом его составе». Председателем комиссии императрица назначила князя Вяземского. Именно ему она поручила работу по ее организации.

Для составления нового кодекса 14 декабря 1766 года сенат обнародовал высочайший манифест, которым в Москву созывались депутаты всех сословий и присутственных мест. В состав Комиссии вошли представители сената, Синода, всех коллегий и канцелярий, уездов, городов, жителей «разных званий и состояний», а также кочующих народов.

Летом 1767 года в Первопрестольной собралось 652 человека. Они привезли с собой более тысячи «депутатских наказов». «Избранникам народа» выдали для ношения в петлице на золотой цепочке золотые овальные медали с выбитой подписью: «блаженство каждого и всех».

Екатерина Великая. *Гравюра Ж. Ланте по рисунку Стефано Торелли.*

На время работы в Комиссии депутаты обеспечивались казенным жалованьем. Стремясь возвысить их статус, Екатерина навсегда освобождала избранников от казни, телесного наказания и конфискации имущества. Обидевший же депутата нес двойное наказание.

Торжественное открытие заседания Комиссии об Уложении состоялось в конце июля. Вслед за императрицей в Успенский собор двинулись депутаты под предводительством генерал-прокурора, державшего в руке маршальский жезл.

По окончании службы депутаты подписали присягу, в которой клялись «приложить чистосердечное старание в великом деле сочинения проекта нового Уложения, соответствуя доверенности избирателей, чтоб сие дело начато и окончено было в правилах богоугодных, человеколюбие вселяющих и добронравие к сохранению блаженства и спокойствия рода человеческого, из которых правил все правосудие истекает».

Присягавший просил Бога, чтоб «ниспослал ему силу отвратить сердце и помышление от слепоты, происходящей от пристрастия, собственной корысти, дружбы, вражды и ненавистные зависти, из коих страстей родиться бы могла суровость в мыслях и жестокость в советах».

Началась грандиозная кропотливая работа: чтение и обсуждение «Большого Наказа», составленного самой Екатериной; обсуждение

каждого депутатского наказа и соотнесение его с соответствующими статьями законодательного труда императрицы. Все отдавалось на рассмотрение в сенат. И «главной пружиной» этого сложного процесса являлся генерал-прокурор.

Князь Александр Алексеевич Вяземский принимал деятельное участие и в другом важном деле — территориально-административном разделении империи. В истории местного управления России новые губернские учреждения составили целую эпоху.

Реформировав центральное управление, Екатерина взялась за местное. И начала она с перекройки территории державы.

Прежде областное деление производилось случайно, и получалось, что в Московской губернии проживало два миллиона двести тридцать тысяч жителей, а в Архангельской — лишь четыреста тридцать восемь тысяч, но при этом численный штат администрации был приблизительно одинаков.

Прежде областное деление производилось случайно, и получалось, что в Московской губернии проживало два миллиона двести тридцать тысяч жителей, а в Архангельской — лишь четыреста тридцать восемь тысяч, но при этом численный штат администрации был приблизительно одинаков.

В 1775 году сенат издал «Учреждения для управления губерний», на основании которого значительно увеличилось количество этой административной единицы. Упразднились «провинции», отныне губернии делились только на уезды, причем в каждой губернии должно было проживать от 300 до 400 тысяч человек, а в уезде — от 20 до 30 тысяч.

Изменив областные границы, императрица реформировала и губернские учреждения, стараясь разграничить ведомства и привлечь к участию в управлении земские элементы. До 1775 года главным органом управления в губерниях, провинциях и уездах были губернаторы и воеводы со своими канцеляриями.

Екатерина, не любившая чиновников, вынуждена была увеличить их армию и усилить местную администрацию. Это было следствием впечатлений, которые на нее произвели трагические события первой половины семидесятых годов. Именно они убедили императрицу, что малочисленность и слабость администрации может пагубно сказаться в тяжелые времена.

Так, во время чумного бунта в 1771 году московские сенаторы растерялись и против мятежной толпы, зверски убившей архиепископа Амвросия, не могли собрать и 500 солдат. Московский главнокомандующий граф Салтыков справедливо жаловался Екатерине на недостаточность своих средств: «Я один в городе и Сенате, помощников нет, команды военной недостает... помочь мне некому».

Еще сильнее слабость администрации сказалась в годы пугачевского бунта. Из-за войны с Турцией у правительства было мало войск, чиновникам же не под силу было вовремя сдержать крестьянские волнения и принять должные меры безопасности. В результате, пролились реки крови неповинных людей. Пугачев под именем Петра III овладел громадным пространством от Оренбурга до Казани, и борьба с ним обратилась в упорную войну.

По новому законодательству, правительственную власть в губернии представляло Губернское правление во главе с губернатором.

Высшими органами суда стали уголовная и гражданская палаты, финансами заправляла казенная палата.

Для дворянских тяжб и суда над дворянами существовал Верхний земский суд. Представители городского сословия с исками и тяжбами обращались в Губернский магистрат. «Верхняя расправа» служила судебным местом для однодворцев и государственных крестьян. Эти суды носили коллегиальный характер и состояли из председателей (коронных судей) и заседателей (выбранных из того сословия, делами которого занималось учреждение).

Для «полюбовного решения тяжб», для суда над невменяемыми преступниками и непреднамеренными преступлениями существовал Совестный суд. Устройством же школ, богаделен и приютов занимался Приказ общественного призрения.

Такая же структура управления была и в уездных городах, во главе которых стояли исправники, выбранные дворянами.

Вся эта государственная махина подчинялась сенату.

Таким образом, к восьмидесятым годам XVIII столетия генерал-прокурор князь Александр Алексеевич Вяземский оказался во главе целого ряда отдельных отраслей управления, играя фактически роль министра трех ведомств: юстиции, внутренних дел и финансов.

В сфере судебной деятельности генерал-прокурор являлся начальником всей канцелярии при шести департаментах сената. Если в общем собрании сената не было единогласия, то генерал-прокурор представлял дело государыне и объявлял сенату высочайшую резолюцию.

В 1789 году Александра Алексеевича разбил паралич, и он не мог больше участвовать в делах. Екатерина чрезвычайно жалела своего энергичного «ученика» и не желала замещать его. Лишь в 1793 году, убедившись, что князю не суждено поправится, за несколько месяцев до его смерти, императрица уважила просьбу Вяземского и подписала указ об его отставке.

Один из биографов бессменного генерал-прокурора Бантыш-Каменский писал: «Князь Александр Алексеевич Вяземский отличался верностию своею к престолу, бескорыстием, был чрезвычайно трудолюбив, умел избрать достойных помощников, враг роскоши... Им сочинено известное наставление казенным палатам».

Возможно ли не гордиться и не преклоняться пред нашим «галантным веком», который бескорыстные, трудолюбивые и верные сподвижники и «ученики» Екатерины Великой превратили в «златой век»?!

Звезда и знак ордена св. Андрея Первозванного.

Народная артистка России Евгения Крюкова начала свою работу в театре как художник в экспериментальном театре Вячеслава Спесивцева. Об артистической карьере девушка никогда не мечтала. На эту дорогу ее вывела сама Судьба. Она же подарила ей возможность сниматься в первых российских телесериалах «Петербургские тайны» и «Развязка петербургских тайн», «Досье детектива Дубровского» и «Бандитский Петербург», а также в многосерийных фильмах «Честь имею» и «Умножающий печаль». Еще будучи студенткой третьего курса ГИТИСа (сейчас РАТИ – прим. авт.), Евгения Крюкова начала выступать на сцене театра имени Моссовета, где работает и по сей день. И за эти годы она сыграла в знаменитом столичном театре немало заметных ролей. А в кино ее снимали Эльдар Рязанов (комедия «Ключ от спальни») и Сергей Соловьев (фильм «О любви», поставленный по рассказам А.П. Чехова). А совсем недавно ее увидели в роли панночки в современной экранизации гоголевского «Вия». Все эти работы, такие разные по творческой палитре, подчеркивают особую индивидуальность Евгении Крюковой, сумевшей так же творчески воспользоваться представившимся ей счастливым случаем. Впрочем, сама Евгения не склонна считать происшедшее с ней случайностью, пусть даже счастливой.

Евгения Крюкова: «Мне не бывает скучно наедине с собой!»

— Я верю в судьбу, — признается актриса. — Просто так, мне кажется, ничего не происходит. Хотя в моей жизни было много самых разных случайностей. Я ведь на самом деле не собиралась становиться актрисой. И у нас в семье актеров никогда не было. Родители по профессии — инженеры, а мне, поскольку я неплохо рисовала, прочили карьеру художника или архитектора... Когда я закончила школу, мама заявила, правда, ненавязчиво: «Поступай-ка, Женечка, в архитектурный институт». Женечка послушалась и подала документы в архитектурно-художественный вуз. Но когда перед экзаменами меня начали одолевать сомнения, мама снова проявила «педагогическую решительность»: «Ага, боишься, что не сдашь?!» Я, конечно, экзамены сдала, хотя получилось, что почти на спор. Но потом все-таки поняла, что сделала ошибку: дело, которым начала заниматься, оказалось для меня совсем чужим. Я стала прогуливать лекции, заваливать экзамены и, в конце концов, забрала документы из института. Мама после этого полгода со мной не разговаривала. Тогда об актерской карьере я совсем не думала, собиралась учиться на театрального художника. Но однажды случайно встретилась в кафе с молодым человеком, который учился в Щепкинском училище. Он пригласил меня на студенческий спектакль, а там, также случайно, мне вдруг предложили сниматься в кино. В антракте подошел незнакомый человек, представился помощником режиссера и спросил: «Вы, наверное, студентка?» И хотя я заверила его, что никакого отношения к театру не имею, он все равно попросил меня прийти на пробы... Так я попала на крохотную роль деревенской трактористки в картине, которую снимали на студии «Беларусьфильм». Правда, после конфликта с режиссером, мои сцены из фильма вообще вырезали. Но эта история разозлила меня настолько, что я решила не останавливаться на эпизодической роли трактористки и поступила в ГИТИС.

– И в том же году состоялся ваш полноценный дебют в кино: вы сыграли княжну Татьяну в историко-психологической драме Карена Шахназарова «Цареубийца», Раису в романтической военной драме Анатолия Кокорина «Ванька-встанька», а также заметную роль в комедии Валентина Мишаткина «Встретимся на Таити». Затем вас приглашали в труппу театра имени Моссовета. Однако в последние годы вы заметно снизили свою актерскую активность. С чем это связано?

– Причин несколько. Во-первых, у меня растет дочь, Дуня в этом году пойдет в первый класс. Во-вторых, у меня три крупные роли в спектаклях: в своем театре – «В пространстве Теннеси Уильямса» по пьесе «Трамвай «Желание», у Андрея Житинкина – «Анна Каренина», и в антрепризном спектакле «Трио» про «треугольник» Шумана, Клары Шуман и Брамса. Я не стремлюсь к тому, чтобы увеличивать театральную нагрузку, поскольку спектакли – достаточно серьезные по эмоциональной нагрузке. Кроме того, периодически возникают и работы в кино. Сейчас закончила сниматься в кинопроекте «Савва Морозов», где я играю артистку-революционерку Андрееву, и начала работать в новой картине Александра Абдулова «Гиперболоид инженера Гарина» в роли мадам Зои. Еще один проект в Киеве – «Дом у озера», который вскоре запускает Алена Демьяненко. Мы с ней очень интересно сотрудничали во время работы над картиной «Козароза». Она – человек профессиональный, творческий, поэтому можно предположить, что и на этот раз получится хорошее кино.

– Практически в каждом своем интервью вы говорите о своей внутренней самодостаточности и отсутствии депрессии, которая, как считается, присуща людям творческим, особенно актерам, представителям самой зависимой из всех зависимых профессий. Что вам помогает находить гармонию с самой собой, своими чувствами и творческими амбициями?

– Я уже довольно давно поняла, что мне не бывает скучно наедине с самой собой, есть во мне какая-то внутренняя самодостаточность. Мне кажется, депрессия мучает людей исключительно от безделья. Я никогда «не скучала» возле телефона в ожидании того, что мне позвонят и куда-то пригласят... Вокруг столько всего интересного! Много лет назад, когда мои родители еще только поженились, они построили дачку в 70 км. от Москвы. Там я провела все свое детство. Поскольку дачное хозяйство находилось в лесу, папа научил меня не только видеть и уметь отбирать сухие деревья, но и обращаться с ножом. Мы с ним находили подходящую корягу и что-нибудь из нее мастерили. Я запросто строгала и вырезала, даже как-то Буратино смастерила из дерева. Потом научилась делать кукол – из глины леплю головы, ручки-ножки, а потом шью им наряды... Лет восемь назад папа сказал мне, что неподалеку от его дома продается участок. И я решила его купить, чтобы создать там свою березовую сказку. Мы полностью перепланировали участок, и дом построили по моему представлению. Мне очень хотелось, чтобы домик был каким-то природно-замшелым и максимально заросшим. Даже стены сруба мечтала обшить горбылем. Увы, родители не дали этого сделать, буквально держали меня за руки и говорили, что это – просто немыслимо! Но я все равно нашла максимально посеревшую доску, похожую на горбыль. Очень увлекательно работать с деревом, особенно с березой: каждая – со своим лицом и характером. Стоит ее по-другому завернуть, и она уже выглядит совершенно иначе.

> Красота состоит из внутренних проявлений человека, из его увлечений, а главное — из его душевной работы...

Вообще, я тут многое сделала своими руками. Полностью покрасила все полы, лестницу, срезала ножом углы на всех дверях, чтобы они не выглядели идеально ровными... Помню, рядом стоял мастер-краснодеревщик и почти плакал, говоря, что я порчу его работу... А сейчас сам подрезает все именно так, как мне изначально хотелось.

У меня – достаточно большой набор профессиональных инструментов, обращаться с которыми совсем не сложно. Даже есть сварочный аппарат... Я люблю всем этим заниматься, и у меня хватает терпения, чтобы в течение, скажем, недели смастерить стол и кресла в саду, за которыми приятно посидеть теплыми летними вечерами. Для меня этот процесс похож на своего рода медитацию: сижу тихонечко и ковыряюсь... Наверное, именно в этом – причина отсутствия депрессии, когда наступает творческий перерыв, то есть нет интересных ролей в театре или в кино...

Когда появился уже общий вид гостиной, я стала присматривать элементы ее оформления. Мне захотелось создать на камине коллекцию самоваров: некоторые попались мне на блошином рынке в Измайлове, некоторые стала привозить из-за границы, что-то дарили друзья... То, что сейчас стоит на камине, всего лишь малая часть коллекции. Основное пока лежит в ящиках и коробках.

Теперь, когда дом почти готов, у меня в планах строительство Дуниного домика во дворе – избушки на курьих ножках. Там все будет по-настоящему: комната, балкон и перила, даже цветы будут расти... Одним словом, полностью игровое хозяйство моей дочки.

– У вас довольно большая коллекция кукол, сделанных своими руками...

– Когда-то я этим сильно увлекалась. А сейчас работаю только «по необходимости». Вот видите, у меня сейчас – две куклы. Одну уже давно обещала сделать в подарок подруге, а вторую делаю для дочки...

– Дуня еще не включилась вместе с вами в этот процесс?

– Нет, таких кукол она пока не делает. Но дома в Москве у нас есть целый кукольный театр. Мы с ней мастерим специальных кукол из яиц, приделываем к ним волосы, обклеиваем папье-маше, красим...

– Это была ваша идея?

– Они стали нечто подобное делать в детском саду. А потом я ей предложила: «Давай сделаем свой кукольный театр!» Дуне это предложение понравилось, и мы стали вместе с ней этим заниматься.

– Себя и свои детские увлечения в дочке узнаете?

– Пока не очень. Но я вижу, что она все очень хорошо чувствует. И если мне нравилось что-то перерисовывать, то она, в основном, действует под влиянием порыва. И будет рисовать красками так, как ей чувствуется на данный момент. Она слышит музыку внутри себя. Закрывает глаза и начинает танцевать. Я не стараюсь ей что-то навязывать, очень боюсь этого. И не хотела бы сбить какие-то ее порывы, пока еще не оформившиеся в серьезные увлечения. Поэтому просто наблюдаю за дочкой, чтобы понять, куда ее все-таки тянет больше.

– В новой экранизации гоголевского «Вия» вы сыграли ведьму . Сложно было с этой ролью? Я слышала, что вы даже благословение у батюшки спрашивали накануне съемок...

– В творческой работе главное – что ты хочешь сказать и зачем, а уж какими средствами все это сделано, совершенно не важно. В гробу лежать мне уже приходилось в «Петербургских тайнах», и этого я совсем не боялась. Но вот друзья и родные переживали... И не было человека, который бы не спросил меня: «А тебе не страшно?» В конце концов, я поехала в небольшой храм под Москвой к батюшке. Он сказал мне: «Ну, что ты волнуешься? Гоголь – православный писатель, и писал он о вере. Снимайся спокойно, не думай ни о чем». После этой встречи никаких сомнений у меня больше не было.

А сложности... Они – только чисто технические. Мне ведь приходилось летать, и снимали помногу часов подряд, в тяжелых условиях. В творческом же плане ничего трудного не было.

> Я на самом деле не собиралась становиться актрисой. И у нас в семье актеров никогда не было.

Режиссер картины Олег Фесенко хотел вложить больше психологии, чем в результате получилось. Продюсеры испугались, что психологическую картину никто смотреть не будет. Решили сделать ужастик на потребу публике – и сделали. По-новому перемонтировали, по-своему написали текст. Нас поставили перед фактом и пригласили лишь на озвучивание. В итоге, режиссер снял свою фамилию из титров. Я, как и он, считаю, что мы снимали совсем другое – картину о вере. Главный герой помог грешнице, он отпустил ее душу, и она рассыпалась в прах. Когда мы приступали к съемкам, идея картины была – спасение души. А у них остался банальный, примитивный финал на уровне фильмов ужасов. Потом еще что-то дорисовывали, причем все это сделали бессмысленно и безвкусно. Я сказала, что не буду озвучивать этот вариант, что дописанный текст никак не клеится с той картиной, которую мы хотели сделать. Но мне «посоветовали» все-таки приехать на озвучивание, сказали, что иначе пригласят другую артистку. Я понимала, что может получиться еще хуже, поэтому согласилась. Попыталась озвучить роль в контексте того образа, в котором мы снимали с Фесенко, но все равно вышло так, как задумывали продюсеры. Что поделаешь – таковы издержки нашей, так называемой зависимой профессии.

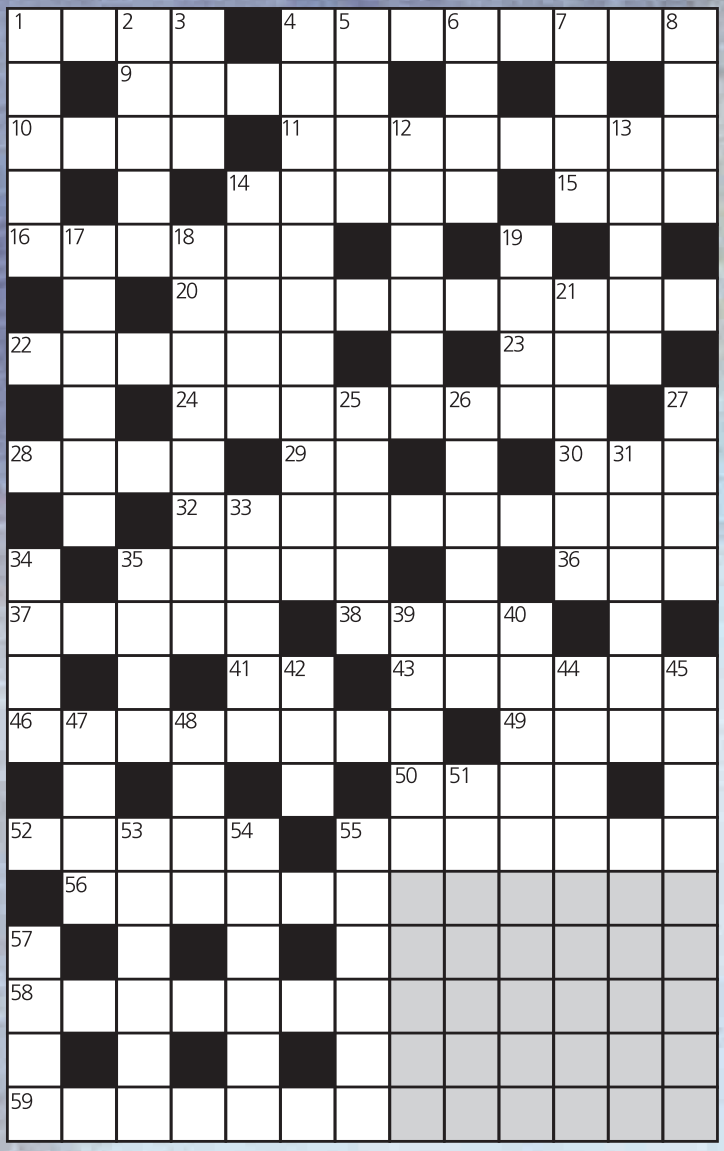
– Кроме актерской профессии, вы сильно увлечены декоративно-прикладным творчеством в своем доме! Не жалеете, что ушли из МАРХИ после первого курса?

– Нисколько не жалею. Все это творчество – исключительно для себя, не более того. Каждый должен заниматься своим делом и быть в нем профессионалом. И мне, после первого курса, показалось, что я занимаюсь не своим делом. Видимо, то, чему нас там учили, было не моим способом самовыражения. Вернее, это во мне есть в каких-то небольших пропорциях, но не настолько, чтобы заниматься этим профессионально, а лишь по зову души, или когда выпадает свободное время. И у меня постоянно что-то домысливается, додумывается, доделывается. Хочется жить в комфорте, и я пытаюсь его создавать именно для себя и своих близких так, как я это понимаю, и делаю то, что мне нравится.

– Вам наверняка постоянно говорят о вашей красоте и эффектной внешности. Это помогает или мешает в работе?

– Иногда в чем-то помогает, иногда – не очень. Но я никогда не зацикливалась на своей внешности. Она ведь не заслуга, а всего лишь «сопутствующий фактор». Бывает, что внешность иногда даже мешает, и некоторые ее боятся. А вот я не боюсь быть некрасивой ни в кино, ни на театральной сцене. Ведь красота – это не просто красивое лицо или красивая фигура. Она состоит из внутренних проявлений человека, из его увлечений, а главное – из его душевной работы...

Беседовала Татьяна Секридова.



По горизонтали. 1. Удар небесный. **4.** Собака без родословной. **9.** Руль человека, сидящего на козлах. **10.** Согласно пословице, если она есть, то ума не надо. **11.** Женщина, приехавшая из-за бугра. **14.** Военное, народное или судебное собрание во времена Гомера. **15.** Самоволка футбольного мяча. **16.** На Земле лежит, а вокруг Юпитера вертится. **20.** Безнравственность, склонность к аморальным проступкам. **22.** Император, король или царь. **23.** Вопросное слово в телепередаче со знатоками за круглым столом. **24.** Прилежание в работе, учебе; усердие. **28.** Зловредная африканская муха. **29.** Нагая женщина на холсте. **30.** Еще одно вопросное слово в телепередаче со знатоками. **32.** Безудержная игра музыканта на инструменте. **35.** Парный орган слона, способный стать слонами шахмат-

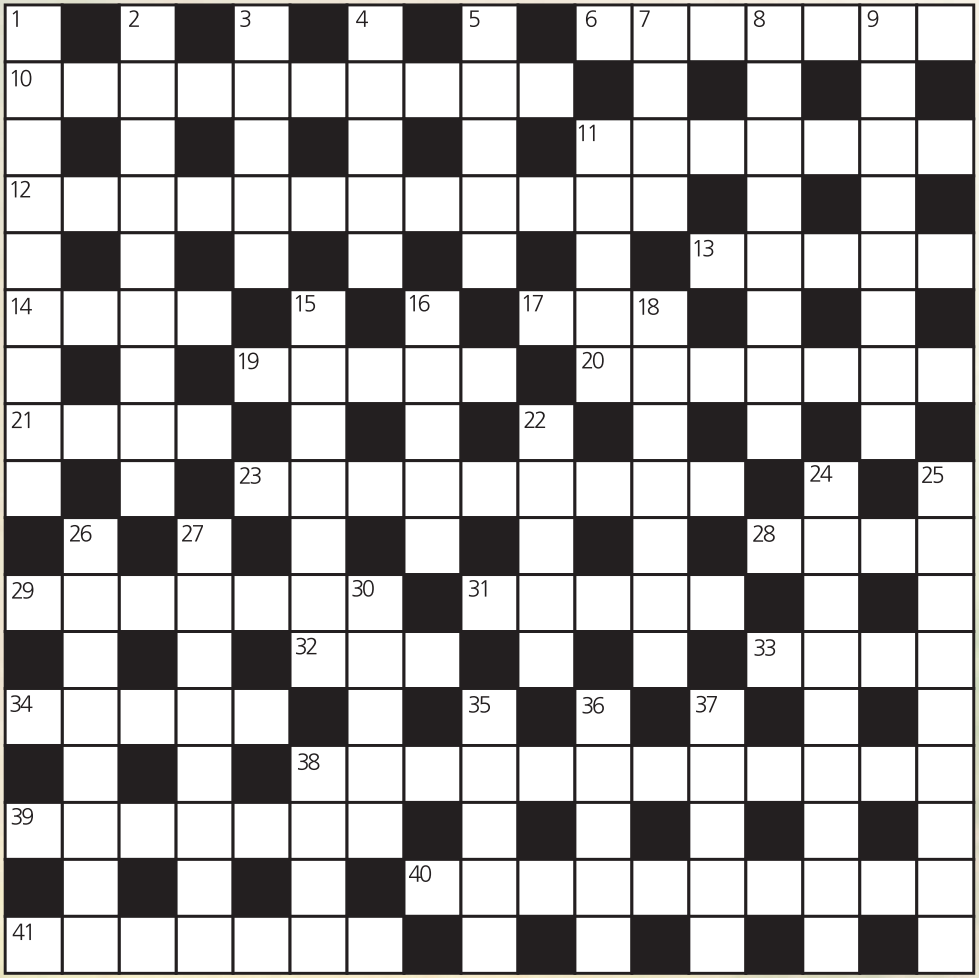
ными. **36.** Койка для так и не вставшего с больничной койки. **37.** Карта, которую на Руси называли хлопом, холопом. **38.** Столица страны фараонов и пирамид. **41.** Междометие боли, горя, досады, сожаления. **43.** Низ ноги. **46.** Знаменитый в свое время дирижер Московского симфонического оркестра по имени Вероника. **49.** Имя отца А.Солженицына. **50.** Распускать... (кукситься, ныть). **52.** Частица света. **55.** Пожитки, подержанные вещи. **56.** Линейка для кривых. **58.** Знаменитый американский модельер. **59.** Примитивный прибор, помогающий девушке опаздывать на свидание.

По вертикали. 1. Немецкий писатель, которому «Душа ребенка» позволила на «Пути сновидений» увидеть «Степного волка» и освоить «Игру в бисер». **2.** Крещеный половчанин в опере А.Бородина «Князь Игорь». **3.** Птица трехметровой высоты, обитавшая в лесах Новой Зеландии, пока туда не пришел «человек разумный». **4.** В.Гафт: «Гораздо меньше на земле армян, чем фильмов, где сыграл...». **5.** Продукт, искать истину в котором все дороже и дороже. **6.** Цветок, рожденный, по легенде, вместе с Афродитой из морской пены. **7.** Самоцвет, символ скромности и мужества. **8.** Самоцвет, с которым нельзя сравнивать черные глаза красавицы, поскольку он полосчатый. **12.** Женщина у живущего на Дальнем Востоке народа численностью примерно тысяча человек. **13.** Известный французский исследователь подводной жизни океана. **14.** Сорт зимних яблок, способных лежать до весны. **17.** Мужчина, носящий цветы спящей вечным сном жене. **18.** Чувство недоброго ожидания, тревоги. **19.** Черноморский курорт России, где многие толстосумы отхватывают куски территории. **21.** Бедро по старинке, особенно у животного. **25.** Варяжский князь, основавший в Новгороде династию (последний царь — Федор Иоаннович), к которой восходил род князя П.Вяземского, поэта. **26.** Воспаление нервов, чреватое болями, параличами. **27.** Ручной ветряк. **31.** Мифическая основательница Карфагена, героиня поэмы Вергилия «Энеида». **33.** Человек, разгадывающий кроссворд полностью и без всяких усилий. **34.** Карл Линней по национальности. **35.** Хождение жены или мужа на сторону. **39.** Одна из поз медитации индийских йогов. **40.** Бренные архитектурные останки. **42.** Содружество голосов. **44.** Взрывоопасный малый. **45.** Соперник курицы в споре о первородстве. **47.** Острый, свой, а то и медвежий. **48.** Знаменитый рассказ С.Цвейга о затмении разума. **51.** Открытое всем ветрам место. **53.** Самый ужасный и подлый способ политической борьбы. **54.** Длинный складной нож, холодное оружие испанца. **55.** Чаще всего исполняемое произведение М.Равеля. **57.** Старинный лихой способ жениться бесплатно и без согласия родителей невесты.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 9.

По горизонтали. 1. Митинг. **7.** Авария. **11.** Худение. **12.** Злючка. **13.** Кассио. **14.** Договор. **16.** Платонов. **17.** Дилетант. **18.** Мак. **21.** Борец. **22.** Наемник. **25.** Округ. **27.** Ересь. **28.** Ливанов. **30.** Варенье. **31.** Прихлоп. **32.** Улугбек. **33.** Порох. **36.** Гурия. **37.** Монисто. **39.** Сирин. **42.** Агу. **45.** Наркотик. **47.** Барометр. **48.** Шаляпин. **49.** Нежить. **50.** Феникс. **51.** Церковь. **52.** Свалка. **53.** Щавель.

По вертикали. 1. Мазепа. **2.** Трюкач. **3.** Некролог. **4.** Жуков. **5.** Чемодан. **6.** Синод. **8.** Владение. **9.** Ростан. **10.** Ярость. **14.** Доверие. **15.** Рифма. **19.** Каторга. **20.** Эквадор. **21.** ... бурелом. **23.** Кряхтун. **24.** Историк. **26.** Заплата. **28.** Лье. **29.** Арк. **31.** Пеликан. **34.** Холостяк. **35.** Финиш. **36.** Гипотеза. **38.** Оглядка. **40.** Ананас. **41.** Дружба. **43.** Мериме. **44.** Трость. **46.** Карев. **47.** Битва.



По горизонтали. 6. Мастерская Гефеста внутри Этны. **10.** Советник Александра I, который предложил план преобразования России. **11.** Инструмент гравера, в «Автобиографических записках» А.Остроумовой-Лебедевой сравненный со смычком скрипача. **12.** Итальянский художник, изобразивший себя в «Страшном суде» в виде собственной выпотрошенной кожи, которую держит в левой руке фарисей-кардинал. **13.** Обтянутое кожей сиденье сапожника. **14.** Английский иммунолог, антителами поднятый до Нобелевской премии, причем основной базой его открытий стали исследования в Базеле. **17.** Овцевод, чье имя не меньше трех раз встречается на карте юга Австралии. **19.** Холодный северный ветер с невысоких гор в северном Средиземноморье. **20.** Она многое дает во временное пользование, а навечно — ничего. **21.** Цветок, символ весны в Японии. **23.** Министр обороны США. (Он покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна небоскреба.) **28.** Американская овсянка, чье оперение делает ее незаметной в сухой траве. **29.** Усыпительный порошок.

31. Мусульманская страна, где запрещены гаремы. **32.** Чем мельче собака, тем она ценнее (порода). **33.** Последнее сочинение М.Глинки в Италии. **34.** Эмблема Марии Магдалины, Франциска Ассизского, капуцинов. **38.** Способ борьбы с эгоизмом. **39.** Премьер-министр Великобритании, в 1904 году заключивший с Францией договор, ставший основой Антанты. **40.** Ветка растения, которое называли «мужской верностью», на автопортрете Дюрера 1493 года. **41.** После сражения при Гангуте в параде в Петербурге победители прошли через триумфальную арку, где над изображением орла, сидящего на спине слона, была надпись: «Русский Орел мух не ловит» (захваченный шведский фрегат).

По вертикали. 1. Фараон 26-й династии, поместивший, желая узнать «первобытный язык», несколько младенцев в изолированную комнату, куда им приносили еду, не говоря ни слова. Когда они выросли, то, разумеется, никакого языка не знали и объяснялись жестами. **2.** Кукла в балете П.Чайковского, умеющая раскалывать орехи. **3.** Река в Тюрингии, упоминаемая Страбоном в связи с походом Друза (хотя он, видимо, перепутал ее с рекой Верра). **4.** Дерево, из чьей коры получают заменитель хинина. **5.** Лучшее творение Тома де Томона в Питере, которое, в частности, украшают аллегорические скульптуры, изображающие Волгу, Волхов, Днепр и Неву. **7.** Мастер у таджиков (слово порой входит даже в имя собственное). **8.** Поганый человек на Руси, то есть не побывавший в купели; басурман. **9.** Редкая рыба, названная биологами «машиной времени для путешествия в прошлое». **11.** Деталь платья, в первой половине XIX века говорившая о вступлении девушки в брачный возраст, а во второй половине свидетельствовавшая, что дама замужем. **15.** «Владелец» самой тяжелой шапки на Руси. **18.** Недорогой самоцвет, из которого делали бусы, печати, четки. **22.** Испытание для вступающего в монахи. **24.** Полати по сути. **25.** Зазноба, ради которой не щадит горло лучший пернатый певец. **26.** Каждый из 22 химических элементов «без блеска». **27.** Каждая из 109 фигур государственных и политических деятелей, героев, просветителей, ученых, деятелей культуры и искусства на памятнике М.Микешина «Тысячелетие России» по скульптурной сути. **30.** Римский плебейский бог плодородия; посвященный ему праздник сопровождали «веселые непристойности». **35.** Вертикаль, ходящая по ниточке. **36.** Русская мера писчей бумаги (24 листа). **37.** В «Степи» А.Чехова «по движениям баб, вяжущих ..., по лицам косарей, по блеску кос видно, что зной жжет и душит». **38.** Любовник на все времена.

Ответы на «Эрудит», напечатанный в № 9.

По горизонтали. 2. Долги... **5.** Ашшур. **10.** Закуп. **12.** Жером. **13.** Бакушинский. **14.** Вуэ. **16.** Хуч. **18.** Емки. **19.** Цейтнот. **20.** Сват. **23.** Фаталистка. **24.** Чабрец. **26.** Транжир. **27.** Альтист. **31.** Виардо. **32.** Идиоматика. **34.** Юмис. **36.** Маклюра. **37.** Киви. **39.** Гая. **42.** Нея. **43.** Лауренциана. **45.** «Тимей». **46.** Ксист. **47.** Смысл. **48.** Умнак.

По вертикали. 1. Разум. **2.** Дуб. **3.** Опал. **4.** Грушевский. **6.** Шестов. **7.** Ужин. **8.** Рей. **9.** Моруа. **11.** Сиртаки. **14.** Верфь. **15.** Экстирпация. **16.** Хворостинин. **17.** Чтица. **21.** Планида. **22.** Кастрат. **25.** Плеохроизм. **28.** Овсюг. **29.** Одолень. **30.** Талия. **33.** Лабрис. **35.** Магия. **38.** Вепсы. **40.** Лайм. **41.** Янка. **43.** Лес. **44.** Аск.

ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Оформить подписку на наш журнал вы можете:

1. В редакции (Если вы оплачиваете и получаете журнал непосредственно в редакции, стоимость 1 экз. – 38 руб. 00 коп.

1.1. С получением по почте.

Как оформить?

Шаг 1. Заполните разборчиво все поля прилагаемого купона и квитанции об оплате. В купоне укажите тот адрес, по которому вы хотите получать журнал. Шаг 2. Оплатите подписку в любом отделении Сбербанка. Шаг 3. Отправьте заполненный купон-заявку и копию квитанции о переводе денег по адресу: 127994, Москва, Бумажный проезд, д. 19, стр. 2, ООО «ИДЖ «Смена» (подписка) или по факсу: (495) 250-59-28.

Если мы получили заявку до 20-го числа текущего месяца и деньги поступили на расчетный счет Издательского дома журнала «Смена», подписка начинается со следующего месяца.

Не забудьте, пожалуйста, указать в купоне разборчиво свою фамилию, инициалы, а также точный адрес с почтовым индексом.

Сколько стоит подписка в редакции?

Стоимость подписки на 1 номер «Смены» в первом полугодии 2008 г. – 62 руб. 70 коп.
Стоимость подписки на 3 номера «Смены» в первом полугодии 2008 г. – 188 руб. 10 коп.
Стоимость подписки на 6 номеров «Смены» в первом полугодии 2008 г. – 376 руб. 20 коп.
Цена подписки включает стоимость доставки в пределах РФ.

При оформлении подписки на 6 номеров в первом полугодии 2008 г. предоставляется скидка 5%, т.е. стоимость подписки будет равна 357 руб 39 коп.

Как получить журнал?

1. Журнал отправляется из Москвы заказной бандеролью. Почтальон принесет журнал вам домой. Если же дома никого не окажется, то вы получите в почтовый ящик уведомление о том, что вас ждет посылка. Затем вы сможете получить журнал на почте по уведомлению и паспорту. Такая система доставки гарантирует получение, так как каждая бандероль пронумерована и застрахована.

Кто может ответить на вопросы по оформлению подписки?

Вы всегда можете задать любой интересующий вас вопрос по телефону:
(495) 257-31-37 (или (495) 612-15-07) с 10 до 18 по московскому времени.

Факс: (495) 250-59-28 E-mail: sales@smena-id.ru

ВНИМАНИЕ!

Редакционная подписка осуществляется только в пределах РФ.

Редакция не несет ответственности, если подписка оформляется через другие фирмы. Деньги за принятую подписку не возвращаются!

В любом почтовом отделении по каталогам «Роспечати» – индекс 70820, по каталогу «Объединенному» – индекс 88998, по каталогу «Почта России» – индекс 99406.

Квитанция и купон редакционной подписки

Я подписываюсь (подчеркнуть))
- на 1 номер журнала «Смена» и плачу 62 руб. 70 коп.
- на 3 номера журнала «Смена» и плачу 188 руб. 10 коп.
- на 6 номеров журнала «Смена» и плачу 357 руб. 39 коп.

Ф.И.О. Дата рождения

Индекс Обл./край Район

Город Улица

Дом Корп. Кв. Код города Телефон

Эл. адрес

Копия квитанции об оплате от с отметкой банка прилагается.

Извещение

ИНН 7714026110 ООО «Издательский дом журнала «Смена»
р/сч №40702810410150414401 в АКБ «Промсвязьбанк» (ЗАО)
г. Москва
к/сч №30101810600000000119
БИК 044583119

(ф.и.о., адрес плательщика)

Назначение платежа

Вид платежа	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
Подписка на «Смену» 2008г.		

С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен_____«_»_____200_г.
(подпись плательщика)

Кассир

Квитанция

ИНН 7714026110 ООО «Издательский дом журнала «Смена»
р/сч №40702810410150414401 в АКБ «Промсвязьбанк» (ЗАО)
г. Москва
к/сч №30101810600000000119
БИК 044583119

(ф.и.о., адрес плательщика)

Назначение платежа

Вид платежа	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
Подписка на «Смену» 2008г.		

С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен_____«_»_____200_г.
(подпись плательщика)

Кассир

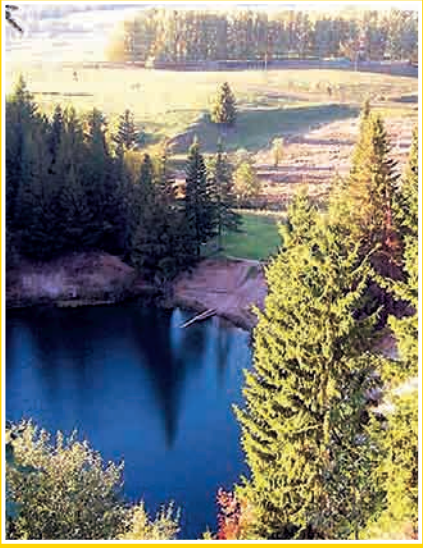
Озеро Морской Глаз

В республике Марий Эл – множество озер. Они – очень живописные, и практически каждое может претендовать на звание одного из чудес России, но озеро Морской Глаз выделяется особенной красотой.

Название говорит о его цвете и форме: оно – почти круглое, в обрамлении елей-ресниц и чудесного цвета, который может меняться в зависимости от погоды, но всегда прекрасен. На фотографии оно – темно-голубого цвета, т.к. снято было в пасмурную погоду. Озеро диаметром 27 м, а глубина его достигает 37 м. Местные жители купаются в водах Морского Глаза, хотя в глубине температура воды всего 6,5 градусов по Цельсию, но, говорят, что на поверхности прогревается до 20 градусов.

Это озеро – настоящее чудо России!

Ирина Иванова



ИНФОРМАЦИОННАЯ ПРОГРАММА ПО ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ РФ

КУЛЬТУРА РОССИИ - НАШЕ ДОСТОЯНИЕ

ВЕНЕЦИАНОВ А.Г.
"Жница."
Государственный Русский музей

Один из основоположников бытового жанра в русской живописи. Бытовой жанр - это один из основных жанров, посвященных изображению частной и общественной жизни человека. Венецианов сознательно стремился к реалистической верности изображения, считая это главной задачей живописца. В своем имении Сафонково художник создал школу, в которую принимал крепостных и детей из бедных семей. С 1820-х тема труда и быта крестьян стала главной в его творчестве. Он придал крестьянской тематике значение самостоятельного жанра живописи. Картина "Жница", написанная в 1820 году, стала убедительным свидетельством этого.

СПОНСОР ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОГРАММЫ*

ИФД-КапиталЪ
Финансовая группа

ЗАО "ИФДК"

РЕКЛАМА